

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XXI

КУРСК
2022

УДК 930.25(470.323)
ББК 79.3 (2Рос-4Кус)
С 54

Рецензенты: В. В. Коровин, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;
Е. С. Кравцова, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский
университет» Минздрава РФ.

С 54 События и люди в документах курских архивов.
Выпуск XXI / под редакцией Э. А. Кудрявцева. – Курск : ООО «Центр
рекламы «Лоцман», 2022. – 153 с. – Текст : непосредственный.

Редакционная коллегия: Э. А. Кудрявцев (гл. редактор) –
начальник архивного управления Курской области; Л. Б. Карманова (зам.
гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области;
Е. П. Маслов – директор ОКУ «Госархив Курской области»; В. В. Раков –
зам. директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Госархив
Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников – заведующий
филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков и сотрудников
Государственного архива Курской области, посвященные различным
проблемам истории края XVIII–XX вв. Опубликованные в сборнике
работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся
отечественной историей. Также в настоящем сборнике представлены
публикации документов по различным сторонам культурной жизни
курского края. Все материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 930.25(470.323)
ББК 79.3 (2Рос-4Кус)

© Архивное управление Курской области
© ОКУ «Госархив Курской области»
© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3–4
------------------	-----

Курский край в XVIII–XX вв.

Холодова Е.В., Шпаков И.В., Ефремова И.С.	Памятник истории и культуры города Курска XVIII столетия – дом купца и строителя Сергиевской церкви К. Е. Первышева	5–18
Ефремова И.С.	Меры по борьбе с эпидемиями среди военнослужащих в период их квартирования в городах в XIX веке (на примере Курской губернии)	19–23
Раков В.В.	Рыбное прудовое хозяйство в имении «Млодаты» Курского уезда Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.)	23–31
Золоторева Н.В.	Некоторые факты из истории колонии несовершеннолетних правонарушителей имени доктора Ф. П. Гааза	32–39
Рожковская И.О.	Досуг курян в конце XIX – начале XX вв.	39–42
Потаскаева Т.Н.	Из истории Фатежской районной больницы	42–45
Волкова А.И.	Региональные газеты как источник по истории системы образования курского края в дореволюционный период	45–51
Немкова Д.С.	Организация бюро для приема жалоб и заявлений при Курском губернском отделении Государственного контроля	51–55
Петров Н.В.	Социальный состав городского населения Курской губернии в первой половине 1920-х гг. (по итогам Всесоюзной городской переписи 1923 года)	55–60
Ласочко Л.С.	Всесоюзная перепись населения 1926 года в Курской губернии: организация, проведение, итоги	61–64
Чубаров А.И.	Курский краеведческий музей глазами посетителей 1930-х гг.	64–67

Аргунов О.Н., Кауров А.А., Манжосов А.Н.	Злодеяния немецко-фашистских захватчиков и их пособников в северных районах Курской области в период оккупации	68–74
Кононов Н.Г.	Из истории восстановления Курской коммунальной электростанции – ЦЭС (1943–1945 гг.)	74–84
Давыдов А.С.	Восстановление электрического трамвая города Курска в послевоенный период (1945–1947 гг.)	84–91
Черников О.А.	«Межевые споры» в советский период по документам фондов сельских Советов Курской области (вторая половина 1940-х – 1980-е гг.)	92–97
Шпаков И.В.	Жилищное строительство ведомства государственной безопасности в Курске в послевоенное десятилетие ...	97–105
Моисеев Е.Л.	Курский радиозавод союзного значения «Маяк»: история и современное состояние	105–114
Моисеев Е.Л.	Курская периодическая печать в свете политики «гласности» (1987–1991 гг.)	115–121

Документальные свидетельства истории курского края

Пахомов С.А.	«ИСКЛЮЧАЕТСЯ ... за принятием на действительную военную службу». Куряне-служащие государственных ведомств, призванных на военную службу в годы Первой мировой войны (По материалам газеты «Курские губернские ведомости»)	122–150
Сведения об авторах		151–152

КУРСКИЙ КРАЙ В XVIII–XX вв.

Е. В. Холодова, И. В. Шпаков, И. С. Ефремова

ПАМЯТНИК ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ГОРОДА КУРСКА XVIII СТОЛЕТИЯ – ДОМ КУПЦА И СТРОИТЕЛЯ СЕРГИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ К. Е. ПЕРВЫШЕВА

В комплексном впервые проведенном исследовании представлена уникальная архитектурно-градостроительная, историко-мемориальная ценность сохранившегося дома XVIII столетия купца Карпа Ефремовича Первышева (1707–1785 гг.) – строителя Сергиевской церкви (ныне Сергиево-Казанского собора) в городе Курске на улице Уфимцева, 14.

Безусловной историко-мемориальной ценностью здесь выступает раскрытие забытого имени и ранее неизученной биографии строителя выдающего памятника эпохи барокко соборной церкви, высоко духовной личности купца, мецената К. Е. Первышева, мемориальным памятником которому стало бы увековечивание его имени на существующих объектах и памятных местах, связанных с его жизнью и деятельностью, а так же в памятных знаках – на доме по Уфимцева, 14, в ограде и стенах Сергиево-Казанского собора, возвращении наименования улицы – Первышевской или части ее в квартале у дома К.Е. Первышева.

Хорошо сохранившееся объёмно-пространственное и планировочное решение, композиция и декоративно-художественная отделка фасадов дома Первышева созвучны каменной жилой исторической застройке середины XVIII и конца XVIII вв., удачно соединивших строительные традиции барокко и строгого классицизма.

Рис. 1, 2. Сопоставление проекта образцового фасада из серии архитектора И. Лема 1770 г. с фасадом дома К. Е. Первышева по ул. Уфимцева, 14 (быв. Первышевской). Фото И. В. Шпакова, 2013 г.

Исследуемый объект, 2-этажное на цокольном и подвальном этаже кирпичное здание, построенное ориентировочно в середине XVIII в., как жилые палаты, реконструированное в конце XVIII в. расположен в

историческом квартале г. Курска. Территория домовладения размещена на улице Уфимцева, 14 (до 1951 г. – ул. Первышевская). Нумерацию участков не менял [1; 2; 3, л. 97] (рис. 1, 2).

На плане города Курска до регулярной застройки 1781 г. [4, л. 1; 5] и плане города с показанием регулярной планировки 1782 г. [6, л. 1], хранящихся в Российском государственном историческом архиве, на рассматриваемом участке показан существующий каменный «обывательский дом».

Исследуемые каменные палаты – ориентировочно были построены в середине XVIII в. вдоль дороги, расположенной на месте будущей улицы Первышевской (ныне – Уфимцева). Старинные палаты хорошо сохранились в уровне двух этажей в пределах выстроенных вокруг них капитальных стен жилого 2-этажного дома конца XVIII в. и имеют разворот в плане относительно наружных стен около 10 градусов (рис. 3). Проложенная по генплану 1782 г. улица Первышевская выпрямлена и откорректирована под небольшим углом к траектории близкой к предыдущей улице, на которую выходило рассматриваемое здание.

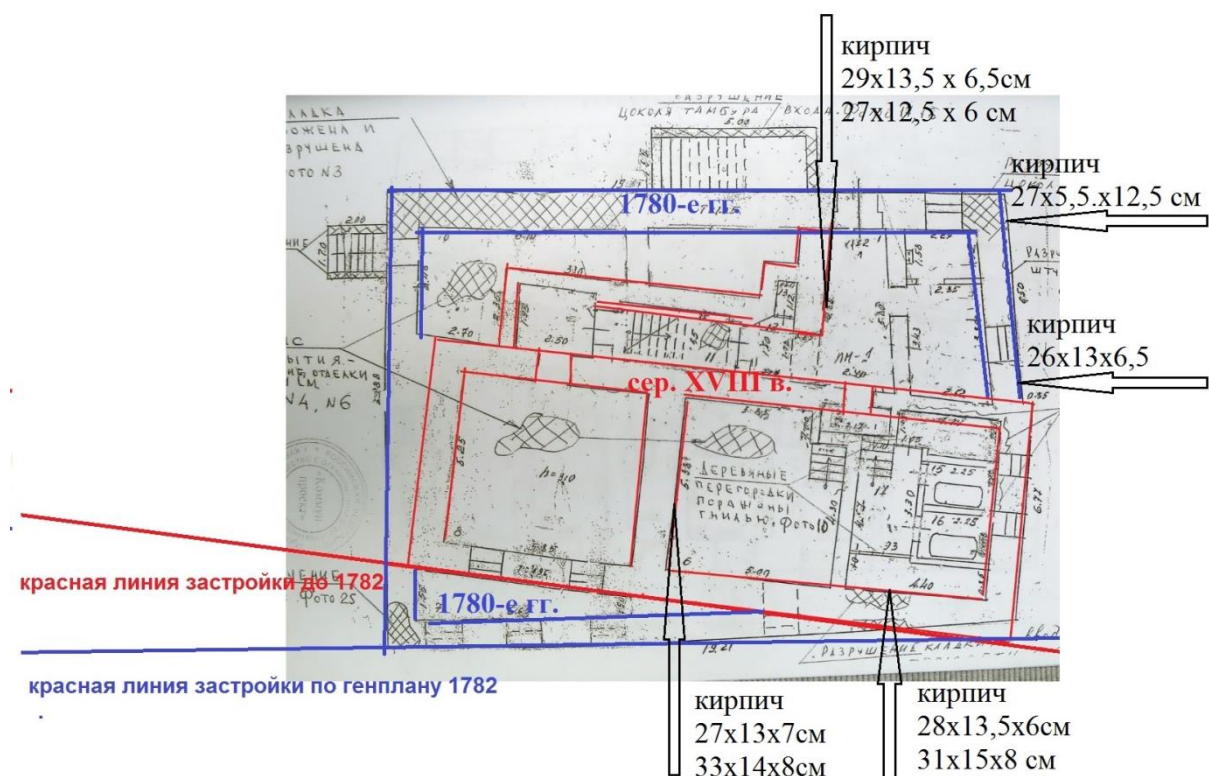

Рис. 3. План подвала дома К. Е. Первышева с показанием основной периодизации строительства. Схема натурного исследования Е. В. Холодовой (июль 2022 г.).

В 2013 г. кандидат исторических наук Ю. В. Озеров в своей работе, посвященной установлению местонахождения в жилых кварталах дорегулярного г. Курска дома купцов Машниных (который не сохранился), родителей преподобного Серафима Саровского, пришел к выводу, что

искомая постройка располагалась к западу от Сергиевской церкви (ныне место вблизи перекрестка ул. Можаяевской/Ленина), а южнее этого храма находился дом купца Карпа Первышева, около 30 лет жертвовавшего средства на возведение Сергиевской церкви (строительства 1752–1778 гг. и в 1833 г., ставшей Сергиево-Казанским собором). Проложенная в 1782 г. улица, названная Первышевской (ныне Уфимцева), пролегла близко к траектории предыдущей улицы, на которую выходило исследуемое здание [7; 8].

Память о строителе храма сохранялась до середины XX века в названии улицы – Первышевской.

Историко-архивные изыскания, дореволюционные источники и натурные исследования сохранившихся связанных своей историей знаковых объектов – храма и дома строителя Сергиевской церкви впервые открывают следующие характеристики и события.

Карп Ефремович Первышев (1707–1785 гг.) был курским купцом, занимался прасольской мелкой торговлей. В клировых ведомостях Сергиево-Казанского собора (с 1833 г. – Кафедральный Казанско-Богородицкий (Сергиево-Казанский) собор) он записан как главный строитель храма [9, с. 147].

Выбранный им духовный путь ктитора, на средства которого был возведен яркий памятник эпохи барокко – двухэтажный храм, позволяет с большой уверенностью предположить, что Карп Первышев был похоронен на месте почетного некрополя, в приалтарной части храмовой территории Сергиевской церкви, ниже которой, к востоку, издревле размещалось приходское кладбище. Там же, предположительно, были похоронены и другие члены семьи Первышевых [10, с. 15–16]. Место захоронения строителя храма незаслуженно забыто, не сохранился и надгробный памятник К. П. Первышеву.

Протоиерей Сергиево-Казанского собора Иоанн Лащенко в соборной летописи, опубликованной в 1895 г., отмечает: «Передается из рода в род, что строителя Первышева звали Карп Ефремович. Икона, находящаяся в верхней церкви в иконостасе, против левого клироса с надписью св. Ап. Карп, подтверждает от чего этим именем назывался строитель храма, а что он был выдающимся из числа жителей доказывает поперечная улица первая от собора на юге, называется до сего времени Первышевская, на которой стоит каменный двухэтажный дом древней архитектуры, бывший как говорят Первышева, одновременно построенный с собором, ныне занимаемый и много измененный конторою Курского водопровода и банями [...] (рис. 3).

О состоянии Первышева ничего не передается, равно как и о помощи от других прихожан не осталось никаких сведений, стоимость храма не известна. Рассказывают, что когда после окончания постройки собрались в доме строителя К. Е. Первышева прихожане и по любопытству спросили:

– Нельзя ли узнать, что стоит построение храма?

То Первышев спросил:

– А нужно ли это?

Затем вынеся из другой комнаты тетрадь, сказал:

– Тут все есть и приход, и расход, и итог, но к чему это?

И тут же в виду всех тетрадь эту кинул в топившуюся печь, дабы чрез то положить конец всякому любопытству и самовосхвалению» [11, с. 424–425].

Рис. 4. Сергиево-Казанский собор в г. Курске, построенный на средства купца К. Е. Первышева в 1752–1778 гг. Фото 1980-х гг.

Рис. 5. Мемориальная часть иконостаса 2-го этажа Сергиево-Казанского собора, левого нижнего ряда, с изображением святых духовных покровителей строителей церкви: «Святой апостол Карп един о семидесяти» и «Святой Василий Епископ Парийский» и икона духовного покровителя храма Преподобного Серафима Саровского.

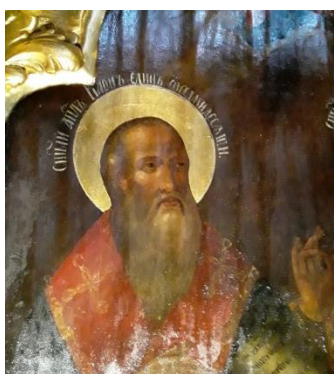

Рис. 6, 7. Мемориальная часть иконостаса 2-го этажа Сергиево-Казанского собора: предположительно прижизненный портрет Карпа Ефремовича Первышева. Верхняя и нижняя часть иконы св. Апостола Карпа. Фото Е. В. Холодовой. 2022 г.

В описании Курского наместничества 1786 г. за авторством прокурора С. И. Ларионова встречается следующее упоминание:

«Приходских [церквей] пятнадцать, из коих каменных:

...

5. Чудотворца Сергия, в право от города за Московскою улицею, построена усердием Курского купца Карпа Ефремова сына Первышева в 1762 году на месте бывшей деревянной, и в 1778 году им же в лучшее поправление приведена и во втором этаже сделан храм Казанской Богоматери. Сия церковь великолепием своим превосходит прочих всех» [12, с. 9].

В клировых ведомостях Сергиево-Казанского собора так же записано: «оная церковь построена ... тщанием прихожанина сей церкви купца Карпа Первышева» [13, л. 1 об.].

В историческом очерке о Сергиевской церкви в городе Курске, опубликованном в Курских епархиальных ведомостях в 1892 г. дана следующая информация: «Кто был строителем сего храма, и откуда явились средства для построения онаго? В ведомости о церкви с незапамятных времен пишется, что “церковь эта построена иждивением курского купца Карпа Ефремовича Первышева при добрыхотных пожертвованиях от прихожан”».

К сожалению, сведений о Первышеве предание сохранило немного. Есть вблизи собора Первышевская улица, на этой улице стоит дом, который приписывают Первышеву (ныне этот дом обращен в общественную баню, но снаружи кажется он остался таким же, каким был поставлен в начале) [...]. Затем предание говорит, что Первышев по торговле был прасол, т. е. торговец мелочным товаром, с которым ездил по деревням, особенно пред праздниками. В одну из таковых поездок, продолжает предание, пред праздником Пасхи, Первышев был схвачен разбойниками и увлечен в их табор, но возвратившись благополучно в город, он приписывал свое спасение от неминуемой гибели чуду и, имея в руках достаточные средства, решился построить храм [...].

Считаем долгом сообщить здесь об одном чудесном событии, которое совершилось при построении сего храма. Строителем храма был, как выше сказано Первышев, а подрядчиком – курский купец Исидор Мошнин. После смерти Исидора, жена его Агафия продолжала исполнять обязанности мужа. И вот однажды она вздумала осмотреть постройку колокольни, взошла на самый верх оной, взявши с собою сына своего Прохора (известного в последствии старца Серафима), которому в то время было 7 лет; незаметно мальчик отошел от матери и по неосторожности упал на землю в виду матери. Мать в странном испуге сбежала вниз, думая найти сына мертвым; но Господь сохранил его; не смотря на то, что он упал с высоты колокольни, летел по лесам, ударился о груды камней, она нашла его стоящим на ногах, нисколько не поврежденным» [14, с. 615–618].

В исследование В. А. Степашкина, биографа преподобного Серафима Саровского (Мошнина), приведены следующие сведения: «...По

материалам Курского городского магистрата выяснились подробности строительства Казанской церкви от 29 января 1773 года [...] К. Е. Первышев о себе сказал: «При Казанской Пресвятыя Богородицы церкви [...] строителем состою я сам и для смотрения заготовленные мною ко оному церковному строению...». Сам Карп Ефремович проживал в своем каменном доме рядом с Сергиево-Казанским храмом на улице, получившей вскоре по новому генеральному плану наименование Первышевская – в знак признания его заслуг перед городом. Дом Карпа Ефремовича стоял в одной линии с каменными строениями купцов и мещан Фатеевых. Так они и записаны в ведомости: купец Иван Фатеев – купец Карп Первышев – мещанин Петр Фатеев – купец Петр Фатеев – мещанин Иван Фатеев. Проживавшие рядом в деревянных домах Андриян и Иван Фатеевы вынуждены были переехать потом на Тускарскую набережную» [15, с. 38–39].

В ходе исследования был изучен иконостас (созданный к 1778 г.) второго этажа Сергиево-Казанского собора. Особую ценность представила здесь, сохранившаяся мемориальная часть левого нижнего ряда иконостаса, с изображением святых духовных покровителей строителей Сергиевской церкви: Карпа Первышева и его сына Василия, продолжившего дело отца. На одной иконе изображены: «Святой Апостол Карп един о семидесяти» и «Святой Василий Епископ Парийский». В ходе исследования родилось предположение, что исполненные в реалистическом письме лики святых могли быть прижизненными портретами ктиторов храма. Справа от них размещена икона начала XX в. – духовного покровителя собора преподобного Серафима Саровского, родители которого были подрядчиками на строительстве Сергиевской церкви (рис. 4, 5). Особого внимания заслуживает книга, которую держит в руках Св. Апостол Карп, на открытой странице которой приведено соборное послание Апостола Иакова: «Приидите ныне богатии, плачьтеся и рыдате о лютых скорбех ваших грядущих на вы» и «Будет Господь благочестивых о напасти избавляти, неправедникам же в день судный ... [...кара] блюсти» (рис. 6, 7). Через эти строки строитель знаменательного и крупного в архитектурном отношении собора Карп Первышев буквально взывает к живущим в достатке людям, где вся обличительная речь Апостола «заставляет богачей рыдать о том, что они собирают свое богатство на нетление и не раздают нищим. Ибо богатство не погибает только в том случае, когда издерживают его на бедных [...]. Речь идет не о естественной участи всякого земного богатства, как скоро гибнущего и тленного по самой природе, а об участи, какая постигнет богатых, как суд Божий, как нарочитое наказание Божие, именно ввиду близкого пришествия Господня. Цель апостольского призыва богачей к рыданию не состоит только в том, чтобы внушить ужас и сознание величайших бедствий, идущих на них, но и побудить их к покаянию и исправлению жизни, пока не поздно» [16].

Пролить свет на историю семьи Первышевых помогают архивные источники. К сожалению, судьба потомков Карпа Ефремовича сложилась трагично. Дети его единственного сына Василия умерли преимущественно во младенчестве, как и дети внука Ивана. Таким образом, к середине XIX в. род этой ветви Первышевых пресекся.

Приведем уникальные сведения из архивных документов XVIII – первой половины XIX вв. Возрастные показатели в источниках разнятся. Так, согласно ревизской сказке 1781 г. Карп Ефимович Первышев родился в 1707 г. Однако, исходя из записи о его смерти в метрической книге Сергиевской церкви за 1785 г., датой рождения купца был 1700 г. [17, л. 44 об.]. Аналогичное несовпадение между указанными источниками имеется и в отношении даты смерти: 1784 г. в ревизии и май 1785 г. – в метрике [18, л. 78 об.] Известно, что таинство надгробного отпевания Карпа совершили священники Иван Данилович и Иван Александрович Щелкуновы – родственники покойной жены Карпа Ефремовича.

Согласно ревизским сказкам горожан и духовенства г. Курска Мария Даниловна Щелкунова, супруга Карпа Ефремовича, родилась в 1722 г. в семье священника Сергиевской церкви Даниила Ивановича. Документально подтверждено, что священники Щелкуновы служили в церкви Сергия Чудотворца г. Курска более 60-и лет (они значатся еще в I-й ревизии (1720 г.) и фигурируют в метрических книгах вплоть до конца 1780-х гг.) [19, л. 48 об.]. У отца Даниила Ивановича, кроме Марии, были сыновья: Александр, Василий и Иван, дети которых также избрали служение церкви [20, л. 7 об.].

У Марии Даниловны и Карпа Ефремовича в 1753 г. родился сын Василий (1753–1813 гг.) (брак, вероятно, был заключен в 1752/53 гг.) [21, л. 762]. Рождение наследника совпало с трагическими событиями: в тот же год страшный пожар дотла спалил деревянную Сергиевскую церковь. Будучи глубоко верующим человеком, Карп Ефремович дал обет о строительстве нового каменного храма.

Капитал Первышевых на этот период позволял строить такие смелые планы. На зажиточность семьи указывает проживание в доме крепостных: калмыка Максима Андреева, работниц Ирины Свиридовой и Татьяны. По закону, иметь дворовых могли только представители гильдейского купечества. Однако строительство храма требовало значительных вложений и в скором времени от содержания дворовых Первышевы отказались. В 1769 г. после смерти Марии Даниловны вольную получила Ирина Свиридова, в 1770 г. умерла Татьяна, а спустя 10 лет на волю отпустили Максима Андреева [21, л. 762].

Единственный наследник Карпа Первышева Василий был женат трижды. Первым браком в 1774 г. он сочетался с дочерью белевского купца Анастасией Афанасьевной Фоминой (1756–1794 гг.). В этом браке родилось семь детей, большинство из которых умерли малолетними [17, л. 47]. Зрелого возраста достигли четверо: сыновья Иван и Василий и

дочери Анна и Елизавета. Василий Васильевич в 1811 г. пропал без вести, не вернувшись после отлучки по торговым делам. Анна Васильевна в 1793 г. вышла замуж за купца Филипцова [17, л. 47].

Согласно VI-й ревизии (1811 г.) Иван Васильевич умер в 1810 г. в возрасте 36 лет [22, л. 169]. Несмотря на то, что в браке с купеческой дочерью Пелагеей Ивановной Зуйкиной у Ивана родилось пятеро детей, ни один из них не прожил и более года [17, л. 63].

После смерти первой жены (13 апреля 1794 г.) 18 августа 1794 г. Василий Карпович женился во второй раз на дочери льговского купца Евдокии Григорьевне Шебуниной (1775–1799 гг.). От этого брака родилось четверо детей, умершие малолетними [17, л. 72].

После смерти Евдокии Григорьевны 13 января 1799 г. Василий Карпович Первышев женится на купеческой дочери Марии Ивановне Ишуниной (1776 – кон. 1850-х гг.) [17, л. 111]. В этом браке в 1802 г. родился сын Сергей (сын Сергей от первого брака, вероятно, умер), в 1814 г. родился сын Николай. Поскольку в VII-й (1816 г.) ревизии указано только 2 ребенка, то все остальные не выжили (знаем, что Василий Васильевич с 1811 г. пропал без вести), Анна вышла замуж за купца Филипцова, Елизавета, вероятно, так же вышла замуж [17, л. 77].

О Сергее Васильевиче известно, что в 1826 г. он ушел в монастырь. В 1847 г. он был снова причислен к курскому мещанству (уже не к купечеству). В ревизии 1834 г. Сергей и Николай записаны в одном дворе; с ними жила мать Мария Ивановна, 55-и лет [13, л. 568 об. – 569, 629 об.]. Между 1850 и 1858 гг. Мария Ивановна умерла. В 1847 г. Николай был отдан в рекруты. Дальнейшая судьба Сергея неизвестна. Вероятно, умер бездетным. Жил он в съемном доме, так как в Алфавитных списках 1852 г. он не значится в качестве владельца жилья [24].

Как сказано выше, в конце XVIII в. произошла значительная реконструкция исследуемого дома. Каменные палаты купца К. Е. Первышева были обстроены капитальными стенами 2-этажного жилого дома, возведенного по красной линии вновь устроенной улицы, проложенной согласно генеральному плану 1782 г. Новое здание было выстроено с «образцовым» фасадом № 1 из серии проектов архитектора И. Лема 1770 г. (Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы для вновь строящихся городов). Данный проект не сопровождался ни поэтажными планами, ни планами участков. Также «наружные украшения, внутренние расположения и задние на дворы фасады предоставлялись на волю хозяев какие кто пожелает» [25, с. 81]. Данное правило было исполнено и на рассматриваемой усадьбе, но в уникальной реконструкции с сохранением памяти о знаковом для истории города доме, отмеченным мемориальным периодом жизни и деятельности его владельца – строителя Сергиевской церкви К. Е. Первышева, включив древние палаты в состав нового дома.

Род купца К. Е. Первышева пресекался, его дом опустел, и вероятно к середине XIX в., был продан, так как в Алфавитных списках 1844 г. за Первышевыми не значится.

В последней трети XIX в. рассматриваемое домовладение было приобретено Петербургским акционерным обществом водоснабжения и газоосвещения для размещения конторы (водопровод в Курске был открыт 1 декабря 1873 г. [26, л. 37 об.]; инициатором строительства водопровода был городской голова П. А. Устимович [27, с. 6]).

В конце XIX – начале XX вв. управляющим конторой общества водоснабжения был мещанин Александр Васильевич Жаденовский (из Санкт-Петербурга) [28, с. 103]. В «Общем списке Государственного квартирного налога 1901 г.», куда переносились сведения обо всех домовладельцах г. Курска, сдающих квартиры, и указывались все квартиросъемщики города, указано, что А. В. Жаденовский снимал квартиру в конторском здании [29, л. 36].

В путеводителе по Курску 1901 г. А. А. Танкова и Н. И. Златоверховникова отдельно отмечалось, что на Первышевской улице находится принадлежавший Первышеву «дом древней архитектуры», занимаемый конторой курского водопровода [27, с. 24].

Рис. 8, 9. Парадное помещение 1-го этажа палат Первышева, накрытое зеркальным сводом с распалубками и лепным декором геометрических и растительных орнаментов, характерных для периода барокко. Фото Е. В. Холодовой. Июль 2022 г.

Также в путеводителе указывалось, что в доме общества водоснабжения по Первышевской улице находились бани с номерами [27, с. 46]. Вероятно, бани располагались во флигеле и цокольном этаже, а первый и второй этаж занимала контора с квартирой управляющего.

В книге «Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии», написанной в 1902 г. краеведом Н. И. Златоверховниковым дом Карпа Первышева упоминается в разделе описания старинных зданий Курска: «Из старинных городских зданий своеобразной архитектуры, резко выделяющейся среди современных строений, обращают на себя внимание: дом бывший Свешникова на Чумаковской улице, дом бывший Первышева на Первышевской улице, занимаемый теперь конторой Общества

водоснабжения, некоторые дома на Дворянской улице, дом против Троицкой церкви (в 3-й части города), принадлежавший по преданию, князю Ромодановскому» [30, с. 15].

В 1918 г. усадьба общества была муниципализирована, а в 1922 г. она была передана в жилищный фонд Коммунального отдела в удовлетворительном состоянии. При передаче в коммунальную собственность города давалось следующее описание участка по ул. Первышевской, 14: «Курское общество водоснабжения и газоснабжения. 656 кв. саж. Баня каменная 2-х этажная, баня 1 этажная, флигель 1 этажный, службы. Оценочная стоимость: 35000 руб.» [31, л. 11 об.].

В 1924 г. домовладение значилось в ведомстве Курского городского водопровода, где находились две коммунальные квартиры, в которых проживали: инженер, сотрудник топливного треста Борис Александрович Алферов со своей семьей; инженер, заведующий водопроводом Василий Иванович Вестфален со своей семьей; артельщик-кассир Кореневского ссыпного пункта Александр Иванович Степан со своей семьей; заведующий Губотделения военного кооператива Александр Александрович Попов со своей семьей; уборщик бань военного кооператива по Первышевской, 14 Петр Глебович Глебов со своей семьей; кочегар при банях военного кооператива по Первышевской, 14 Степан Иванович Царик [32].

В описании земельных участков ул. Первышевской, 14 1924 г. указывалось, что государственные хозрасчетные кооперативные бани с котельной занимали 1-этажное кирпичное здание с железной кровлей: «Сдан в аренду Курским коммунотделом ВКУМВО. Условия аренды – за восстановление ремонта бани и обмывание гарнизона 2 раза в месяц. Арендная плата не взимается. Здание содержится на основании хозрасчета. Баня фасадом выходит на улицу. Этаж 1. Площадь основания – 140 сажень. Стены кирпичные, крыша железная. Двор – 336 саж.» [33, л. 13–13 об.].

На основании вышесказанного можно констатировать, что в 1924 г. на рассматриваемом участке находилась контора Курского городского водопровода, а также еще продолжали действовать бани, относившиеся к военному кооперативу. Краевед В. Б. Степанов писал, что эти бани неофициально назывались «гарнизонные». В течение дня здесь могли помываться до 3 000 красноармейцев, а в 1925 г. после капитального ремонта здесь вновь было открыто для городского населения ванное отделение и пять номеров [34].

В 1927 г. домовладение относилось к ведомству комбината «Водосвет» и там находилась одна жилая квартира, которую снимал счетовод комбината Тимофей Федорович Кожевников со своей семьей [34].

В документах упорядочивании нумерации улиц города Курска 1928г. указывалось, что рассматриваемое домовладение занимает «Водосвет» (водопровод) [35, л. 97].

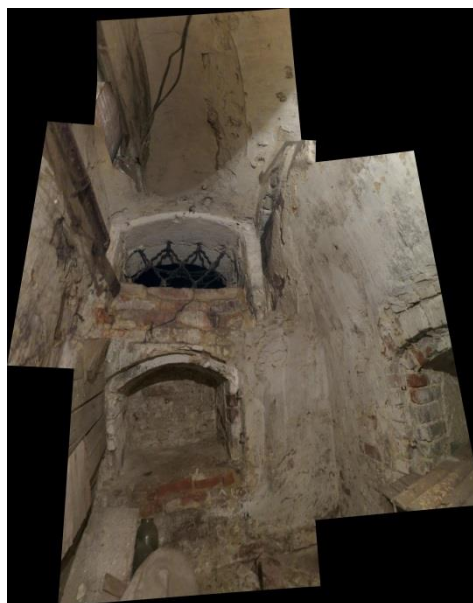

Рис. 10. Вход в юго-западное помещение подвала. Дверь металлическая с кованой фурнитурой. Фото Е. В. Холодовой. Июль 2022 г.

Рис. 11. Интерьер подвала под сомкнутыми сводами – юго-западное помещение. Фото Е. В. Холодовой. Июль 2022 г.

К середине 1930-х г. контора «Водосвет» освободило здание и передало его городскому коммунальному отделу, который, в свою очередь, сдал его в аренду жилищно-арендному кооперативу.

В монографии 1936 г. «Планировка г. Курска. Ч. 1» инженера А. Д. Томашевского в разделе «Памятники искусства и старины», написанной по итогам исследования Курска художником-архитектором К. Г. Петровским, было отдельно выделено рассматриваемое здание как образец постройки XVIII в. в стиле Людовика XVI и рекомендуемое к сохранению в первую очередь при реконструкции города:

«3. По ул. Первышевской дом № 14, занятый жактом № 98, – 2-этажное здание того же стиля, прекрасных пропорций и простых форм с провинциальной трактовкой» [36, с. 74].

Также в монографии приводился план квартала с рассматриваемым домовладением (приведен в приложении), в котором читаются здания, перечисленные при муниципализации: 2-этажная каменная баня (с дворовыми пристройками), 1-этажная каменная баня (с западной стороны участка), 1-этажный деревянный флигель (с восточной стороны участка).

На немецкой аэрофотосъемке 1943 г. видно, что здания на участке по ул. Первышевской, 14 не пострадали [37].

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в здании был проведен капитальный ремонт с перепланировкой под сохранившуюся до

настоящего время квартирографию. После чего дом был заселен как многоквартирный с шестью однокомнатными, четырьмя двухкомнатными и 1 трехкомнатной квартирами. Во второй половине XX в. одна однокомнатная квартира была расселена, а ее помещения используются как общедомовые.

В 1995 г. здание по улице Уфимцева, 14 было включено в Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (утвержден председателем комитета по культуре и искусству Администрации Курской области 16 января 1995 г.) как «Дом жилой, начала XX в.» и в настоящее время здание остается 10-квартирным жилым домом.

В июле 2022 г. на здание по улице Уфимцева, 14 была проведена государственная историко-культурная экспертиза, с предложением включения исследуемого объекта в единый государственный реестр объектов культурного наследия как памятник архитектуры и градостроительства регионального значения.

В дополнение к вышесказанному об устройстве исследуемого дома и его архитектуре можно сообщить следующее.

Исследуемый объект, кирпичное прямоугольное в плане, хороших пропорций, 2-этажное на цокольном и подвальном этажах жилое здание, соединяет в себе два разновременных объекта. Общие габариты здания в плане 13 (13,8) x 19,2 м. Средняя высота этажей от 3 до 4 м. Планировка объекта частью анфиладная и коридорная и поздней квартирографии начала 1950-х гг. – коридорная и смешанная. Здание накрыто высокой поздней вальмовой крышей под шиферной кровлей. Входы в дом и подвал организованы с севера и запада со двора. Ранее здание имело центральный парадный вход с ул. Уфимцева, который позже реконструирован под квартиру.

Имеют хорошую сохранность прямоугольные в плане помещения цокольного этажа, накрытые цилиндрическими с распалубками сводами и помещения подвального этажа под сомкнутыми с распалубками сводами. В подвал идет каменная лестница, размещенная в коридоре, накрытый цилиндрическим сводом. Коридор переходит в квадратный в плане небольшой тамбур под сомкнутым сводом. Пол подвала выложен кирпичной кладкой. В стенах сохранились ниши и световые проёмы с коваными решетками. Металлическая с коваными деталями дверь входа в подвал имеет так же хорошую сохранность (рис. 10, 11). Над цокольным и подвальным уровнем палат XVIII в. сохранился первый этаж древнего памятника, где наибольшую ценность представляет близкое к квадрату парадное помещение (ныне квартира) под зеркальным сводом с распалубками украшенным лепным декором геометрических и растительных орнаментов, характерных для периода барокко (рис. 8, 9).

Остальное объемно-пространственное решение внутри коробки здания конца XVIII в. изменено и приближено к коридорной и смешанной системе, характерной для многоквартирного жилого дома.

Внешний вид исследуемого здания статичен и сохраняет композиционную равновесную целостность, объемно-пространственное решение и декоративно-художественную отделку фасадов здания, созвучную для каменной жилой исторической застройки периода строгого классицизма.

Дом купца К. Е. Первышева представляет значительную ценность с точки зрения истории, архитектуры и градостроительства, является подлинным источником, свидетельствующим о строительной культуре Курска XVIII столетия, в заслуженной перспективе создания в нем мемориального культурно-просветительского и духовного центра и музея.

Источники и литература

1. Административно-территориальное деление и улицы города Курска: Справочное издание / ред. кол.: В. Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. Курск, 2018.
2. Распоряжение Администрации города Курска от 13.03.2017 № 45-ра «О перечне названий улиц, площадей и других географических объектов города Курска» [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/441750321> (дата обращения: 15.09.2022).
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-866. Оп. 1. Д. 266.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1293. Оп. 168 Курская губерния. Д. 5.
5. Голубков Р.О. Город Курск до генерального плана 1782 г. // События и люди в документах курских архивов. Выпуск XIX / под редакцией В. Л. Богданова. Курск, 2020. С. 153–155.
6. РГИА. Ф. 1293. Оп. 168 Курская губерния. Д. 6.
7. Озеров Ю.В. Дом преподобного Серафима Саровского в г. Курске: определение наиболее вероятного местонахождения // События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается / под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2013.
8. Озеров Ю.В. К вопросу о местонахождении в г. Курске дома преподобного Серафима Саровского // Традиционные ценности в условиях глобализации: материалы IX Всероссийских научно-образовательных Знаменских чтений (29 марта – 4 апреля 2013 г.). Курск, 2013.
9. Первышев Карп Ефремофич (ок. 1708–1784, Курск), курский купец // Большая Курская Энциклопедия: Персоналии. Курск, 2005. Т. I. Кн. 2.
10. Курский католический синодик / Ю. А. Бугров, Н. Н. Коротева, М. С. Лагутич. Курск, 2012.
11. Лашенков И.И. Летопись курского кафедрального Казанско-Богородицкого собора / Ключарь Курского кафедрального Собора Лашенков Иоанн Ильич // Курские епархиальные ведомости. 1895. 20–27 мая (№ 21). Гл. 1.
12. Ларионов С.И. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий / вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней расправы прокурором. М., 1786.
13. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 37.

14. Сергиевская церковь в городе Курске: ко дню 500-летия (25 сентября 1892 г.) представления Преподобного Сергия, Игумена Радонежского // Курские епархиальные ведомости. 1892. 12 сентября (№ 37). Часть неофициальная.
15. Степашкин В.А. Преподобный Серафим Саровский: История рода. Курск, 2007.
16. Толкование послания Иакова // Азбука веры [Электронный ресурс] // URL: <https://azbyka.ru/biblia/in/?Jas.5:1&r>. (дата обращения: 23.07.2022).
17. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 1.
18. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 191.
19. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 1.
20. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 10.
21. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 108.
22. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 356.
23. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 532.
24. ГАКО. Ф. 95. Оп. 1. Д. 6.
25. «Образцовые» проекты в жилой застройке русских городов XVIII–XIX вв. / Е. Белецкая, Н. Крашенинникова, Л. Чернозубова, И. Эрн; под ред. В. Н. Иванова; Акад. строительства и архитектуры СССР. Ин-т теории и истории архитектуры и строит. техники. М., 1961.
26. ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1.
27. Путеводитель по городу Курску (с планом города) / Сост. А. А. Танковым, Н. И. Златоверховниковым // Курский сборник с путеводителем по городу Курску и планом города. Вып. 1. / под ред. Н. И. Златоверховникова. Курск, 1901.
28. Памятная книжка Курской губернии на 1893 г. Издание Курского Губернского Статистического Комитета. Составлена Секретарем Комитета Т. И. Вержбицким. Курск, 1893.
29. ГАКО. Ф. 144. Д. 141.
30. Златоверховников Н.И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии / Описал Н.И. Златоверховников. Курск, 1902.
31. ГАКО. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 23.
32. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 456.
33. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 3. Д. 170.
34. Степанов В.Б. Дом купца К. Е. Первышева // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: <http://old-kursk.ru/kp/kp027.html> (дата обращения: 13.07.2022).
35. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 462.
36. Томашевский А.Д. Планировка г. Курска. Курск, 1936. Ч. 1.
37. Немецкая аэрофотосъемка Курска. Июнь 1943 года // Аэрофотосъемка Второй Мировой Войны [Электронный ресурс] // URL: <http://warfly.ru/?lat=51.729325&lon=36.188971&z=17> (дата обращения: 01.07.2022).

**МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С ЭПИДЕМИЯМИ
СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ПЕРИОД
ИХ КВАРТИРОВАНИЯ В ГОРОДАХ В XIX ВЕКЕ
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

С начала XVIII в. до реформ 1870-х гг. в основе комплектования российских вооруженных сил лежала рекрутская повинность. Неудовлетворенность условиями службы приводила к многочисленным попыткам избежать призыва, что негативно сказывалось на обороноспособности страны [8, с. 83]. Военной реформой 1874 г. пожизненная служба была заменена срочной, а круговая порука – всеобщей воинской повинностью [11, с. 1–10].

Цель настоящей статьи – показать средства и методы, которыми осуществлялось медицинское обслуживание солдат и офицеров. Для этого кратко рассмотрим историю постоянной повинности, непосредственно связанной с функционированием лазаретов [12, с. 136]. Являясь альтернативой налога на содержание армии, она была столь же обременительна для горожан. В материалах архивного фонда Курского губернского правления (Ф. 33), находящегося на хранении в Государственном архиве Курской области, имеется масса жалоб граждан на бесчинства солдат и несправедливость постоянной раскладки, не учитывавшей материальных возможностей города. Например, в июне 1803 г. курянам сл. Ямской приказали построить конюшни для Черниговского кирасирского полка. Строительный лес, которого в распоряжении горожан не имелось, предстояло закупить на общинные деньги. Дополнительных расходов требовал найм рабочих и сторожей. В целом, необходимо было выделить около 1 600 руб., что значительно превышало материальные возможности слобожан. По этой причине они обратились к гражданскому губернатору С. Д. Бурнашеву, попросив переложить обязанность по строительству конюшни на местных помещиков. Горожанам частично пошли навстречу, сократив расходы по подготовке зданий [13, л. 5–6].

С 1775 по 1808 г. за размещение полков отвечали губернатор и полицмейстер. Затем по указу Александра I эту функцию возложили на узкоспециальные ведомства – квартирные комиссии. Они исполняли обязанности по учету и оценке частных и общественных зданий, а также по накоплению и распределению денежного сбора в пользу армии [10, с. 344–345]. Налогом облагались все владельцы недвижимого имущества пропорционально оценочной стоимости жилья, а собранные средства шли на благоустройство казарм, лазаретов и других армейских помещений, а также на оплату услуг подрядчиков.

В 1828 г. квартирные комиссии утратили организационную самостоятельность, став структурными подразделениями полицейских управ, а 8 июня 1874 г. в связи с отменой постоянной повинности были упразднены. Вплоть до революции 1918 г. за квартирование полков отвечали губернские и уездные распорядительные комитеты и городские управы [1, с. 865].

Классический перечень зданий, необходимых для размещения полков, выглядел так: казармы для жилья, караульная, библиотека, учебный корпус, мастерские (шорные, пошивочные, сапожные, кузнечные), столовая, кухня, цейхгауз, конюшня, ветеринарные и людские лазареты. Для офицеров, нижних чинов, штаб-лекаря и ряда других лиц нанимались квартиры, оплачиваемые из городской казны. Ассигновались средства из земских сборов [5, л. 7 об. – 8].

Вынести тяготы армейской службы мог только физически здоровый человек, поэтому к медицинскому обеспечению военнослужащих относились с особой ответственностью. Как следствие, обустройству казарм и лазаретов уделялось пристальное внимание, а деятельность полковых лекарей строго регламентировалась. В «Генеральном учреждении о сборе рекрут 1766 года» отмечалось, что «...больных рекрут довольствовать пищею и питьем, покупая им мясо и рыбу, вино и уксус, масло и перец, [...] на которую покупку употреблять на каждого человека, смотря по состоянию болезней, а именно в больших припадках по 4, а в малых по 3 коп. на день из их жалованья, а чего не достанет, к тому добавку употребить из земского сбора...» [6, с. 1005–1006]. К каждой дивизии был приписан штаб-лекарь, к которому в случае эпидемий командировали 2-х подлекарей и 4-х цирюльников.

Особое внимание акцентировалось на предварительном медицинском освидетельствовании, посредством которого «отсеивались» новобранцы, имеющие увечья [6, с. 1002]. В детализированном варианте те же требования видим в «Высочайше утвержденном уставе рекрутском» от 28 июня 1831 г. Например, в отношении медицинского осмотра врачам декларировать делить заболевания [2, с. 530] на удобоизлечимые, поддельные, сомнительные и неизлечимые. Только в последнем случае рекрут отправлялся домой с выбритым затылком, а на его место отдатчик выставлял другого кандидата [2, с. 530]. Остальным в подтверждение «годности» выбривали лбы и после непродолжительного карантина отправляли в полк [2, с. 531]. Поскольку от качества осмотра напрямую зависела боеспособность армии, лекари, не заметившие признаков заболеваний, облагались штрафом в размере 500 руб. Во избежание ложных диагнозов освидетельствование новобранцев проводилось при дневном освещении [9, с. 558–559].

Как отмечалось, важным аспектом в медицинском обслуживании солдат было обустройство лазаретов. Как правило, подходящие строения сдавались в аренду местными помещиками или купцами. Предлагаемое

помещение должно было соответствовать нескольким критериям, таким как место дислокации, площадь, наличие запасных выходов, количество окон и комнат, высота потолков. От каждого из этих показателей, особенно в период повышенной заболеваемости, зависел успех лечения.

Рассмотрим механизм медицинского обслуживания солдат в период эпидемической опасности на примере работы Рыльской городской управы весной – летом 1885 г. В марте 1885 г. в г. Рыльске, где квартировались 16-я конно-гвардейская дивизия и 2-й Донской кавалерийский батальон, возникла угроза вспышки холеры. 4 марта и. д. губернатора Курской губернии вице-губернатор Анисьин приказал разослать всем земским и городским управам, уездным комитетам общественного здоровья, полицейским управлениям, городским и уездным врачам копию постановления Особого Присутствия губернского Правления по вопросу о мерах, которые следует принять в случае появления в регионе случаев заболевания холерой [4, л. 3–4 об.]. Не дожидаясь разгара эпидемии, 7 марта командование 16-й конно-артиллерийской батареи составило рапорт на имя уездного воинского начальника с просьбой предоставить дополнительные комнаты «для разделения тяжелых и легких больных» [4, л. 67 об.].

Рыльский распорядительный комитет рассмотрел два варианта: дом купчихи Колпатниковой и дом мещанки Портновой. Первый ввиду неисправности печей и потолка комитетом был отвергнут, а вот второй признан вполне удовлетворительным [4, л. 69 об.]. Вместе с тем, в рапорте от 9 марта 1885 г. рыльский воинский начальник опротестовал перед городской управой решение комитета. Причина заключалась в том, что одна половина портновского жилища использовалась для размещения зараженных сапом лошадей, что противоречило санитарным нормам для устройства людского лазарета. В то же время, помещение по ул. Путовльской, предложенное мещанкой Александрой Андреевой, по мнению воинского начальника, являлось наиболее удобным. В отличие от дома Портновой в нем было не 3, а 4 комнаты, притом большей площади, и располагался он поблизости от старого лазаретного корпуса, что облегчало возможность перемещения больных [4, л. 70].

3 апреля воинские части, дислоцировавшиеся в эпидемически неблагополучных районах, получили приказание начальника штаба Харьковского военного округа генерал-майора Элерса о профилактических и экстраординарных мерах по борьбе с холерой. В документе отмечалось, что особенное внимание командующим войсками следует обратить на состояние казарм и лазаретов, а также мусорных и отхожих мест. В случае необходимости предписывалось принять надлежащие меры по проведению дезинфекции. Кроме того, совместно с городскими управами и распорядительными комитетами им предстояло в кратчайшие сроки подготовить специальные помещения «...с бельем и прочими принадлежностями для пользования больных» [4, л. 178]. В имеющихся

лазаретах на случай появления больных надлежало иметь в запасе 25 % свободных кроватей. Дополнительные 20 коек предписывалось зарезервировать в сводных гражданских лазаретах. Обязанность по подготовке персонала возлагалась на штаб-лекарей и земства. Контролировать их работу поручалось врачебному отделению Курского губернского правления и самому губернатору [4, л. 178 об.].

В журнале заседаний Рыльской городской управы от 30 апреля перечислены меры, предпринятые властями для минимизации заболеваемости холерой среди военнослужащих и мирного населения. В частности, командир 2-й Донской конной батареи Золотов 27 апреля рапортовал в управу о дезинфекции помещений и очистке отхожих мест, для чего были продлены контракты с бывшим дворовым Тимофеем Дурмановым и однодворцем Деменковым [4, л. 120 об.]. Для изоляции четырех заболевших нижних чинов арендовали помещение у купчихи Калашниковой [4, л. 153]. В то же время, командование 16-й конно-гвардейской бригады жаловалось рыльскому воинскому начальнику на то, что, несмотря на распоряжения управы, казармы и лазареты плохо отапливаются; местами протекает потолок, в связи с чем состояние простудившихся солдат ухудшается [4, л. 148]. При обследовании армейских помещений выяснилось, что «...в стенах оказались трещины, дымовые трубы многие уже провалились, другие худы, с выпавшими кирпичами и с трещинами, угрожают несчастными случаями как от падения, так и от огня; выпавшие кирпичи лежат в самих трубах, не пропуская дыма, наполняют оным комнаты, чрез что топка некоторых печей приостановилась...» [4, л. 196–197].

Записи в журнале управы за июнь свидетельствуют об исправлении большинства недочетов, а именно, починке ремонте стен, окон и печей. В том же документе отмечалось, что благодаря своевременному принятию профилактических мер количество заболевших холерой военнослужащих с марта по июнь 1885 г. не превысило 10 человек [4, л. 217]. Пресечению распространения эпидемии также способствовало увеличение выплаты квартирных денег нижним чинам, что позволило им арендовать более качественные помещения [4, л. 251].

Как следует из примера, забота о физическом благополучии солдат проявлялась в трех аспектах: надзоре за состоянием жилых, хозяйственных и медицинских помещений; своевременном оказании медицинской помощи и соблюдении санитарно-гигиенических норм в отношении занимаемых территорий. Последний аспект играл немаловажную роль, поскольку от чистоты города напрямую зависела скорость распространения заразных заболеваний. Неслучайно, губернское правление ежегодно требовало от полиции отчеты о состоянии городов, в которых подробно описывалось внешнее состояние улиц и зданий. В то же время, приведенный пример демонстрирует медлительность в исполнении приказов, причиной которой была как нехватка средств и персонала, так и

халатность чиновников. Однако, все необходимые санитарные и медицинские меры властями предусматривались, и их исполнение имело положительные результаты.

Источники и литература

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, опубликованное 2 августа, от 8 июня 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 2. Отделение 1. СПб., 1876. Т. 49. Ст. 53623. С. 865–870.
2. Высочайше утвержденный устав рекрутский от 28 июня 1831 г. // ПСЗРИ. Собрание 2. Отделение 1. СПб., 1830. Ст. 4677. С. 501–657.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 302. Оп. 1. Д. 195.
4. ГАКО. Ф. 302. Оп. 2. Д. 198.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 17043.
6. Генеральное учреждение «О сборе рекрут и о порядках, какие при наборах исполнять должно, также и о штрафах и наказаниях, кто, как в приеме, так и в отдаче неистинно поступать будет» от 29 сентября 1766 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XVII. Ст. 12748. С. 997–1015.
7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 342.
8. Иванов Ф.Н. Раскладка рекрутской повинности в России: законодательство и представления населения о «справедливости» // Известия Коми научного центра УРО РАН. 2010. № 4. С. 82 – 87.
9. Иванов Ф.Н., Иванова А.Н. Работа медицинских чиновников в составе рекрутских присутствий в 1831–1834 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы истории и практики. Тамбов: Грамота. 2016. № 6 (68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 80–83.
10. Именной указ, объявленный Министром Внутренних дел начальникам губерний, от 25 июня 1808 г. «О уравнивании постоя в городах и об утверждении квартирных комиссий» // ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXX. Ст. 23114. С. 344–356.
11. Комплектование и устройство вооруженной силы / А. Редигер; испр. и доп. Д. Филатьев. СПб: Тип. Имп. Ник. воен. акад., 1913. Ч. 1. Комплектование армий. 1913. – VI.
12. Субботина Л.Е. Натуральный постоя в XVIII–XIX вв. через льготы к цивилизационным формам отношений армии и населения // Вестник ТГУ. Вып. 2 (46). 2007.
13. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 392.

В. В. Раков

РЫБНОЕ ПРУДОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В ИМЕНИИ «МЛОДАТЬ» КУРСКОГО УЕЗДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

История развития рыбного промысла у народов, населявших территорию Российской Империи, уходит своими корнями в глубину тысячелетий, когда лов рыбы, осуществлявшийся примитивными орудиями и приспособлениями, наряду с собирательством и охотой составляли основу экономического быта общины.

С начала XVIII в. в уже сформировавшейся рыбной промышленности России начался процесс разделения естественных рыбных промыслов, основанных на природном воспроизводстве рыбных запасов, на хозяйственно-территориальные и организационные единицы со своими рынками сбыта, местными традициями рыбодобычи и сортовым ассортиментом.

Но уже в конце XVIII в. как ученых, так и рыбопромышленников стала волновать проблема воспроизводства рыбной массы путем искусственного оплодотворения и разведения рыбы в реках, озерах и искусственно созданных водоёмах.

Интерес к прудовому хозяйству появился в районах центральной России в середине XIX в.: во многих помещичьих усадьбах устраивались пруды, в которых разводили преимущественно карасей и карпов. Так, например, в имении Овсянниковой – Куликовской в Щигровском уезде площадь таких прудов составляла 30 га, а в имении князя Барятинского в Рыльском уезде было до 20 га прудов [1, с. 89]. Но отнести эту деятельность к категории рыбопромышленного производства было нельзя.

В средней полосе Европейской России имелось лишь единственное хозяйство подобного рода – рыбный завод Владимира Алексеевича Ковальчукова, располагавшийся в двадцати верстах от Курска, в Курском уезде, в имении Млодать. Одноименный хутор располагался по левую сторону транспортного тракта из Курска в Корочу и Старый Оскол. В 1860-е гг. на хуторе Млодать имелось шесть дворов, в которых проживало 30 душ мужского и 45 – женского пола [2, с. 9].

Информация о курском предпринимателе довольно скудна. Владимир Васильевич Ковальчуков проживал в своем имении в д. Васильевка Курского уезда. В «Памятной книжке Курской губернии на 1894 год» значится, что отставной корнет Владимир Александрович Ковальчуков являлся старшиной Курского общества любителей охоты» [3, с.100]. Указом Сената от 2 мая 1895 г. В. А. Ковальчуков назначен почетным судьей [4, л. 8]. В записи 1899 г. о проживании в г. Курске жены В. А. Ковальчукова – Александры Павловны значится: «Жена земского начальника» [5, л. 12].

В метрической книге Воскресенского собора г. Курска имеется запись о рождении 26 октября 1892 г. в семье уволенного в запас корнета Владимира Александровича Ковальчукова и законной жены его – Александры Павловны дочери Екатерины, о факте сим засвидетельствовали восприемники поручик артиллерии Владимир Никовлаевич Курносов и жена коллежского регистратора Глафира Фёдоровна Лукьянчикова [7, л. 133 об. – 134].

Кроме имения в Васильевке семья Ковальчуковых снимала жилье в Курске. Известны три адреса их проживания в губернском городе. Первый – на ул. Чистой, 2-й части, в доме Зглейц Амелии Ивановны (1899 г.) [5, л. 12]; второй – на Нижней Лазаретной ул., 2-й части, в доме Амосова

Николая Ниловича (1900 г.) [6, л. 61]; третий – в доме римско-католической церкви.

Владимир Александрович так объясняет причины, побудившие его к занятию рыбоводством: «Обилие ключей, впадающих в речку Млодать, а также большое количество рыбы, имеющейся в этой речке (не смотря на ежедневный лов таковой всевозможными способами окрестными обывателями), а также убыточность полевого хозяйства, вследствие дороговизны рабочих рук и низких цен на хлеба – все это навело меня на мысль затратить капитал на ремонт имеющегося пруда и приспособить его для правильного рыбного хозяйства, а также устроить новые пруды» [5, с. 228].

Опыт оказался удачным, и владелец хозяйства высказывал желание поделиться им с другими землевладельцами: описанием устройства своих прудов для разведения рыбы как местной, так и ценных породы, проблемами их выращивания и кормления. Материалы, опубликованные первоначально в журнале «Вестник рыбопромышленности» в 1896 г. [8], были также реопубликованы в «Курских губернских ведомостях» (1896 г.) [10], а затем вышли отдельным оттиском в Санкт-Петербурге [11]. Приобретя значительный опыт ведения рыбоводческого хозяйства и ознакомившись с другими известными хозяйствами, В. А. Ковальчуков занялся подготовкой более капитального труда по практическому рыбоводству, о чем 22 декабря 1902 г. сообщили своим читателям «Курские губернские ведомости»: «На днях в Курск возвратился из-за границы известный курский рыбовод В. А. Ковальчуков. Цель поездки г. Ковальчукова за границу было ознакомление с прудовым хозяйством известных заграничных фирм. В настоящее время г. Ковальчуков приступает к написанию книги о необходимости поддержания водовместилищ в связи с рыбозаведением в России. Труд г. Ковальчукова по своей задаче явится очень ценным, так как вопрос об этом давно уже назрел и требует необходимых мер» [12]. К сожалению, нам не известно, завершил ли автор работу над книгой.

Кроме того владелец завода всегда готов был дать лично любые консультации в самом имении Млодать, а письма просил адресовать в Курск, в дом римско-католической церкви [9].

Имение «Млодать» состояло из трех отдельных участков: «Васильевское», «Шатовка» и «Андреевка». Общая площадь 8 прудов составляла 6 дес. 885 кв. саж. Шатовский пруд находился в общем владении В. А. Ковальчукова с помещиками, дворовыми людьми и крестьянами, из-за чего вести правильное прудовое хозяйство было крайне затруднительно. Часть Шатовского пруда, принадлежащая В. А. Ковальчукову, составляла 3 795 кв. саж.

На Васильевском участке располагалось три пруда и зимовальня: «Тёплый» – площадью 2 080 кв. саж., «Ключевой», что под садом – площадью 650 кв. саж., «Питающий» – площадью 570 кв. саж. и

зимовальня – площадью 5 550 кв. саж. В Андреевке имелось три пруда: «Искромётный» – площадью 925 кв. саж., «Ключевой» – площадью 240 кв. саж. и «Питающий» – площадью 1 475 кв. саж. [8, с. 227–228].

Начало рыбоводческого хозяйства было положено в 1892 г., когда в период с 25 мая по 15 июля был спущен пруд в Васильевке. Пруд так зарос камышом и другими травами, что неводом поймать рыбу было практически невозможно. Ловля рыбы осуществлялась только сетью по небольшим не заросшим прогалинам водоема. Этот пруд был с трех сторон окружен плотиной, обсаженной ракетами, а с четвертой к нему примыкал выгон, находящихся в общем владении с крестьянами сельца Васильевки. На берегу выгона было устроено стойло (тырло) с водопоем для скота. Вследствие этого на берегу и в мелководье оставалось большое количество коровьего помет, что значительно увеличивало питательность пруда и способствовало его зарастанию. Да и само дно пруда представляло первоначально из себя затопленный кочковатый луг.

В то время в пруду водились преимущественно щука, линь, карась и плотва. Пойманную при спуске пруда рыбу продали в Петров пост (конец июня – начало июля) на сумму около 200 руб., при цене от 4–5 руб. 50 коп. за пуд, кроме плотвы, которой было продано на 25 руб., по 75 коп. за пуд. [8, с. 229].

После спуска пруда в Васильевке были проделаны масштабные работы: уничтожены заросли камыша и других растений, плотина поднята на 2,5 аршина (1,8 м), переустроена водяная мельница и устроены две поперечные плотины, одна насыпная другая деревянная, которые фактически сформировали три пруда с разным температурным режимом воды. Об итогах работ владелец рыбоводческого хозяйства сообщал следующее: «Ныне пруд представляет совершенно чистую поверхность, без всякой сорной растительности, и только в некоторых местах оставлены водяные растения (по-местному называемые «кувшинками»), корни которых очень большой величины, служат приютом для карпов, карасей и линей, штабды же и листья – для откладывания икры. В настоящее время пруд содержит следующие сорта рыб: карп, карась, линь, окунь, ерш, налим и стерлядь» [10, 7 июля. № 141]. Зимой пруд замерзал только в нижней части, по ручью, покрываясь тонким слоем льда.

Второй пруд в Васильевке выполнял функцию кормового. Пруд этот представлял из себя быстро текущий ручей, заключенный между двумя поперечными плотинами, обсаженный ракитником, кленами и липами. Часть пруда прогревалась солнцем не более одного часа в день, все же остальное время вода находилась в тени. Осенью во время листопада пруд почти сплошь покрывается листьями. Под листьями рыба разной величины буквально кишела, питаясь разными насекомыми и личинками, обитавшими на листьях, поэтому листва оставалась на плаву до тех пор, пока не «садилась» (тонула) на дно.

Третий пруд представлял водный резервуар, подпитываемый 67 ключами (родниками), поэтому температура воды в нем летом не превышала 10°, а зимой 5° по Цельсию. Этот пруд, точнее его протока, предназначалась для выращивания мальков и молоди форели и лосося.

В Андреевке также располагалось три пруда. В первый подготовленный пруд осенью 1893 г. было запущено 100 штук карасей весом до 0,5 фунта (около 200 гр.), 50 штук линей весом больше фунта (более 400 гр.), 10 штук окуней и мерка плотвы разной величины. К осени 1894 г. в пруде развелась масса молодых карасей и линей. Два других пруда предназначались для сезонного вскармливания молодой форели, лосося и сига, которых осенью перевозили в Васильевский зимовальный пруд [8, с. 233–234].

Процесс промышленного выращивания рыбы был построен следующим образом. Икра выписывалась с Никольского рыбного завода, по таксе, утвержденным Министерством Государственных Имуществ. Никольский рыбный завод был основан в 1860 г. дворянином Владимиром Павловичем Врасским в селе Никольское Демянского уезда Новгородской губернии на озере Вельё [13, с. 125–137]. После смерти В. П. Врасского завод в 1869 г. перешел к казне, а с 1879 г. заведующим завода стал инспектор по рыбной части Министерства государственных имуществ, в будущем – профессор Петербургского лесного института, приват-доцент Петербургского университета, основатель российской ихтиологии Оскар Андреевич Гримм [14, с. 415].

Правильно организованное производство позволила ему проводить гибкую ценовую политику: при продаже посадочного материала была изменена такса на продаваемые икру и мальков таким образом, что за каждую последующую тысячу икринок и сотню мальков цена уменьшалась: 50 тысяч икринок лососевых стали стоить вместо прежних 150 руб. всего 66 руб., а сиговых – 23 руб. Икра и мальки продавались значительно дешевле, чем где-либо за границей, поэтому завод получал все больше и больше заказов. За счет пересылки икры без воды в сырой вате в деревянных ящиках, завод достиг снижения стоимости доставки раз в десять и тем самым заставил клиентов выписывать, главным образом, икру, а не мальков, причем сделал возможным доставку икры на далекие расстояния. В частности, икра высылалась на Кавказ, в Ташкент и Омск без всяких потерь [15].

Любопытно проследить, как выводилась рыбы из искусственно оплодотворенной икры. Полученная икра с Никольского рыбного завода, складывалась в цинковый чан при температуре таяния льда; мертвые и раздавленные икринки выбирались пинцетом, а живые споласкивались с ваты в выводные аппараты. Аппараты эти – обыкновенные ящики разной величины, глубиной в 3 вершка, сделанные из цинковых пробивных решет с дырочками разных диаметров. Для защиты от солнечного света, который вредит икре и рыбешкам, к

деревянной раме ящика прибавалась тоненькая рамка, обтянутая черным коленкором. Икра размещалась в ящиках в один ряд и омывалась постоянным притоком свежей воды снизу, так что икра находится как-бы на весу; через боковые стенки проходило небольшое количество воды и рассеянный свет. Особо отметим, что владелец рыбководческого хозяйства В. А. Ковальчуков сам лично перебирал икру, удаляя мертвые и раздавленные икринки, смывая живые с ваты в выводные аппараты.

Когда большая часть мальков выводилась, их с ящиком переводили в следующее отделение, где не было нижнего течения воды, а лишь продольное, с умеренной силой, чтобы рыбки не придавливались к противоположной стенке ящика. Когда же рыбешки втягивали желчный пузырь и начинали плавать, их выпускали для кормления. Самым лучшим, ничего не стоящим в деревне кормом служили разные мельчайшая водяные насекомые. Так как при ловле иногда попадаются вредные большие жуки-плавунцы, а также и головастики, то вода с личинками и жуками переливалась в ведро без дна, вместо которого была натянута проволочная сетка: все мелкие насекомые проходили сквозь сетку вместе с водой, а более крупные и вредные – оставались на сетке и уничтожались.

Кроме описанного способа собирания насекомых, они разводились еще и искусственно. С этой целью в конце марта в стеклянные банки помещался свежий куриный помет и перегной листьев со дна водоема. В таком благоприятном водяном компосте выводились различные насекомые, которых потом и скармливали рыбе. А в конце июня месяца, когда рыбешки уже подрастали, их кормили личинками комаров, которых разводили в копанях, предназначенных для мочки пеньки, предварительно набросав туда ржаной соломы. Комары, садясь на солому, откладывали яйца, и копани буквально кишели личинками, которые собирались сачком и переносились в водоёмы с мальками. Кроме того, рыбёшек ценных пород кормили мальками плотвы, а также икрой от разных местных рыб [16, с.11].

Осенью, в первых числах октября, как из ям, так и канав, рыбешек вылавливали и выпускали в большой зимовальный пруд. К этому времени молодые лососи достигли уже длины до 12 см., форель и сиги – до 8 см. Зимой рыбу кормили через день, но исключительно рубленным мясом разных видов и сортов: говядина, телятина, баранина, сороки, вороны и разные хищные птицы. Мясо обрезалось и измельчалось при помощи ножа или машинкой, используемой в домашнем хозяйстве для приготовления котлет [16, с.11–12].

Из местных пород рыб в имении «Млодать» разводили окуней, ершей, карасей и карпов. Первое время мальков этих рыб кормили мелкими насекомыми, затем – мясными личинками. Рассказывая об организации производства на своем рыбном заводе, В. А. Ковальчуков описывает ещё один, достаточно редкий способ кормления рыбы: «Так как у нас масса грачей, портящих деревья, то мальчишки доставляют их мне в

потребном количестве за самую ничтожную плату. Убитые грачи протыкаются палочкой, концы палки укрепляются в берега канавы таким образом, чтобы половина птицы находилось в воде, другая снаружи (иначе она будет быстро высыхать), через два дня верхняя часть птицы покрывается маленькими червячками, палочка поворачивается, и окуньки схватывают падающих червяков. Каждая птица служит неделю, затем выбрасывается» [10, 14 июля. № 147].

Правильная постановка дела дала свои результаты. На XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде (1896 г.) за экспозицию в отделе «Охотничьи, пушные и рыбные промыслы» (Класс. 147 «Аппараты для искусственного разведения рыб в действии, моделях и изображениях. Аппараты для выкормки рыб» и класс 148 «Модели, планы, изображения рыбоводных заводов, прудов и принадлежащих к ним сооружений: плотин, водосток, щитков, заграждений и т. д.») рыбное прудовое хозяйство в имении «Млодатель» была удостоена Большой серебряной медали [17, с. 32–33, 152].

А уже весной 1897 г. к продаже было выставлено 250 тыс. однолеток рыб ценных и местных пород. Осётры, севрюжки и стерлядь величиною от 4–6 вершков (18–27 см) продавались по 1 руб. за штуку. Лосось, форель гатчинская, таймень, сиг – все размером в 2–3 вершка (9–13,5 см) – от 50 руб. за сотню, до 250 руб. за тысячу. Однолетки карася, линя и окуня стоили 50 руб. за тысячу. Заказы на рыбу для развода, как местных, так и ценных пород принимались до 1 августа текущего года, так как с 15 сентября начиналась доставка заказчикам. Опыт торговли мальками и молодьёю показал, что весенняя продажа не выгодна: рыбешки оказались слишком слабы и недостаточно акклиматизированы, поэтому после их выпуска в новые водоемы гибли в большом количестве. Доставка мальков и молодой рыбы до станций Курск, Рышково и Полевая осуществлялась за счет владельца рыборазводного хозяйства, далее – за счет покупателя.

Кроме того, для званых обедов, ужинов и вечеров, в продаже имелась рыба местных пород, порционные осетры (до 10 фунтов весом) и стерляди (до 8 фунтов весом), а также крупные откормленные раки. Заказы на эти виды продукции принимались по адресу: г. Курск, Московская улица, гостиница «Бель-Вю», обращаться к Сергею Николаевичу Ступину. В конторе страхового общества «Россия», расположенного в том же, что и гостиница, доме, можно было приобрести альбомы с фотографическими снимками десяти прудов и описанием всего прудового хозяйства «Млодатель». Интересующимся ближе познакомиться с рыборазведением, Владимир Александрович предлагал приехать в свое имение для консультаций: «В феврале месяце ежегодно получается оплодотворенная икра ценных пород рыб, и желающим познакомиться на практике с аппаратами, уходом и выводкой из икры рыбешек, предлагаю приехать ко мне в имение, где я лично объясню все детали устройства и ухода» [18, рекламный вкладыш].

К сожалению, не удалось выявить сведений о судьбе В. А. Ковальчукова после 1902 г. По неизвестной нам причине владение имением и рыбоводческим хозяйством «Млодать» перешло к Е. А. Анитовой, которая решила его сдать в аренду Курскому губернскому земству. Вероятно, к этому времени рыбохозяйство переживала упадок или было вовсе заброшено. Весной 1911 г. техником гидротехнического отдела губернской земской управы С. Л. Розовым были проведены изыскания и по заданию старшего специалиста по рыбоводству при департаменте земледелия Н. А. Бородина, составлены проекты и смета на устройство прудового рыбного хозяйства в имении «Млодать» Курского уезда. Предполагался ремонт и переустройство в целях рыбоводства трех старых прудов и устройство новых прудов, садков и бассейнов, а также постройка жилых и служебных помещений. Стоимость всех работ определялась в 26 005 руб. 75 коп. Окончание всех работ предполагалось к августу 1912 г. [20, с. 26].

На основании постановления экстренного Курского губернского земского собрания от 20 июня 1911 г. 20 октября 1911 г. был заключен нотариальный арендный договор представителем земства, председателем губернской земской управы К. А. Раппом с владелицей имения «Млодать» Е. А. Анитовой [19, с. 221]. Арендная плата определялась в 2 000 руб. в год [21, с. 155].

Работы по устройству земского рыбоводного завода в имении «Млодать» велись с 8 августа 1911 г. по 6 ноября 1912 г. В пруд были запущены племенные карпы, приобретенные управой у Киевского Императорского общества рыбоводства и рыболовства. Непосредственное наблюдение над рыбоводным заводом было поручено бывшему воспитаннику Кучеровской сельскохозяйственной школы Рудню, прошедшему практический курс наук по рыбоводству сначала на курсах рыбоводства и рыболовства в Петербурге, а затем практически на рыбоводных заводах в Курляндии и в Киеве [21, с. 1133].

К началу лета 1913 г. в пруды завода были заселены мальки королевского карпа и радужной форели. Первый год дал неплохие результаты. Осенью 1913 г. поступило 28 запросов на приобретение мальков королевского карпа (11 из Курской, а также из Санкт-Петербургской, Калужской, Рязанской, Тамбовской, Орловской, Смоленской и Могилёвской губерний) [22, с. 239].

18 июля 1913 г. состоялось торжественное освящение зданий и прудов завода в присутствии товарища Министра внутренних дел генерал-майора В. Ф. Джунковского, губернатора Н. П. Муратова, губернского предводителя дворянства князя Л. И. Дондукова-Изъединова, местных начальников отдельных частей, личного состава губернской земской управы и других приглашенных лиц [22, с. 237].

Дело, начало которому положил В. А. Ковальчуков, нашло достойное продолжение в деятельности земства. Но если частных

рыбоводческих хозяйств в России было много, то Курское губернское земство являлось одним из пионеров в области рыборазведения

Источники и литература

1. Салтык Г.А. Из истории прудового рыбоводства в Курском крае: 1913 – 1940-е гг. // События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается / под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2013.
2. Список населённых мест по сведениям 1862 года. СПб., 1868. Т. XX. Курская губерния.
3. Памятная книжка Курской губернии на 1894 год, составленная секретарем Курского губернского статистического комитета Т. И. Вержбицким. Курск, 1894.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5333.
5. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 66.
6. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 81.
7. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 15.
8. Ковальчуков В. Рыбное прудовое хозяйство в имении «Млодать» Курской губернии Курского уезда // Вестник рыбопромышленности: Орган Российского Общества рыболовства и рыбоводства. 1896. № 5–6.
9. Курские губернские ведомости. 1896. Часть неофиц. 17 июля. № 149.
10. Ковальчуков В.А. Рыбное прудовое хозяйство в имении «Млодать» Курской губернии Курского уезда // Курские губернские ведомости. 1896. Часть неофиц. 7 июля. № 141; 9 июля. № 142; 10 июля. № 143; 11 июля. № 144; 12 июля. № 145; 13 июля. № 146; 14 июля. № 147; 17 июля. № 149
11. Ковальчуков В. Рыбное прудовое хозяйство в имении «Млодать» Курской губернии, Курского уезда. СПб., 1896.
12. Курские губернские ведомости. 1902. Часть неофиц. 22 декабря. № 273.
13. Никольский завод для искусственного разведения рыбы ценных пород // Памятная книжка Новгородской губернии на 1871 год. Новгород, 1871.
14. Рогатко С.А. История продовольствия России с древнейших времен до 1917 г. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской Империи: Развитие основных сельскохозяйственных и перерабатывающих отраслей. М., 2014.
15. [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Никольский_рыборазводный_завод_имени_В._П._Врасског о (дата обращения 04.09.2022).
16. На русском рыборазводном заводе // Огонек: Иллюстрированное обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств. Приложение к «Биржевым новостям». 1899. № 2. 16 (28) декабря.
17. Альбом участников Всероссийской промышленной и художественной выставки в Н. Новгороде в 1896 г. Часть 3. Отдел пятый.
18. Курские губернские ведомости. 1897. Часть неофиц. 21 мая. № 108.
19. Доклады Курской губернской земской управы XLVII очередному Губернскому земскому собранию 7 декабря. IV. По экономическим и сельскохозяйственным вопросам. Курск, 1911.
20. Доклады Курской губернской земской управы XLVII очередному Губернскому земскому собранию 7 декабря. VII. По гидротехническим работам. Курск, 1911.
21. Журналы заседаний XLVIII очередного Курского губернского земского собрания 1912 г. с приложениями. Курск, 1913.
22. Доклады Курской губернской земской управы XLIX очередному Губернскому земскому собранию 7 декабря 1913 года. IV. По экономическим и сельскохозяйственным вопросам. Курск, 1913.

**НЕКОТОРЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ КОЛОНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
ИМЕНИ ДОКТОРА Ф. П. ГААЗА**

В обменном фонде библиотеки госархива Курской области была обнаружена книга А. Ф. Кони «Федор Петрович Гааз». При регистрации этого документа в каталоге библиотеки имелось еще две карточки на книги о Ф. П. Гаазе. Удивительно то, что в библиотечном дореволюционном фонде небольшого объема было уже несколько книг об этом малоизвестном человеке. По воспоминаниям людей того времени, даже современники Федора Петровича не сохранили память о нем, и только бедняки и отверженцы общества поступили иначе: называли бывшую полицейскую больницу – «гаазовской». Арестант, отправляемый по этапу, знал, что надетые на него облегченные кандалы зовут «гаазовскими». А в отдаленном Нерченском остроге теплилась лампада перед иконой св. Федора Тирона, сооруженная заключенными на свои скудные заработки после получения вести о смерти «святого доктора».

Первую книгу о жизни и деятельности Федора Петровича Гааза издал в 1897 г. академик Анатолий Федорович Кони. До 1914 г. эта книга переиздавалась пять раз. В те же годы было выпущено более 20-и популярных, в том числе и детских, книг о «друге несчастных», «святом докторе Гаазе».

В биографии доктора Гааза не найти упоминаний о Курской губернии, но в госархиве Курской области в документах совершенно неожиданно мы наткнулись на его имя, и у нас появилась возможность больше узнать о том, как жил, что делал, чему учил «святой доктор».

Федор Петрович (Фридрих Иосиф) Гааз родился в герцогстве Юлих (Германия) в 1780 г. Соединяя блестящие способности с прекрасным университетским медицинским образованием, доктор Гааз переехал в Россию в 1806 г., где продолжил начатую еще в Германии практику врача и исследования ученого. В 1810-х гг. на Северном Кавказе изучает источники минеральных вод, открывая в Железнодорожке (теперь Ессентуках) один из источников, который и сегодня носит имя «Гаазовский источник № 23». В 1812 г. Гааз отправляется служить в русскую армию, и вместе с русскими войсками доходит до Парижа. На обратном пути он заезжает на родину к умирающему отцу. Мать и братья упрашивают его остаться дома, но Гааз отвечает, что его родина – Россия.

В 1818 г. Император Александр I отдал распоряжение провести реформу тюрем, был утвержден устав тюремного общества. На должность секретаря общества в Москве был приглашен доктор Гааз, служивший здесь почти до конца жизни.

Первые преобразования доктор Гааз провел во Владимирской пересылочной тюрьме: сделал казармы теплыми, разделил их на мужские и женские, для рецидивистов и для впервые попавших в тюрьму. Была устроена больница на 120 мест с 3-х разовым питанием и маленькая церковь. На протяжении почти 30-и лет сам встречал все партии арестантов, беседовал с заключенными, по возможности помогал.

Федора Петровича поражало препровождение ссыльных на пруте. Вот как это делалось: на толстый железный аршинный прут надевалось от восьми до десяти наручников, в каждый вдевалась рука арестанта и нанизанные на него люди шли по бесконечному сибирскому тракту. Спускали их с прута только в том случае, если кто-нибудь из них умирал. Прут соединял всех – от стариков до детей, разных по росту, походке, здоровью, закоренелых злодеев и невинно осужденных. После долгих мытарств доктору Гаазу удалось неподвижный прут заменить подвижной цепью. Огромной помощью заключенным было облегчение самих кандалов: их вес с 16 кг дошел до 5–7, с внутренней стороны кандалы стали оббиваться телячьей или свиной кожей, чтобы ноги не стирались и не обмораживались. Каждую новую «модель» Гааз испытывал на себе.

По распоряжению доктора в камерах устанавливали матрацы из соломы (раньше отдохнуть можно было только на полу), а также подушками, набитыми балтийскими водорослями, очищающими и дезинфицирующими воздух.

До 30-х гг. XIX в., чтобы преступники не сбежали, у всех, проходивших по этапу, выбривалась половина головы, когда волосы с одной стороны вырастали, выбривали другую. Это показано в фильме «Сибирский цирюльник», хотя и хронологически не точно: действия фильма происходит в 80-е гг. XIX в., а запрет введен – по инициативе доктора Гааза – в 1833 г. Обритая, да еще на половину голова, причиняла людям не только физические, но и моральные страдания.

Перед выходом на этап заключенным выдавались калачи, специально заказанные Гаазом у знаменитого булочника Филиппова. Они не черствели на протяжении почти полутора месяцев и питались ими чуть ли четверть пути на этапе.

Следующей тюрьмой, где Гааз ввел свои преобразования, была Бутырская. После реконструкции тюрьма приобрела новый вид: в центре находился храм, окруженный по периметру камерами, дворы засаживает сибирскими тополями, чтобы они очищали воздух. При тюрьме были устроены четыре мастерские, из них столярная действует до сих пор. При тюрьме построены гостиница для родственников, приют и школа для детей, чьи родители находились в заключении.

В начале своей деятельности в России Гааз был вполне состоятельным, даже богатым человеком. Имел хороший дом, выезд и даже суконную фабрику. Но со временем, тратя на несчастных и из собственных средств, Гааз растратил состояние, однако и личные его

потребности становились вполне аскетические. Когда доктор Гааз умирал (1853 г.), строгий ревнитель православия митрополит Московский Филарет (Дроздов) сам отслужил заупокойные службы, несмотря на каноническое «препятствие» поминать католика.

В последний путь «святого доктора», как прозвали Гааза в народе, провожали 20 тыс. человек. Со временем бывшие заключенные оплели ограду могилы «гаазовскими кандалами». Сейчас ведется процесс беатификации доктора католической церковью (причисление к миру блаженных в католической церкви, что предшествует причислению к лику святых).

В биографии доктора Гааза, как можно видеть, нет упоминаний о Курской губернии, но его имя тесно связано с историей Курского края.

Просматривая описи фонда «Учреждения народного образования Курской губернии», в разделе «Предисловие» мы наткнулись на фразу: «На 20 декабря 1924 года в непосредственном ведении находились: ... колония им. Гааза» [1, л. 16]. С этой фразы и начались поиски. Было просмотрено большое количество документов, прежде чем пришло понимание, о какой колонии идет речь, где она располагалась. Один из главных документов в нашем поиске был найден. Согласно приказу Курского губернского отдела народного образования от 3 марта 1923 г. воспитательной колонии было присвоено имя «Воспитательная колония им. Доктора Гааза» [2, л. 32]. Благодаря документу «Список служащих Курской Мужской Воспитательной Колонии в Шуклинке с указанием время поступления на службу от 1921 года», где в колонке «Время поступления на службу» были указаны даты от 1904 г., стало понятно, что история колонии началась задолго до революции [3, л. 28].

В статье мы затронем самые яркие, важные страницы истории колонии.

Исправительная колония возникла по инициативе лиц судебного ведомства на частные пожертвования. «Весной, 1893 г., в г. Курске возникло общество земледельческо-ремесленной исправительной колонии для несовершеннолетних преступников, устав которого, а также колонии, утвержден Министром Внутренних Дел 19 июня 1893 г. Цель колонии – дать принимаемым несовершеннолетним лицам мужского пола религиозно – нравственное воспитание и умственное образование, развить в них навык и любовь к труду и тем приготовить их к честной трудовой жизни» [4, л. 44]. 1 октября 1895 г. состоялось открытие колонии в 7 верстах от города, а в 1900 г. 17 марта колонию постигло большое несчастье: от лопнувшего провода калориферной трубы пожаром было уничтожено до основания главное здание, в котором находилась церковь, освященная в 1896 г., и помещались до 48 воспитанников [5, л. 148]. Посторонней помощи ожидать было неоткуда из-за отдаленности города, непроезжей дороги, но благодаря умелым распоряжениям директора колонии, помощи

служебного персонала и всех воспитанников, удалось отстоять прочие строения колонии.

Уже на следующий день, 18 марта, состоялось общее собрание членов общества, где было решено выстроить каменное здание. В уцелевших зданиях были размещены воспитанники колонии: баня обращена под спальню, помещение для больницы – под мастерские, была устроена временная кухня, и один из сараев служил столовой для воспитанников.

На покрытие расходов по возведению здания деньги собирали всем миром: благодаря сочувствию местного общества собрали пожертвований более 3 тыс. руб. «Государь император повелеть соизволил отпустить бесплатно на постройку нового здания до 400 бревен из казенной Борщевской дачи» [6, л. 54], Государственное Казначейство выделило единовременное пособие в размере 5 тыс. руб. После освящения нового здания, 21 октября 1902 года, состоялся переход воспитанников. В верхнем этаже помещались: церковь, две спальни и классная комната; на нижнем этаже квартира воспитателя, три мастерских (сапожная, портняжная и слесарная), столовая и пр.

В отчете колонии о своей деятельности содержится такая характеристика одного из воспитанника: «А. И., 15 л. Профессиональный вор-карманник. Живя дома, в Брянском уезде Орловской губернии, был, как говорится, «на руки не чист». По смерти отца, строгого человека, мать не сумела сдержать дурных наклонностей мальчика, живущие отдельно старшие братья мало им интересовались, и А. самовольно ушел в Брянск, где продавал с лотка оладьи, но скоро сошелся с ворами и пристал к их шайке. Последние годы жил в Курске, ведя вполне воровской образ жизни, и за кражу ридикюля с бумагами и деньгами приговорен в колонию. Маленького роста, он выглядит моложе своих лет, но здоров и пропорционально сложен. Умственно развит недурно. Малограмотен, зачислен во 2 группу и учится в школе охотно. Зачислен сначала в портняжную, после в сапожную мастерскую, но успехами похвалиться не может. Из отрицательных качеств (лживость, скрытность, черствость) особенно развита страсть к воровству; он до того любит воровать, что не может удержаться, чтобы не стащить у товарищей из кармана платка и других мелочей; в настоящее время это единственный субъект в нашей колонии с такой большой наклонностью к воровству. Бежавший два раза из колонии он не вернулся к матери, не уехал в другое место, а оба раза спешил присоединиться к шайке, с которой раньше в связи в Курске. Хотя по виду тихий, спокойный мальчик, но исправить его будет очень и очень трудно» [7, л. 50].

А вот сведения о некоторых вышедших учениках: «Один из воспитанников колонии состоит в данное время учителем в одном из училищ Курской губернии, другой приглашен воспитателем одного исправительного приюта, третий обучается с большим успехом в

рисовальной школе и многие сделались вполне благонадежными, хорошими и трудолюбивыми работниками, усвоив себе ремесла, преподаваемые в колонии» [8, л. 1447].

Читая документы, необходимо отметить, что в большинстве случаев время пребывания в колонии оставило в бывших воспитанниках хорошие воспоминания, почти все в переписке с директорами колонии и в праздники посещают бывших своих товарищей.

На протяжении всего периода с 1885 по 1917 гг. ее директорами были, сменяя один другого, М. С. Антипович, Дышлевский, Г. Н. Шевчук, И. П. Пивнев, Б. Б. Горелов [7, л. 30].

Революция 1905 г. оказала сильное влияние на трудящихся Курской губернии. Первые эсеровские кружки и группы появились в 80-е г. XIX в. Практическая деятельность курских эсеров заключалась в проведении агитационно-пропагандистской работы среди рабочих, служащих, учителей.

В тихой сапожной мастерской исправительной колонии в Шуклинке обучал мастерству воспитанников старший мастер Михаил Тимофеевич Горбачев, в квартире которого собирались пропагандисты партии эсеров, хранились литература и оружие. «Здесь были ночевки для приезжающих подпольщиков и явки для членов боевой организации. Здесь производились маевки и массовки /в районе Шуклинки/. Весной 1906 года здесь происходил Совет рабочих от Союза рабочих С.-Р. С 1903 по 1908 гг. в квартире было проведено 6 обысков, был арестован Горбачев и сослан в Сибирь. В 1906 году здесь скрывался А. Тимофеев» [9, л. 36].

Адриан Тимофеевич Тимофеев (1882–1954) – один из первых сотрудников возрожденного Госбанка в 1921 г. Родился в Курске в семье купца. Еще со школьной скамьи увлекся марксистскими идеями, одновременно симпатизировал народолюбцам и эсерам. Во время учебы в столице поддерживал связь со всеми представителями оппозиции. А на каникулах, приезжая в Курск, вел революционную работу среди крестьянства. При жизни он оставил воспоминания, где писал, что в 7-и верстах от города устроил типографию в подвале сельской школы, где учителем работал его соратник по эсеровской партии.

Послереволюционный период колонии можно проследить по документам фонда Курского губернского отдела народного образования. Чередой сменялись фамилии вновь назначенных заведующих колонией: либо в связи с несоответствием занимаемой должности, иногда после проверки прокуратуры, реже по возрасту: П. Г. Матысик, П. Я. Кловацкий, В. А. Ивынова, Г. А. Морозов, А. И. Максимов, Ф. А. Сокут-Сокутенко, Звягинцев.

Поиск материалов, принадлежавших колонии, шел сложно, так как на одном и том же документе штамп и название документа несли разную информацию. Например, в документе от 1921 г., в удостоверении, выданном П. Г. Матысику, как воспитателю Курской мужской

воспитательной колонии, говорится: «Временно, в течение 3-х месяцев, исполнял обязанности заведующего колонии в трудный период смены власти и даже отсутствия власти, когда совершенно не было учреждений куда бы можно заявить о нуждах колонии» [10, л. 42]. А в другом документе, дотированном этим же годом, стоит штамп «Курская воспитательно-исправительная земледельческо-ремесленная колония для несовершеннолетних», а в заголовке стоит «Курская Мужская воспитательная колония». Эта докладная записка была написана от имени заведующего колонии Кловацкого Петра Яковлевича. Вот некоторые его размышления о дальнейшем развитии колонии: «Кроме того, практика ранее существовавших детских домов этого типа указала, что для достижения лучших результатов в намеченных колонией целях, необходимо устройство, так сказать филиальных отделений, а именно: а) устройство патроната – интерната для детей, достигших нравственного выздоровления и желающих продолжить свое техническое и научное образование; б) устройства реформатория для детей, не поддающихся нравственному, гуманитарному воздействию, и не подчиняющихся установленной дисциплине заведения и таким образом действующих развращающим образом на исправляющихся товарищей» [11, л. 42].

Читая документы того времени, необходимо отметить инновационные подходы к воспитанию детей.

В записке к Президиуму Коллегии Губнаробраза от 1920 г. Кловацкий пишет: «Приняв в свое время исправительную колонию, я на первых же порах наткнулся на весьма печальные явления: воровство и игру в карты, которые царили среди детей. Стремясь выяснить причины того и другого, я убедился из разговоров с колонистами, что на воровство их толкает не голод, а привычка к курению. Привыкнув курить с 9–10 лет, они, попав в колонию, в большинстве случаев, в возрасте 15–18 лет, конечно, не могли бросить курение. Табак им не выдавался, денег же на приобретение его ни не имели. Естественно, искушенные в воровстве, они стали на этот путь и в колонии, чтобы добыть себе средств, для приобретения табака. Усиленная охрана имущества малым помогла в этом отношении: развилась игра в карты, продажа хлеба и, даже, обедов.

Очутившись перед таким фактом, я по побуждениям исключительно педагогическим, разрешил приобретать табак в лавках ЕПО. Воровство сразу же прекратилось.

Конечно, вполне сознавая вред курения, воспитательный персонал провел успешную борьбу с этой привычкой. Мне удалось достать ... таблицы, наглядно говорящие о вреде курения и алкоголя. Начались беседы» [12, л. 222].

Но что еще больше удивило в этой переписке, это ответ Коллегии, в которой говорилось о разрешении администрацией исправительной колонии приобретения для воспитанников старше 15 лет небольшого количества табака. Но при этом добавляли, что курение является одной из

самых отрицательных сторон жизни детей, но все же это меньшее зло, чем воровство.

С июля 1924 по май 1925 г. колонию им. доктора Гааза возглавлял Ф. А. Сокут-Сокутенко. Архивные документы позволили восстановить непростую судьбу этого человека. К сожалению, из-за небольшого объема статьи, мы сможем изложить только основные факты его биографии.

Федор Анисимович Сокут-Сокутенко (1886–1937) родился в местечке Братское Херсонской губернии в крестьянской семье. В 1905 г. окончил в Одесской губернии учительскую семинарию, где примкнул к партии эсеров. За участие в революционном движении был сослан на три года в Тобольскую губернию. В 1911 г. был призван на военную службу, а в ноябре 1916 г. окончил 1-ю Иркутскую школу прапорщиков. После чехословацкого переворота, в июле 1918 г., как прапорщика мобилизовали в армию Колчака, и направили в распоряжение заведующего лагерем военнопленных Империалистической войны. Потом был побег в Омск от генерала Розанова и возвращение с Красной Армией в Красноярск, где с 1920 по 1924 гг. занимал разные должности в образовательных учреждениях.

6 июня 1924 г. Сокут был назначен заведующим воспитательной колонии им. д-ра Гааза в Шуклинке. Уже в сентябре было назначено обследование колонии, материалы ревизии передали в прокуратуру и 11 мая 1925 г. Федора Анисимовича освобождают от занимаемой должности, как не соответствующему своему назначению. С 1 сентября 1925 г. был переведен преподавателем в школу № 41 ст. Коренево МКВ ж.д.

В 1927 г. он лишается избирательных прав как белый офицер, служивший в армии Колчака. В ноябре 1937 г. в Магнитогорске Сокут-Сокутенко арестовывают и тройкой УНКВД по Челябинской области, где он последние годы работал экономистом, приговаривают к высшей мере наказания. И только в 1955 г. он был реабилитирован.

В фонде Курского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов было обнаружено заявление Федора Анисимовича от 1927 г. в Кореневский волостной исполком, где он очень честно и искренне пишет о своих ошибках. Признается, что не понял борьбы между эсерами и большевиками. Увидев, что между ними пропасть, ушел от активной работы. «Когда произошел чехословацкий переворот, я считал своей обязанностью и своим долгом помочь большевикам: спасти их от расправы, арестов, обысков и грабежей, не дать уволить со службы, кто был арестован – освободить. Вот служба и единственная, которую сослужил мне чин прапорщика!» И дальше: «Я верю в светлое будущее Советской власти так же, как и вижу, невиданное на земле, будущее рабочих и крестьян» [13, л. 22].

Сегодня в здании колонии 1895 г. постройки находится школа – интернат для детей с ограниченными возможностями здоровья. Доктор

Гааз очень любил детей. Было бы хорошо вернуть имя доктора интернату, и тогда у детей к их заботливым воспитателям прибавился бы еще один учитель с его знаменитым призывом, который, мы уверены, знают все: «Спешите делать добро»!

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-309. Предисловие к описи.
2. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 5. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 197.
4. Обзор Курской губернии за 1893 год. Курск, 1894.
5. Очерк деятельности судебных учреждений Харьковского округа за истекшие тридцатипятилетие. 1867–1902. Харьков, 1903.
6. Обзор Курской губернии за 1901 год. Курск, 1902.
7. Отчет правления Курского общества исправительной земледельческо-ремесленной колонии для несовершеннолетних, состоящей под Высочайшим покровительством Государя Императора, за 1907 год. Курск, 1908.
8. Журнал заседаний XIX очередного Курского земского собрания за 1903 год. Курск, 1903.
9. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 57.
10. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 169.
11. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 3. Д. 127.
12. ГАКО. Ф. Р-309. Оп. 2. Д. 13.
13. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 2. Д. 55.

И. О. Рожковская

ДОСУГ КУРЯН В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Культурно-досуговая деятельность Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. была по-своему интересна и многогранна. И кинематограф как вид досуга в те времена, да и сегодня, занимал и занимает лидирующее положение.

Первый киносеанс состоялся в Курске 14 мая 1897 г. и вызвал небывалый интерес зрителей. Эту дату можно считать началом курского кинопроката. Показу фильмов предшествовала реклама в газетах и на афишных тумбах: «Приехал! И даст только три представления знаменитый и единственный в мире аппарат движущейся во весь рост фотографии. Везде громадный успех».

Куряне еще не предполагали, что новое зрелище захватит их целиком и навсегда. Первые сеансы проходили в городском театре Курска. Кино пришлось курянам по душе, изумило всех и казалось настоящим чудом. 18 мая администратор кинематографа Г. Аксенов дал бесплатное дневное представление специально для детей из приютов и малообеспеченных родителей. Радость детей была безграничной.

Однако стационарный кинематограф обосновался в городе и губернии значительно позднее, так как из-за отсутствия российской кинопромышленности фильмы были в подавляющем большинстве заграничными и не всегда доступными. Регулярное русское фильмопроизводство началось лишь в 1907 г. С этого момента кинотеатры в России стали расти, словно грибы после дождя. Не избежал этого явления и Курск. С тех пор походы в кино стали излюбленным видом проведения досуга.

Самыми первыми кинотеатрами в Курске стали «Иллюзион» на Московской улице в доме Грота, «Мираж» на Херсонской в доме Лавровой и «Био». «Курские губернские ведомости», идя навстречу кинозрителю, начали публиковать рекламу о фильмах и новинках [1, с 45–47].

С конца XIX в. в Курской области стал массово распространяться цирк. Представления актеров цирка вызывали у курян даже больший интерес, чем кино. К тому же это искусство было демократичным по стоимости и вполне доступным для широких масс, и куряне с удовольствием проводили в цирке свое свободное время. Количество выступлений заезжих гастролеров значительно возросло, чему способствовал тот факт, что в городе увеличилось и количество центров культуры: появился Общественный клуб и его сад, купеческое и коммерческое собрания, которые тоже имели свои залы и сады с театрами и подмостками. Летом выступали в коммерческом и купеческом садах.

Георгиевская площадь стала традиционным прибежищем цирков Шапито. Одним из первых таких цирков был цирк Заикина.

«На аренах цирков 2-й половины XIX века все чаще выступают атлеты (силачи), поднимающие тяжести и вызывающие желающих на борьбу... Демонстрация силы – борьба, поднятие тяжестей – пользовались особым успехом на народных гуляньях, выдвигая любимых народом силачей и борцов. Естественно, что многие из них переходили в цирк» [1, с. 11–12].

В госархиве Курской области имеется ряд документов о строительстве цирка Василием Григорьевичем Собботом на Георгиевской площади. 4 октября 1907 г. крестьянин Изюмского уезда Харьковской губернии Г. В. Соббот направил прошение в строительный отдел Курского губернского правления: «Желаю построить теплый под деревянной крышей цирк на Георгиевской площади...» [2, л. 1]. После согласования с курскими чиновниками цирк был построен и действовал около 2-х лет.

С началом Первой мировой войны цирковые представления в Курске хотя и продолжались, но количество их уменьшилось.

Одним из своеобразных представлений, на которых всегда присутствовало много зрителей, были традиционные кулачные бои. Особенно привлекательными были бои на масленицу на льду реки Тускарь между ямскими и городскими гражданами. Действовали неписанные правила чести: бой вести без зажатия в кулаке каких-либо предметов,

лежащего не били, не дрались ногами. Действовал только кулак. Но все эти представления, выступления происходили спонтанно, стихийно, ничем не регламентировались. Естественно не было ни афиш, ни отчетов об этих выступлениях, их сохраняла народная память. Силачами славились Казацкая, Пушкарная, Ямская и Стрелецкая слободы, то есть городские окраины. Кулачные бои исчезли только после Октябрьской революции.

Еще хочется упомянуть о такой зимней забаве, как катание на коньках. В последнее время в Курске стало появляться все больше открытых катков. Этот зимний вид спорта очень популярен среди всех слоев населения. Еще до революции эта забава стала особенно популярна. В 1884 г. в декабрьском номере «Курского листка» известный в Курске спортсмен и спортивный организатор Александр Белофостов поместил объявление: «Каток на реке Тускарь вблизи водопровода открыт с 11 утра. Плата за вход – 20 коп., дети и учащиеся – 10 коп. Теплое помещение для подвязывания шнурков». Это был первый в Курске каток и первое спортивное сооружение вообще. Входная плата была довольно высокой, простым людям не по карману, но каток не пустовал. А вскоре Курский общественный клуб открыл каток и в центре города, в городском саду, еще один каток, который стал успешно конкурировать с белофостовским, особенно в те дни, когда играл оркестр. Конькобежцы танцевали кадрили, после которой был «гранд ронд» с фигурами. Публика с интересом наблюдала за танцующими в свете фонарей со свечами, так как катки посещали также и зрители, наблюдавшие за катающимися [3].

Куряне, будь то в губернском центре или на периферии, стремились к культуре и в особенности к песенной и музыкальной. На рубеже веков они могли насладиться многочисленными концертам русских и зарубежных мастеров инструментальной музыки и вокала.

В феврале 1900 г. состоялся концерт талантливого польского пианиста и композитора Иосифа Гофмана. Весной в Курск приехали артисты Большого театра Л. В. Собинов и С. Г. Власов.

К тому времени в столицах сложилось достаточно твердое мнение, что Курск является одним из самых музыкальных городов русской провинции. Поэтому ничего удивительного не было в том обилии гастролеров, посетивших Курск.

Концерты проходили в концертных залах Дворянского собрания и Общественного клуба. В купеческом саду летом играл военный оркестр под управлением Старикова, пользовавшийся особой популярностью у курян. Там же пробовала свои силы эстрада. Труппа показывала фарсовые и музыкальные представления.

В Пушкинском саду выступал симфонический концерт под управлением К. Миньяра по своему составу приближавшийся к структуре большого симфонического оркестра. Его концерты тоже привлекали немало зрителей.

Летом ежегодно открывалась еще одна площадка: сад «Ливадия» (ныне на этом месте высотная гостиница «Курск», Дом Знаний, спорткомплекс «Динамо», ТЦ «Пушкинский»). Принадлежал он обувному магнату Евдокимову и стал своеобразной базой культуры и развлечений Коммерческого собрания. Куряне с удовольствием слушали оркестры, выступавшие в летние времена в садах города. Репертуар всех оркестров был в основном классическим. Кто желал слушать серьезную музыку, тот шел в Пушкинский сад. Более веселую (вальсы, марши) можно было слушать в «Ливадии», а музыку под «цыганщину», «со слезой», давал небольшой оркестр Скрипоренко [1, с. 88].

В конце XIX – начале XX века активизируется общественная жизнь Курской губернии. Именно в это время проводятся первые выставки, которые вызывают интерес у курян. В числе первых в Курской губернии стали проводиться выставки наглядных пособий, организованные сначала Курским губернским земством, а затем Курским губернским музеем наглядных пособий. Ежегодно на территории Курского края, в том числе во всех уездных центрах губернии, стали проводиться сельскохозяйственные выставки, собиравшие большое количество участников.

Богатейшую историю имеют и художественные выставки, проводимые на территории Курской губернии. Еще в XIX в. Курск имел возможность познакомиться с работами Товарищества передвижных художественных выставок. Местные любители искусства и профессиональные художники в начале XX в. устраивали выставки на региональном уровне, приглашая к участию иногда столичных мастеров [4, с. 213–214].

Источники и литература

1. Бугров Ю.А. Свет Курских рамп. Курск, 2002. Кн. 3.
2. Государственный архив Курской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 12343.
3. Курский листок. 1884. 12 дек.
4. Родионов А.А. Выставочная жизнь Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Россия на рубеже веков: история и современность. Курск, 2004.

Т. Н. Потаскаева

ИЗ ИСТОРИИ ФАТЕЖСКОЙ РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЫ

До Великой Октябрьской социалистической революции больница г. Фатежа состояла в ведомстве курского губернского земства и обслуживала весь Фатежский уезд. В 1877 г. при больнице было построено здание для сифилитических больных. Рядом располагалось еще одно здание – дом для содержания больных арестантов гражданского

ведомства [1, л. 14]. В 1895 г. были простроены каменные здания, в которых позже разместились хирургическое, терапевтическое отделения [2, л. 1]. Все постройки находились на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты от городской черты на возвышенной территории, принадлежащей пригородному селу Миленино.

В нескольких сотнях метров от больницы протекали река Усож и ручей Фитижик. Вода для больницы использовалась из местного колодезя расположенного у подножия холма, на котором стояло здание. Вокруг был хозяйственный двор, который не всегда вовремя убирался. В 1900 г. земство приняло решение построить новое здание для амбулатории, но строительство отложили на год. Рядом было выстроено здание цейхгауза (склада), а бывший цейхгауз приспособлен под лабораторию [3, л. 8, 13 об.].

После февраля 1918 г., в то время когда вся страна испытывала нужду во всем, снабжение медикаментами и дезинфекционными средствами было крайне скудным, иногда катастрофическим.

Материально-техническая база требовала больших средств: не хватало топлива, освещение было недостаточным, требовались помещения для размещения больных, кровати, белье, инструменты, оборудование для зубоучастных кабинетов и многое другое [3, л. 17].

В 1922 г. Фатежская народная больница пережила один из тяжелых периодов своего существования. Почти полное отсутствие топлива, медикаментов, перевязочного материала, недостаток зимних одеял, керосина – все это повлекло почти полное прекращение работы в больнице в течение первых трех месяцев 1922 г. Ввиду суровой зимы того года в больнице стоял такой холод, что работать и осматривать больных не было возможности: вода и растворы замерзали. При таких условиях в больнице оставались лежать больные, которые были жителями голодающих губерний, главным образом Воронежской, которые поневоле должны были переносить невозможные условия больничной обстановки. Уже к лету больница получила небольшое количество перевязочного материала и медикаментов [4, л. 119–119 об.].

В течение следующих лет больница была укомплектована персоналом, но заполняемость стационара составляла половину от его возможностей. Объяснялось это тем, что население не доверяло медицине и часто доверялось повитухам, костоправам или откладывало обращение к врачу до крайних случаев. Еще одной причиной было то, что население боялось лечиться там, где холодно и голодно. Хотя в отчете за 1924 г. говорится о достаточном снабжении больницы: «Стационарные больные вполне снабжены медикаментами. Инструментарий для хирургических работ и других манипуляций имеется в достаточном количестве». Больница была снабжена бельем, а в 1924 г. к зданию было подключено электричество. Имелся свой водопровод, кухня, прачечная, своя хлебопекарня. Весь отопительный сезон больница отапливалась.

Пострадавшая в годы гражданской войны Фатежская уездная больница к середине 1920-х гг. вернулась на довоенный уровень [5, л. 20].

Медицинский персонал был полностью укомплектован: согласно штатному расписанию в народной больнице на службе имелось три врача, пять лекамов, три акушерки, две сестры милосердия, одна санитарка, восемь сиделок, девять служанок, трое рабочих, две прачки, две кухарки, сторож и водовоз, кастаньянша, конторщик и смотритель больницы [6, л. 4].

С первых дней Великой Отечественной войны тысячи медицинских работников Курской области, в том числе и из Фатежского района, боролись на фронтах с фашистами.

С момента освобождения Фатежского района началось восстановление народного хозяйства. Здание больницы сохранилось, и она начала функционировать.

На балансе состояло: хирургическое отделение, инфекционное, гинекологическое и венерологическое отделение, кухня-квартира, прачечная, сарай над ледником. Все здания каменные.

В декабре 1943 г. был составлен акт о наличии товарно-материальных ценностей районной больницы. Кроме хозяйственных инструментов, инвентаря, скобяных изделий в больнице значился живой инвентарь: лошадь серая, лошадь рыжая, корова [7, л. 1–2 об.].

Значительную роль в налаживании нормальной организационной работы больницы играло подсобное хозяйство, которое имело 18 га земли под зерновыми и 4 га под овощными культурами [8, с. 170].

Посильный вклад в деятельность народной больницы г. Фатежа вносили многие граждане, участвуя в обработке земельных угодий, предоставляя торф для отопления помещений. Так артель «Свой труд» в 1944 г. сдала для больницы 39 штабелей торфа весом 1 пуд [7, л. 10].

В 1945 г. в подсобном хозяйстве добавилось две лошади и телка, увеличилось количество сельскохозяйственного инвентаря.

Восстановление шло медленно не хватало средств. В 1947 г. в отчете по больнице представлены сведения о состоянии зданий больницы, где указано, что в хирургическом отделении в потолке имеется окно, в которое систематически затекает вода по причине неисправности крыши и потолка.

В родильно-гинекологическом отделении одна из палат на зимнее время закрывалась ввиду непригодности к размещению больных в холодное время года. Несмотря на это персонал больницы работал с полной самоотдачей.

Хорошие отзывы остались о хирурге Г. И. Ботове: опытный врач, владеющий полостной, травматической и глазной хирургией. Заведующий терапевтическим отделением – врач А. А. Рязанцев – терапевт, фтизиатр с 25-летним стажем. Главный врач, заведующий родильно-гинекологическим отделением – квалифицированный специалист, свободно владеющий хирургической техникой в акушерско-гинекологической работе. Средний медицинский персонал, имеющий

профессиональную подготовку, содержал в чистоте отделения, выполнял свои обязанности на высоком профессиональном уровне. Работа санитарок также высоко оценивалась руководством больницы: внимательны к уходу за больными, нередко проявляли материнскую заботу о них.

В 1950-е гг. деятельность отдела здравоохранения и районной больницы была направлена на улучшение лечебно-профилактической помощи населению. Врачи участвовали в районных конференциях, повышали квалификацию. На межрайонных научно-практических конференциях работа Фатежской районной больницы ставилась в пример.

Большое внимание уделялось проведению диспансеризации, врачи районной больницы углубленно обследовали тех колхозников, которые по болезни не работали, организовывали диспансерное наблюдение за ними и проводили лечение нуждающихся [8, с. 95].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2359.
2. ГАКО. Ф. Р-4929. Оп. 1. Д. 389.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9790.
4. ГАКО. Ф. Р-481. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 845.
6. ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 236.
7. ГАКО. Ф. Р-1353. Оп. 2. Д. 5.
8. Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области (в трех частях). Воронеж, 1968. Ч. 3.

А. И. Волкова

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГАЗЕТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОГО КРАЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Модернизация российского образования на современном этапе выявляет необходимость обращения к опыту становления, развития и реформирования данной сферы на предыдущих этапах. В XIX – начале XX в. в соответствии с социально-экономическими условиями появилась потребность в профессионально-образованных людях. Современная формирующаяся образовательная модель не в полной мере учитывает опыт, накопленный в XIX – начале XX в., в связи с чем в современных условиях чрезвычайно актуально изучение практических шагов государства и местного самоуправления в дореволюционный период по развитию образования в российской провинции.

Понятие «образование», согласно ФЗ «Об образовании в российской Федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 29.12.2017) трактуется как

«Единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции, определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [1]. Российское образование на современном этапе, отвечая на сложные вызовы времени, направлено на его системные изменения и преобразования, выдвигающие требования на обновление российского образовательного пространства. Выдвигая главным фактором развития общества качество интеллектуальных ресурсов, при этом ключевая роль в модернизации системы образования отводится повышению качества образования за счет подготовки квалифицированных педагогических кадров, способных решать стратегические задачи. Для достижения поставленных целей и успешной системной трансформации российского образования необходимо, в том числе, обратиться к опыту функционирования образовательной системы в период ее реформирования и реализации ее деятельности в переломные периоды. Интерес представляет становление и развитие образования в период ее широкого становления в период XIX – начала XX вв. как важнейшей части социальной сферы государства, которая обеспечивает процесс получения человеком знаний, умений навыков с целью их применения в профессиональной деятельности.

В Курской губернии к концу XIX – началу XX вв. сложилась система образования, лишенная высших учебных заведений. Были распространены учебные заведения, обеспечивающие начальное образование выходцам всех сословий и обоих полов, а также земские и церковно-приходские школы [8, с. 8]. Продолжить общее образование было возможно в реальных училищах и гимназиях, а получить профессиональные навыки – в низших и средних профессиональных училищах, что обеспечивало увеличение количества грамотных и профессионально подготовленных людей для развития Курской губернии [7; 6].

В настоящем исследовании мы обратим внимание в меньшей степени непосредственно на систему образования, а в большей – на отражение ее деятельности на страницах региональной периодической печати. Именно местная пресса знакомила читателей с наиболее значимыми событиями региона, обращала внимание на важные даты, ключевые событие как региональной жизни, так и общероссийские новости (и даже зарубежные). Все события, связанные с системой образования, которые местные журналисты считали нужным осветить на страницах издания по факту затрагивали абсолютно разнообразные вопросы образовательной деятельности. Обратимся далее непосредственно

к курским газетам и проследим, как региональная пресса освещала события системы образования.

Официальные курские издания – газеты «Курские губернские ведомости» и «Курские епархиальные ведомости» – в официальном отделе размещали нормативно-правовые документы, которые в том числе регламентировали деятельность образовательной системы. Так, в официальном печатном органе Синода на территории Курской губернии находим Указы Синода, отчеты об открытии училищ по епархиальному ведомству, здесь же читатель знакомился и с Поучениями, прочитанными лицами духовного сана при открытии подобных училищ, например, «Почтение для девиц при открытии училища при Белгородском женском монастыре» [4, 1871, № 1, с. 1]. Рядом помещены епархиальные распоряжения от Курской духовной консистории, разнообразные проповеди, выполненные в виде советов священнослужителей [4, 1871, № 1, с. 1–3]. Официальные газеты Курского края уделяли внимание событиям сферы образования, подобные материалы находили место в неофициальной части изданий. На примере статьи «Музыкальные классы А. М. Абазы. Гимназия О. Н. Красовской», размещенной на страницах главного издания Курской губернии, проанализируем, каким образом представлены события образовательно-просветительской сферы. Данная статья примечательна тем, что новости образования поданы в сочетании и с акцентом на культурную составляющую. Читаем: «На днях в зале женской гимназии О. Н. Красовской состоялся ученический, музыкальный вечер курских музыкальных классов А. М. Абазы. В программу вечера входил ученический конкурс, в котором принимали участие К. Туранская, В. Штокман и С. Кишкин». Журналисты старались довести до читателей собственное мнение и делали это весьма профессионально: «По нашему мнению пальму первенства в этом конкурсе надо признать за К. Туранской. По игре на фортепиано оканчивающая курс учения София Баркалова обладает прекрасной техникой, особенно же хорошо, из нескольких исполненных ее пьес, была сыграна соната ор. 57 Бетховена. Ученица 4 класса Серафима Тебенкова очень недурно исполнила романс Рубинштейна и вальс Шопена, но особенно хорошо ею был сыгран вальс. Ученицы 3 класса М. Калинина и М. Переплетенко исполнили с большим успехом: первая пьесу Баха-Шпиндлера, вторая – пьесу Ресселена. Ученик С. Кишкин играл мелодию Рубинштейна, вызвал шумные аплодисменты. На скрипке играл Н. Росланец очень, опытный музыкант с прекрасной техникой. Его игра доставила слушателям большое удовольствие и вызвала самые восторженные одобрения. Пел Г. Подольский арию из оперы Фауст, серенаду Дон-Жуана Чайковского и романс Маттей. Голос у этого певца с большим диапазоном, сочный, с хорошим тембром, поет же он еще неумело, дыхание неправильное и совсем отчетливая фразировка, но подает надежды современным сделаться хорошим певцом. Публика, переполнившая зал, награждала исполнителей аплодисментами» [3, 1901,

№ 110_0987]. Официальное издание широко освещало развитие земского образования в губернии, постоянно размещая на своих страницах материалы прямо или косвенно с ним связанные. Как правило подобные материалы предоставлялись в редакцию газеты непосредственно представителями уездных земств. Читаем: «Тимское уездное земское собрание в своих заседаниях с 3 по 5 октября постановило открыть в селе Кривец земскую школу, а Тимскому городскому женскому училищу ассигновать ежегодно пособие по 30 р. для введения в училище обучения девочек рукоделию; Харьковское медицинское общество представило Тимскому уездному земскому собранию отчет о деятельности бактериологической станции с 20 апреля 1887 года по 1 августа 1888 и просило о назначении субсидии на поддержание станции. Уездное земское собрание отклонило ходатайство Харьковского медицинского общества» [3, 1888, № 80, с. 2].

«Курские епархиальные ведомости» освещали образовательные / культурно-просветительские мероприятия города Курска и губернии, имеющие при этом религиозную составляющую и входящие в информационное поле епархиальной газеты. И в данном смысле работы у журналистов было много – во второй половине XIX в. шло усиление благотворительности и просвещения. Открылись Курский духовный приют, женские училища в Троицком монастыре Курска и в Белгородском женском монастыре, Александровские приюты мальчиков в Знаменском монастыре, девочек – в Епархиальном училище. В 1892 г. была открыта церковно-приходская школа для беднейших жителей Курска, которую учредило Курское братство преподобного Феодосия Печерского. В 1899 г. епископ Иустин утвердил также Курское православное Палестинское общество. На рубеже XIX–XX вв. впервые стали работать постоянные курсы для учителей церковно-приходских школ и т. п. [2]. И все эти события находили свое место на страницах епархиальной газеты в виде полноценных статей, обзоров, описаний, кратких сообщений, хроники, разнообразных заметок. Ведомости сообщали, что «первых учеников приняла воскресная женская школа» [2].

Кроме официальных изданий события образовательной сферы находили свое место на страницах и неофициальной курской прессы. Лидером по освещению событий разной социальной направленности и информированию населения на «обыденные» темы была газета «Курский листок». Не обходила стороной газета и вопросы местного образования / просвещения / воспитания. Особенно много в газете в период ее существования как «Курский листок объявлений» размещалось объявлений и информационных сообщений, которые носили разнообразную направленность и социальную нагрузку. Несколько примеров: «Особа, знающая теоретически и практически языки: немецкий, французский и музыку, а также русские предметы, ищет занятий с детьми, может репетировать. Адрес в конторе редакции» [5, 1904, № 57; № 119],

«Студент Петербургского горного института предлагает услуги репетировать, готовить в среднее и высшее учебные заведения. Адрес в конторе редакции» [5, 1904, № 57; № 119]. Читаем еще несколько интересных сообщений из отдела «Хроника»: в июньском номере за 1893 г. редактором Н. Ф. Владиславским-Падалко была опубликована статья о том, что 6 июня в зале общественного клуба состоялся «акт городских училищ» [5, 1893, № 16, с. 2]. Читатели газеты узнали, что с утра учащиеся мальчики и девочки были собраны в своих учебных заведениях и затем направлены в Знаменский монастырь к слушанию божественной литургии, которую совершал епископ курский и белгородский Иустин. Во время литургии пел хор учеников. После литургии был выслушан молебен, по окончании которого ученики и ученицы построились по классам против монастыря и, под звуки оркестра 226 гравировонского рез. батальона, были проведены в зал общественного клуба. Погода не способствовала «этому детскому празднеству: шел сильный дождь и платья детей, особенно девочек, были мокрыми» [5, 1893, № 16, с. 2]. Из статьи можно почерпнуть информацию и о составе приглашенных лиц: «В зале собрались городской голова Г. И. Лавров, гласные думы и другие приглашенные на это торжество лица. Затем прибыли: начальник губернии, граф Милютин А. Д. и епископ Иустин» [5, 1893, № 16, с. 2]. Мероприятие началось пением молитвы «Днесь благодать Святого Духа собрала нас» и затем чтением отчета о городских училищах за истекший 1892–1893 учебный год, о числе учащихся, окончивших курс и т. д. По прочтении отчета началась раздача наград и свидетельств. Мероприятие закончилось около семи часов «по полудни», после чего учащиеся разошлись по домам [5, 1893, № 16, с. 2]. Данная статья является типичной для «Курского листка». Подобные статьи знакомят со школьным образовательным процессом, кроме того можно почерпнуть и косвенную информацию, например, об официальных лицах губернии причем как светских, так и духовного сана. Косвенную информацию по вопросам образования можно обнаружить в рубрике «Вести из уездов». Прежде всего, здесь помещались статьи, заметки о насущных проблемах населения, важных, требующих решения социальных вопросах, часто подобные статьи приобретали характер прошения от жителей определенного населенного пункта. Читаем сообщение, пришедшее в рубрику от жителей слободы Борисовка Грайворовского уезда (совр. Белгородская область – *А. В.*): «В апреле были открыты в нашей слободе две бесплатные столовые для учащихся детей. Средства на содержание этих столовых составляются из сумм, присылаемых Санкт-Петербургским комитетом грамотности и Особым комитетом под председательством Наследника Цесаревича. На средства первого получают пищу исключительно школяры, а на средства второго – бедные неучащиеся дети. Столовыми заведуют: жена местного земского врача и учитель образцового двух-классного училища. Наша слобода имеет около

2 200 жителей. Имеющиеся у нас пять школ не вмещают всех желающих учиться. Наши учителя и учительницы вот уже целый год занимаются безвозмездно по вечерам с детьми, не попавшими в школу по недостатку мест. Среди местной сельской интеллигенции возникла мысль об организации общества вспомоществования учащимся в сельских школах. Устав уже выработан и послан на утверждение. Нельзя не порадоваться появлению в нашем селе волостной сельской библиотеки, в котором до этого времени грамотному с трудом можно было достать подходящую для чтения книгу. Желательно, чтобы эта библиотека развивалась, увеличивалась и встретила поддержку всех интеллигентных местных сил и крестьян. Охотников брать книги много, а книг пока еще очень мало; ассигнуемых же борисовским обществом средств – недостаточно» [5, 1893, № 16, с. 3]. Данная статья подробно освещает многие вопросы, начиная от социально-экономических проблем и заканчивая культурно-просветительскими (организация библиотечного дела, нехватка книг, учебных пособий). Обращала внимание газета не только на просветительскую деятельность, но и уделяла внимание острым социальным вопросам. Так, на страницах газеты находим статьи и заметки о беспорядках в учебных заведениях Дмитриевского уезда [5, 1898, № 40, с. 4].

Таким образом, мы видим, что потребность в образованных людях, в подготовке профессиональных специалистов в разных сферах жизни общества приводит к активному развитию, реформированию системы образования. Модернизация образования в любой исторический период обращает на себя внимание не только специалистов, но и, конечно, представителей журналистского сообщества. Свое место на страницах региональной прессы находила система образования Курской губернии, сложившая к концу XIX – началу XX вв., как одна из важнейших сфер жизни общества. Курские журналисты широко освещали и удовлетворяли интерес читателей к вопросам образования, размещая на страницах своих изданий разнообразные по тематике и классификации материалы. Различные вопросы образования / воспитания находили отражение как на страницах официальных, так и неофициальных изданий. Курские газеты публиковали совершенно разные по тематике, жанру, типологии материалы:

- официально-правовые документы, регламентирующие сферу образования и просвещения;
- статьи, поднимающие социально-значимые вопросы, волнующие общество;
- просветительские, новостные статьи и заметки;
- статьи по истории образования Курского края и Черноземного региона, научно-популярные обзоры исторической тематики;
- материалы мемуарного характера лиц, представляющих сферу образования / просвещения;

– объявления рекламного характера.

Курские профессиональные журналисты, а также сотрудничающие с газетами краеведы, просветители, учителя, земские деятели и в целом неравнодушные люди уделяли широкое внимание сфере образования. Периодические издания региона размещали на своих страницах различные материалы, освещающие сферу образования Курской губернии XIX – началу XX вв.

Источники и литература

1. ФЗ «Об образовании в российской Федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 29.12.2017) [Электронный ресурс] // URL: <https://dokumenty24.ru/zakony-rf7zakon-ob-obrazovanii-v-rf.html> (дата обращения: 18.08.2022).
2. Бугров Ю.А. История Курской епархии. Краткий очерк. Курск, 2003.
3. Курские губернские ведомости. 1838–1915 гг. [Обзор]
4. Курские епархиальные ведомости. 1871–1915 гг. [Обзор]
5. Курский листок объявлений. 1879–1905 гг. [Обзор]
6. Терещенко Д.А. Становление и развитие профессионального образования в провинциальных городах России во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Курской губернии). Автореф. дис. ... к.и.н. Курск, 2005.
7. Третьяков А.В. Низшее профессиональное образование Курской губернии (конец XIX – начало XX в.) // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы региональной научно-практической конференции. Белгород, 1996.
8. Учебные заведения Курской губернии / сост. Н. И. Златоверховников. Издание Курского губернского статистического комитета. Курск, 1911.

Д. С. Немкова

ОРГАНИЗАЦИЯ БЮРО ДЛЯ ПРИЕМА ЖАЛОБ И ЗАЯВЛЕНИЙ ПРИ КУРСКОМ ГУБЕРНСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ

На государственный контроль в связи с его организацией на новых началах Декретом, утвержденным в заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 2-го апреля 1919 г., возложены функции непосредственного фактического контроля, обеспечивающего неуклонное и целесообразное осуществление декретов и постановлений центральной власти во всех областях государственного управления и хозяйства [1, с. 141]. Государственный контроль, становится существенным элементом государственного аппарата, призванным выполнять функции, обеспечивающие правильный ход государственного хозяйства, сохранность народного достояния, выполнение всеми органами советской власти предначертаний правительства.

В соответствии с этим, для осуществления ряда намеченных задач, было признано необходимым привлекать к постоянному участию в

работах государственного контроля в центре и на местах рабочие и крестьянские организации. Кроме того, насущной являлась проблема проведения летучих ревизий и наблюдения за организацией во всех учреждениях приема всякого рода жалоб и заявлений, правильного их движения, а также образования при самом государственном контроле особого бюро для приема жалоб и заявлений о неправомерных действиях, злоупотреблениях и правонарушениях должностных лиц.

Разрешение ранее названных вопросов являлось безотлагательным, требовало их скорейшее проведение в жизнь. В связи с чем, при Народном комиссариате государственного контроля постановлением от 4 мая 1919 г. создается Центрального бюро жалоб и заявлений [2, с. 391]. Принятие Народным Комиссариатом Государственного Контроля постановления «О местных отделениях Центрального Бюро Жалоб и Заявлений (Положение)» 24 мая 1919 г. [3, с. 392], в свою очередь, положило начало стремительному созданию бюро жалоб почти во всех губернских центрах, в том числе и в Курской губернии.

План организации особого Бюро по приему жалоб и заявлений при Курском губернском отделении государственного контроля был утвержден 27 мая 1919 г. на заседании коллегии под председательством управляющего Курского губернского отделения государственного контроля В. С. Гумовича.

Согласно данному плану, руководящей коллегией было принято решение о создании Бюро жалоб при губернского отделения государственного контроля при следующей численности сотрудников: 2 младших юрисконсульта, 4 консультанта и 3 сотрудника канцелярии. В штат сотрудников каждого бюро жалоб, организуемого при 14 уездных отделениях государственного контроля, в соответствии с планом входил один консультант и два канцелярских работника [4, л. 19].

Все поступающие жалобы и заявления теперь передавались на разрешение и обсуждение в специально образуемые в составе отделения государственного контроля Бюро жалоб.

На уездные отделения госконтроля, в случаях возможности, возлагались обязанности производить расследования или выносить по жалобам иные решения, которые в любое время могли быть опротестованы жалобщиком в Курское губернское отделение государственного контроля.

На заседании коллегии был утвержден следующий режим работы бюро жалоб: жалобы и заявления от всех без исключения принимать от всех без исключения граждан советской России ежедневно в присутственные дни и часы с 10-и до 4-х часов [4, л. 19].

Кроме того, было установлено, что все поступающие обращения, независимо от формы подачи, необходимо записывать в особый реестр. При принятии в бюро жалобы требовалось выдавать соответствующую квитанцию о получении жалобы. Все необходимые для регистрации жалоб книги и квитанции должны нумероваться и скрепляться печатью.

В целях установления однообразного порядка деятельности бюро во всех отделениях губернии, было выдвинуто предположение о необходимости разработки единой инструкции.

Первоначальные проблемы, с которым пришлось столкнуться руководству при создании Бюро жалоб, носили, в основном, организационный характер и заключались в отсутствии рабочих мест в помещении, занимаемом на тот момент Курским губернским отделением государственного контроля.

Более того, ситуация осложнялась отсутствием рабочего инвентаря и мебели. На этот счет, заместитель управляющего отделения контроля Н. Ф. Буржинский отмечает: «...наличный инвентарь отдела главным образом столы и стулья настолько ограничен, что в некоторых отделах нескольким служащим приходится пользоваться одним небольшим столом, что конечно не может не отражаться на ходе ревизионных работ. Поэтому же теперь является необходимым пополнить недостающий инвентарь, а также приобрести хотя бы еще 2 пишущие машинки, работа для которых в отделении всегда имеется с избытком» [4, л. 20].

При этом, проблемы также возникли и с укомплектованностью штата сотрудников, в связи с отсутствия необходимо количества квалифицированных кадров с юридическим образованием.

В силу данных обстоятельств Отдел по приему жалоб и заявлений при Курском губернском отделении госконтроля начал свою работу только 16 июня 1919 г. [4, л. 9].

На заседании коллегии 20 июля 1919 г. заведующим Бюро жалоб временно был назначен М. Е. Чикирисов, а заведующим юридического отдела Бюро жалоб – С. В. Колодезников [4, л. 9].

Предварительно ими была проанализирована работа Бюро жалоб в течение первого месяца и подготовлен доклад, заслушанный на заседании коллегии.

В своем докладе руководство Бюро жалоб отмечает, что с первых шагов в своей работе Бюро встретилось с большим количеством жалоб и заявлений, подлежащих разбору. Так, из числа поступивших свыше ста жалоб, более восьмидесяти из них получили движение и по нескольким жалобам был достигнут окончательный результат [4, л. 16].

Основанием заявлений, поступивших в Курское губернское отделение Бюро жалоб по большей части являлись: превышение власти, незаконное присвоение вещей властями, реквизиция, конфискация, бездеятельность властей, волокита, неправильное выселение и занятие квартир, неосновательное лишение свободы, некорректное обращение, подлог в официальных бумагах, медленность в уплате и неуплата вознаграждения по службе, материальный ущерб, небрежное хранение народного достояния.

Наибольшая часть жалоб поступали на чрезвычайные комиссии и исполкомы, а затем уже на милицию, продовольственные и земельные комитеты, военную власть, почтово-телеграфные органы [5, л. 129].

По состоянию на 20 июля 1919 г. штат служащих Бюро насчитывал семь работников, из которых 4 юриста. При этом, первые две недели в губернском Бюро жалоб из-за недостатка специалистов работал один юрист [4, л. 17].

Оценив потенциальный объем работы, относительно такого состава заведующий М. Е. Чикирисов заявил о необходимости увеличения численности сотрудников иной квалификации, нежели предложенного Центральным бюро жалоб в циркуляре от 08 июля 1919 г. № 1586. Для результативного выполнения работы, согласно докладу, требовалось 5–6 человек юристов, канцелярские же сотрудники должны приглашаться в зависимости от объема работы [4, л. 16].

На основании выводов докладчика, коллегией было принято решение об укомплектованности кадрового состава Бюро жалоб в количестве 8 сотрудников: технический руководитель (заведующий) – 1; старший контролер/юрист – 1; контролер, исполняющий обязанности юрисконсульта – 2; делопроизводитель I разряда – 1; делопроизводитель II разряда – 2; конторщик – 1; машинистка – 1 [4, л. 9].

Открытие в уездных отделениях помимо приема еще и бюро жалоб по заключению М. Е. Чикирисова не представлялось возможным в силу технических и политических причин. Во-первых, в образованных уездных отделениях контрольная работа не была налажена надлежащим образом. Во-вторых, большинство жалоб приходились на действия уездных властей и разбирать эти жалобы в текущих объемах бюро жалоб при уездных отделениях было бы весьма затруднительно, в том числе, в силу отсутствия у работников должной квалификации [4, л. 15].

В связи с чем, коллегией, при учете данных причин, было принято решение наделить полномочиями по разбору обращений граждан только Бюро жалоб при губернском отделении контроля, разрешив ему привлекать и использовать силы уездных отделений контроля. В последних же организовать лишь прием граждан.

Кроме того, в своем докладе руководство Бюро жалоб отмечает, что столкнулось с попустительским отношением советских учреждений к запросам Бюро жалоб и законным требованиям в содействии. Был сделан вывод о том, что работникам Бюро жалоб придется затрачивать огромные усилия для достижения нормального хода работы, с одной стороны, чтобы заставить советские учреждения правильно понять и должным образом относиться к Бюро жалоб, а с другой – не меньших усилий будет стоить приучить советских граждан жаловаться правомерными способами и по существенным поводам.

Таким образом, при создании нового особого отдела по работе с заявлениями и жалобами Курское губернское отделение контроля на

первоначальном этапе столкнулось не только со сложностью взаимодействия с государственными учреждениями, но и с проблемами организационно-материального характера.

Создание особого отдела при Курском губернском отделении государственного контроля в виде Бюро жалоб сделало более доступным право защиты своих интересов для граждан. Нельзя не отметить, что жалоба стала взаимовыгодной формой взаимодействия государственного аппарата и населения, позволяющей первому отслеживать реакцию социальных низов на действия руководящей партии, а второму воздействовать на власть.

Несомненно, приведенные ранее доводы свидетельствуют о значимости, которая придавалось данному ведомству партийным руководством. Бюро жалоб, являясь единственным учреждением, способным разобраться в тех нарушениях, которые были так естественны для революционного времени, выступало гарантом помощи, укрепляющим авторитет советской власти.

Источники и литература

1. Декрет о Государственном Контроле. Утвержденный в заседании Всер. Цен. Исп. Комит. 2-го апреля 1919 г. // Известия ЦИК. 1919. 12 апр. № 79.
2. Постановление Народного Комиссариата Государственного Контроля. О Центральном Бюро жалоб и заявлений при Народном Комиссариате Государственного Контроля // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.
3. Постановление Народного Комиссариата Государственного Контроля. О местных отделениях Центрального Бюро Жалоб и Заявлений (Положение) // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 68.
5. ГАКО. Ф. Р-321. Оп. 1. Д. 147.

Н. В. Петров

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х гг. (ПО ИТОГАМ ВСЕСОЮЗНОЙ ГОРОДСКОЙ ПЕРЕПИСИ 1923 ГОДА)

Современный период развития Российской Федерации связан с масштабными изменениями в политической, социально-экономической сферах общества. В сложившихся условиях органам государственной власти и местного самоуправления необходимо постоянно искать пути и средства стабилизации социально-экономического сектора на общегосударственном и на региональном уровнях. Из сказанного следует,

что одним из методов разработки моделей развития субъекта Российской Федерации является обращение к историческому опыту периодам истории, в которых имела место динамичная трансформация основ экономики, государственного управления и структуры общества в целом.

Изучение состава социального населения городского населения позволяет оценить состояние различных направлений государственной политики: от демографии до экономических характеристик региона. Первая половина 1920-х гг. сопровождалась рядом важных для истории России событий: окончание Гражданской войны, образование СССР, а также Новая экономическая политика (далее – НЭП), которые существенным образом повлияли на изменение социального состава населения, в частности городского сообщества. Отражение процессов социальной трансформации структуры населения городов содержится в итогах проведения Всесоюзной городской переписи 1923 г. Об объеме проделанной работы по изучению населения городов Курской губернии свидетельствуют сроки ее завершения: работа была закончена к концу 1925 г., а опубликование итогов Курским губернским статистическим бюро произошло в 1927 г. из-за финансовых сложностей [1, с. 4].

Для обследования были выбраны 15 городов: Курск, Белгород, Грайворон, Дмитриев, Короча, Льгов, Новый Оскол, Обоянь, Путивль, Рыльск, Старый Оскол, Суджа, Тим, Фатеж, Щигры [1, с. 6].

Первым направлением в изучении социального состава населения городов Курской губернии стало исследование его социально-демографических характеристик, а именно полового и возрастного признаков. В отношении полового состава городского населения было установлено, что количество женщин превышало количество мужчин как в каждом губернском городе по отдельности, так и по Курской губернии в целом: 78 247 женщин против 67 104 мужчин. Численное превосходство женщин, наблюдавшееся и в период Всероссийской переписи 1920 г., можно объяснить проводившимися мобилизациями и потерями в ходе Гражданской войны как события непосредственно предшествовавшего проведению переписи 1923 г., а также потерями среди горожан Курской губернии, принимавших участие в Первой мировой войне как события, которое заложила тенденцию убыли мужского населения. В период с 1920 по 1923 г. был отмечен рост населения городов с 130 847 человек до 145 351 человека [1, с. 7]. Вместе с тем, увеличение мужского населения городов Курской губернии в процентном соотношении оказалось выше, чем рост женского населения: 18,25 % против 5,6 % [1, с. 6].

Самым населенным городом оказался губернский центр город – Курск. Среди факторов, влияющих на увеличение как мужского, так и женского населения при одновременном количественном превосходстве женщин, можно выделить следующие: окончание Гражданской войны, которое с одной стороны поспособствовало как естественному росту населения, так и механическому его росту в виде демобилизации мужского

населения. Переход от политики военного коммунизма к НЭП также способствовал улучшению жизни городского населения. Но в более ранних исследованиях нами отмечалось, что одним из элементов быта горожан в 1920-е гг. стало употребление алкоголя низкого качества (самогона с примесями) [2, с. 115]. Это негативным образом сказывалось на здоровье, поскольку имели место отравления, иногда с летальным исходом. Кроме того, употребление алкоголя приводило к совершению различных преступлений: от хулиганства до бытовых убийств [2, с. 115]. Из сказанного следует, что не только общесоюзные факторы в виде окончания Гражданской войны, введения НЭП влияли на численный и половой состав городского населения, но и факторы внутреннего характера, связанные с повседневной жизнью горожан.

Изучение возрастных признаков городского населения курскими статистиками во главе с Е. К. Введенским показало, что группа горожан от 10 до 19 лет стала самой многочисленной в структуре населения к 1923 г., на втором месте была представлена группа граждан от 0 до 10 лет. Эти данные дают основание полагать, что на такой результат повлияло увеличение безнадзорности из-за революционных событий 1917 г. и последовавшей Гражданской войны.

Н. Н. Билим отмечает, что по стране на возникновение беспризорности как причины преобладания среди городского населения детей и подростков оказали прямое влияние низкий уровень жизни, наличие безработицы [3, с. 13]. Е. С. Шахова установила, что голод в Поволжье также поспособствовал миграции детского населения в Курскую губернию, что объясняет массовость групп от 0 до 10 и от 10 до 19 лет в структуре городского населения [4, с. 15].

Продолжительность жизни среди женщин была выше, поскольку в группе от 60 лет и более их было в два раза больше, чем мужчин. Объяснить это можно следующим образом: мужчины были задействованы на более тяжелой работе; среди лиц, употребляющих алкоголь, их доля была выше.

Вторым направлением проведения Всесоюзной городской переписи 1923 г. стала оценка образовательного уровня горожан. Политика ликвидации безграмотности привела к росту числа грамотных в городском сообществе на 12 161 человек [1, с. 10]. Особенностью изменения числа людей, имеющих хотя бы минимальные знания, стал более интенсивный рост их числа в уездных городах по сравнению с губернским центром Курском [1, с. 10]. Статистики выделили следующие причины: рост числа неграмотных в Курске за счет прибывших на заработки в условиях начавшегося НЭПа из сельских местностей лиц, а также более слабой вовлеченности в процесс открытия школ I и II ступеней по сравнению с уездными городами [1, с. 11].

Третье направление изучения социального состава городского населения Курской губернии при проведении переписи – национальный

состав населения, который оказался весьма разнообразным: русские, украинцы, евреи, поляки, белоруссы, немцы, латыши, литовцы, цыгане, татары, армяне, эстонцы, австрийцы, чехи и греки [1, с. 15]. Самой многочисленной национальной группой стали русские 86,73 %, а среди 13,27 % других национальных групп преобладали украинцы 6,8 %, что связано с территориальной близостью Курской губернии к Украине и историческими особенностями заселения курского края [1, с. 15]. Выявленное курскими статистиками падение доли литовцев на 74,01 %, латышей на 41,48 %, белорусов на 39,34 %, а также поляков на 16,15 % в сравнении с переписью 1920 г. было связано с окончанием интервенции и Гражданской войны. Это позволило представителям указанных национальностей вернуться к местам своего постоянного жительства.

Четвертое и пятое направления работы статистиков отражала экономические процессы, происходившие в Курской губернии.

С одной стороны, в ходе городской переписи были изучены источники существования горожан старше 10 лет, поделенные на три группы: имеющие собственный заработок и живущие на собственные средства как самодеятельное население; безработные и живущие за счет других лиц несамодеятельные горожане [1, с. 16]. Последняя группа оказалась самой многочисленной как в Курске (48,56 %) от всего городского населения, так и в уездных городах Курской губернии (52,25 %), что свидетельствует о сложностях с занятостью городского населения. На них указывает и такой аспект метода учета самодеятельного населения, что оно отсчитывалось от возраста 10 лет, то есть несовершеннолетние были активно вовлечены в трудовой процесс. Количество безработных и несамодеятельных было несущественно выше в уездных городах по сравнению с Курском в связи с большим его промышленным потенциалом.

С другой стороны, был подробно показан род деятельности самодеятельного населения. Во Всесоюзной городской переписи 1923 г. используется формулировка «социальный состав населения», в которой раскрывает по сути один его признак – профессиональный состав населения [1, с. 17]. Здесь же курские статистики апеллировали к таким категориям как «социальная группа», «социальный класс», что демонстрировало построение общества нового типа. В него вошли следующие группы: рабочие, служащие, прислуга, хозяева с наемными и без наемных рабочих, прочие лица.

Закономерным стал рост в период с 1920 по 1923 г. числа рабочих в структуре городского населения. В связи с этим целесообразно обратиться к утверждению О. Н. Сутыриной: «к середине 1920-х слово “рабочий” перестало иметь профессиональное различие, получив классовый характер» [5, с. 15].

Однако в результатах Всесоюзной городской переписи 1923 г. социальная группа «рабочие» раскрывается именно через профессии,

среди которых самой многочисленной стала группа «прочие рабочие»: в городе Курске 2 473 человек, что составило 48,03 % от всей доли рабочих, а в уездных городах 2 641 человек, что составило 50,50 % от общего количества рабочих [1, с. 19]. В эту категорию вошли чернорабочие и поденщики.

Существенно меньшую долю составляли металлисты 1 219 человек (11,74 %), железнодорожники – 666 человек (6,42 %), строители – 537 человек (5,17 %), кожевники – 461 человек (4,44 %), швейники – 405 человек (3,9 %), пишевики – 397 человек (3,83 %), местнотранспортники – 375 человек (3,36 %), сельскохозяйственные рабочие – 312 человек (3,01 %) [1, с. 20]. Меньше 1 % среди рабочих горожан Курской губернии составляли 67 текстильщиков, 16 пищебумажников и 14 горнорабочих [1, с. 20]. Такие небольшие показатели на Курскую губернию, где общее число горожан к 1923 г. составило 145 351 человек, позволяет сделать вывод о низком уровне развития промышленности в период НЭПа. Но зафиксированный рост строителей на 57,02 % и рабочих силовых установок на 486,84 % говорил о постепенном восстановлении хозяйства после периода военного коммунизма с намерением обеспечить горожан жильем, острая нехватка которого наблюдалась все первое десятилетие советской власти [2, с. 116]. Сложные, а зачастую крайне тяжелые условия труда в рабочей среде обусловили констатацию Курским губернским статистическим бюро численного превосходства мужчин, за исключением текстильщиков и швейников [1, с. 20].

Среди служащих наблюдалась неоднозначная ситуация. В городской среде был высок процент делопроизводственного персонала – 25,315 % от жителей городов, принадлежащих классу служащих, в которую входили представителей самых различных сторон общественной жизни: просвещение, культура, образование, медицина. Причем все указанные профессии имели меньшее представительство в 1923 г. по сравнению с 1920 г.

Так, число делопроизводителей сократилось на 29,74 % ввиду сокращения ликвидации ряда учреждений и сокращений в оставшихся [1, с. 22]. В отношении представителей медицинских профессий сокращение среди городского населения связано с переводом врачей и санитаров в сельские местности в ущерб потребностям городов, где в первой половине 1920-х гг. периодически наблюдались вспышки инфекционных заболеваний [2, с. 115]. Как и в предыдущих случаях, сокращение культурно-просветительского сектора в профессиональном составе городского населения произошло из-за сужения школьной сети [1, с. 22]. В контексте продолжавшейся борьбы с неграмотностью населения это явление нельзя охарактеризовать положительно.

Общим для всех групп служащих, где произошло уменьшение числа представителей за счет женщин, которые чаще подвергались сокращению [1, с. 22].

Проведение НЭП положительно сказалось на росте среди служащих Курской губернии технического персонала, торговых служащих, хозяйственно-распределительного персонала, а также хозяев с наемными рабочими, которых стало возможным привлекать к осуществлению трудовой деятельности. Становление и дальнейшее укрепление институтов государственной власти обусловило увеличение служащих в категории «администрация и суд», «служащие по охране и безопасности» [1, с. 22].

В категории «прислуга» преимущественно были задействованы женщины, что соответствовало дореволюционной практике. Более всего прислуги были задействованы в трактирном промысле (62,27 %), личная прислуга составила 24,36 % от общего числа, а на предприятиях гигиены 13,87 % от числа всей прислуги [1, с. 23].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что проведение Всесоюзной городской переписи 1923 г. дает достаточно полную картину социального состава городского населения первой половины 1920-х гг. С помощью полученных сотрудниками Курского губернского статистического бюро данных можно оценить состояние экономики, медицины, образования в регионе и выявить факторы влияния на формирование и динамику отдельных социальных групп городского сообщества. Несомненно, среди главных факторов следует выделить Гражданскую войну, НЭП, территориальное положение Курской губернии. Новое общество переживало непростые времена становления, в которых первоочередной задачей стало восстановление хозяйства, а социальная сфера еще не была должным образом поддержана со стороны государства.

Источники и литература

1. Население городов Курской губернии по переписям 1920 и 1923 годов. Курск, 1927.
2. Петров Н.В. Факторы, влияющие на быт городских жителей Курской губернии в 1920-е гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 07–09 апреля 2022 года. СПб., 2022.
3. Билим Н.Н. Проблемы ликвидации беспризорности в СССР в 1920–1930 гг. (правовой аспект) // Общество и право. 2011. № 1(33).
4. Шахова Е.С. Становление и развитие государственной политики в области борьбы с безнадзорностью в 1917–1941 гг.: на материалах Курского края: автореферат дис. ... наук. Курск, 2008.
5. Сутырина О. Н. Социально-демографические трансформации в России в годы новой экономической политики // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2015. Т. 1. № 4(4).

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ПРОВЕДЕНИЕ, ИТОГИ

В декабре 1926 г. была проведена перепись населения, проживавшего на территории Советского государства. По счету это была третья всеобщая перепись населения, не считая ревизий, проводившихся до 1858 г.

Первая Всероссийская перепись состоялась в 1897 году 28 января. В 1920 г. была проведена вторая всеобщая перепись населения. Однако, проведенная в условиях гражданской войны, разрухи в промышленности, на транспорте перепись не дала полного представления о количестве населения. Часть территории не была охвачена переписью. В первую очередь это коснулось окраин.

За прошедшие 5 лет после переписи в стране произошли большие перемены: началось восстановление промышленных предприятий, в 1925 г. был принят «план индустриализации» страны, разрабатывались программы по ликвидации неграмотности. Демобилизация из Красной Армии, возвращение пленных солдат и отъезд бывших пленных иностранцев на родину – все это способствовало изменению картины распределения и состава населения в сравнении с 1920 г.

В 1923 г. состоялась перепись городского населения. Она охватила лишь небольшую (городскую) часть населения, при том что Россия в целом оставалась страной крестьянской. Насущная потребность в новых, уточненных данных о численности населения была очевидной.

Общий порядок проведения переписи был установлен в соответствии с постановлением ЦИК и СНК от 3 сентября 1926 года «О производстве в 1926 г. всесоюзной переписи населения» [1]. Днем переписи было названо 17 декабря. В городах перепись должна была закончиться 23 декабря, в сельской местности – 30 декабря [2, л. 120 об.]. К 1 февраля уже предполагалось получить предварительные итоги переписи населения по всей стране.

Проведение переписи на территории Курской губернии было поручено губернскому статистическому бюро, которое возглавлял Евгений Константинович Введенский, и уездным статотделениям.

Для успешного проведения переписи и получения объективных данных в первую очередь губернскому статбюро необходимо было составить исчерпывающие списки населенных пунктов губернии и списки домохозяев в городах и сельских населенных пунктах. С 1 октября 1926 г. по 1 марта 1927 г. запрещалось изменять границы административно-территориальных единиц. Это положение не коснулось территорий, входящих в состав волостей (районов). Списки в уездах были составлены к концу 1925 г., с июля по декабрь 1926 г. происходило их уточнение.

Помимо списков счетчики получили уточненные и выверенные схематические карты волостей и уездов.

Накануне предстоящей переписи была проведена широкая агитационная кампания: проходили публичные выступления, в местной периодической печати было опубликовано 14 статей о целях и задачах переписи, распространялись плакаты и листовки с обращением к населению всемирно содействовать проведению переписи.

К проведению переписи было привлечено 3 077 человек. Непосредственно в работе по опросу населения участвовало 2 779 человек. Преобладающую массу регистраторов составляли школьные работники (свыше 51 %), широко привлекались к опросу безработные, в городах к переписи разрешено было привлекать учащихся старших классов (14,4 %). Среди переписчиков преобладали лица со средним образованием (84,1 %) в возрасте от 20 до 29 лет (53,2 %), в основной массе – беспартийные (89,5 %) [3, с. 8].

Для счетчиков-регистраторов были установлены нормы заполнения листов: от 75 – в сельской местности (впоследствии эта норма была увеличена до 90) и 70 – в городах и поселках городского типа. В городах на каждого регистратора приходилось по 500 жителей, в сельской местности – 1 050.

Как и было установлено, перепись началась 17 декабря и закончилась в сельской местности 30–31 декабря, а в городах – 24–25 декабря. Незначительное опоздание в окончании переписи (2–3 дня) в сельской местности объяснялось приостановкой работ 22 декабря из-за сильной метели, а также празднованием населением 19 декабря «Николы зимнего» [3, с. 8].

Опрос населения проводился путем подворного обхода регистраторами всех хозяйств. В целом отношение населения к переписи было удовлетворительным. Случаи сознательного уклонения от дачи правильных сведений наблюдались лишь по вопросу о побочных промысловых занятиях, однако и на этот вопрос удавалось получить правдивые ответы, так как регистраторами были местные жители, хорошо знающие население и род его занятий. Отмечались и единичные случаи враждебного отношения к переписи в Белгородском уезде, когда по религиозным убеждениям 4 домохозяина отказались дать сведения [2, л. 120 об.]. Формулярные списки были составлены со слов соседей. За уклонение от дачи необходимых сведений были установлены штрафы: в Курске, уездных и заштатных городах до 100 рублей или 1 месяц принудительных работ, в остальных населенных пунктах – до 10 рублей штрафа или 2 недели принудительных работ.

Что же выявилось в результате переписи?

По предварительным итогам, опубликованным в 1927 г., общая численность населения семи уездов Курской губернии составила 2 903 707 человек обоего пола [3, с. 11]. Первое место по численности

населения занимал Курский уезд (22,8 % от общего количества жители по губернии), за ним следовали Белгородский (19,4 %) и Львовский (14,3 %) уезды [3, с. 11]. Сопоставив полученные данные с переписью 1920 г., можно увидеть, что численность населения увеличилась на 15,1 %. Заметно увеличилось количество мужчин (на 20,3 %) [3, с. 12]. Это было обусловлено возвращением после 1920 г. к месту своего жительства демобилизованных красноармейцев.

Плотность населения составила 67,5 человек на 1 км². Наиболее плотно были населены уезды, пограничные с УССР: Грайворонский (81,9), Рыльский (75,0), Белгородский (71,9); менее населенными были районы, граничащие с Воронежской и Орловской губерниями: Щигровский (56,4), Львовский (59,0), Старо-Оскольский (60,5) [3, с. 14].

Перепись показала, что Курская губерния, по-прежнему, остается крестьянской губернией – на долю городского населения пришлось чуть более 9 % населения [3, с. 16]. Это, несмотря на то, что по сравнению с данными 1920 и 1923 гг. численность городского населения увеличилась в общей сложности на 12,8 %.

В ходе переписи выяснилось, что женское население имело перевес над мужским. В процентном соотношении это выглядело как 52,0 % к 48,0 % в сельской местности и 46,7 % к 53,3 % в городах [3, с. 17].

Среди документов губстатбюро, хранящихся в архиве, сохранились анкеты, составленные на долгожителей, то есть на лиц, возраст которых достиг 100 и более лет [4, л. 170, 186, 211, 263, 275]. Долгожители, помимо общих сведений о Ф.И.О., месте жительства, возрасте, социальном происхождении, роде занятий, должны были ответить на вопросы о семейном положении, количестве детей, и о состоянии здоровья. Даже при беглом просмотре этих документов можно составить типовой портрет курян-долгожителей: это крестьяне (в прошлом – крепостные или государственные), семейные, в браке состояли один раз, многодетные, неграмотные, никакими болезнями в тяжелой форме не болели. Вот некоторые из них: *Сидачёв Емельян Васильевич*, 117 лет, житель д. Першино Дмитриевской волости, был крепостным, занимался сельским хозяйством, состоял в браке 1 раз в течение 92 лет, имел 10 детей, болезней в тяжелой форме не переносил, в н.в. состояние здоровья – удовлетворительное. *Малахова Мария Агеевна*, 102 года, из села Виногробль Долговской вол., неграмотная, была крепостной, в н.в. – вдова, состояла в браке 1 раз, имела 18 детей, в живых в н.в. – 4 чел., болела 1 раз тифом. *Тарасова Аксинья Васильевна*, 100 лет, уроженка д. Ржава Фатежской волости, 10 лет была крепостной, в замужестве состояла 70 лет, имела 13 детей.

В список долгожителей Суджанской волости было внесено 11 человек [4, л. 263], среди них: *Буханцева Матрена Федоровна*, житель с. Черкасская Конопелька, 110 лет, неграмотная крестьянка, бывшая крепостная, вдова, была 2 раза в браке по 30 лет, имела 9 детей. На момент

переписи в живых были дочери 48 лет, 55 лет, сын 78 лет. *Руднева Мария Фатеевна*, житель г. Суджа, 106 лет, неграмотная, крестьянка дворовая, вдова, в браке состояла 35 лет, было 6 детей, в живых сын 78 лет и дочери 70 и 55 лет, серьезных болезней не было, слух и зрение хорошие, общее состояние бодрое, недавно начала ходить с палочкой – «ноги побаливают» [4, л. 263].

Много интересных сведений можно узнать из опросных листов и анкет. Эти документы еще ждут своих исследователей.

Источники и литература

1. Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. № 59. 18 сент.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-327. Оп. 7. Д. 239.
3. Предварительные итоги переписи по Курской губернии. Курск, 1927.
4. ГАКО. Ф. Р-327. Оп. 7. Д. 223.

А. И. Чубаров

КУРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ГЛАЗАМИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ 1930-х гг.

В преддверии 120-летия Курского областного краеведческого музея нас стало интересно узнать мнение посетителей о музейной экспозиции, его работниках и т. д. Одни из первых сохранившихся книг отзывов, сохранившихся в Государственном архиве Курской области, датированы 1930-и гг., благодаря им мы можем увидеть музея глазами обывателей предвоенного времени.

Самое популярное замечание относится к отсутствию отопления. Одна из первых записей, посвященных этому, сделана в середине декабря 1931 г.: «Почему нет отопления» [1, л. 7 об.]. Красноармеец А. Байбиков написал: «Топить нужно, товарищи. Холодно» [1, л. 8 об.], «В курском музее очень холодно» [1, л. 8 об.], «Холодно» [1, л. 16] и т. д. Некоторые отзывы сочетают положительное впечатление от посещения музея с негативом: «Музей очень хорош и много в нем картин первобытного человека, но холодно» [1, л. 13]; «Помещения чисты, порядок есть, но холодно» [1, л. 14]; «Музей очень хороший, но очень холодно, а летом очень жарко» [1, л. 15 об.]; «Музей хорошо, но так холодно, что в эту тетрадь трудно писать свои пожелания, т. к. замерзли руки, а также приходится быстро идти домой, т. к. замерзли ноги» [1, л. 60]; «В итоге музей дал хорошее впечатление, но дирекция не заботится об отоплении музея. Холод ужасный! Ноги замерзли, а о руках и говорить нечего. Просим дирекцию позаботиться о посетителях» [1, л. 150 об.]; «Краеведческий музей интересен не только для Курска. Значение

экспонатов, выставленных здесь представляет интерес для всей области. Плохо, что не отапливается музей (как отражается низкая температура на экспонатах?). Писать холодно. Необходим путеводитель» [1, л. 41]; «Нам очень все понравилось, но очень холодно и еще очень большие кости мамонта. Мы хотели их поднять и не удалось» [1, л. 59 об.], «Музей весь хороший, но очень большой холод, из-за этого не интересно смотреть и ходить по комнатам» [1, л. 61], «Безобразно холодно. Нужно истопить утром, дабы мы не замерзли. Трудно писать, пальцы отеки» [2, л. 1].

Часть посетителей с юмором подходят к описанию собственных впечатлений о не отапливаемых музейных помещениях: «Товарищи нужно топить!!! Что ж вы хотите публику заморозить???» [2, л. 9 об.], «... холодно, у меня даже сопли из носа потекли. Надо топить» [2, л. 10], «Вообщем холодно, хоть штаны скидуй» [2, л. 14], «Замечаем мы вам хорошие экспонаты, только вы не относитесь к нам как к провинившимся солдатам. И еще замечание вам постарайтесь протопить печку так, чтобы каждому зрителю был не противен ваш музей» [2, л. 60 об.].

Отсутствие должного отопления в музее объясняется несколькими причинами. Во-первых, согласно сохранившимся докладным запискам, ОблОНО, которому подчинялся музей, регулярно задерживало перечисление денежных средств. Так, в докладной записке от декабря 1938 г. руководство музея доводит до сведения облисполкома о более чем двухмесячной задержке в переводе денежных средств на счет музея. Это привело к образованию задолженности по коммунальным платежам, заработной плате сотрудникам и невозможности покупки необходимого топлива [3, л. 14]. Второй важной причиной того, что музей в холодное время года либо не отапливался вообще, либо не дотапливался, были сложности с приобретением дров и угля. Отопление торфом для музейных помещений категорически не подходило. Чтобы решить данную проблему руководство музея неоднократно поднимало вопрос о перестройке всей системы отопления – переходе от печей-голландок к централизованной системе. Ежегодно директор музея ставил модернизацию отопительной системы в смету, а руководство ОблОНО – ее вычеркивало [4, л. 79]. Со временем администрации удалось решить проблему с отоплением и жалобы на холод в экспозиции прекратились.

Вторым по популярности замечанием было отсутствие пояснительных записок, этикеток к некоторым музейным предметам: «Экспонатов достаточно, только не хватает объяснений под экспонатами, а поэтому предлагаю вывесить объяснения» [1, л. 47 об.]; «Музей очень хорош. Главный недостаток – отсутствие руководителя и ... пояснительного слова лектора» [1, л. 67]; «очень понравилась деревянная изба и всякая посуда XIX и XVIII века... советуем объяснять, а то не понятно» [1, л. 61]; «Музей хорош, но некоторые стороны за отсутствием надписей и всяких пояснений не понятны. Надо этот недостаток устранить» [1, л. 67 об.]; «Вообще музей довольно посредственный. На

картинах нет подписей. Нужно поставить стулья без плакатов «не садиться», т. к. путешествовать по музею приходится 2–3 часа, за это время даже у здорового человека могут заболеть ноги. А если зайдет человек преклонных лет, то приходится садиться на подоконниках» [60, л. 110 об.]. «Мы пионеры отряда им. Долорес шк. № 4 г. Курска посетили музей. Прошли все отделы. Большое впечатление на нас произвел отдел “Социалистического строительства”. Плохо, что нам не дали лектора. Для нас не все было понятно. В другой раз дирекции музея учесть и нам учащимся – молодому поколению, будущим строителям коммунизма, нужно все разъяснять» [2, л. 2]; «Мое пожелание музею, чтобы были экскурсоводы» [2, л. 33 об.]; «Музей имеет много ценного материала, но без экскурсоводов теряется всякое впечатление» [2, л. 34].

Отреагировать на данные замечания было нелегко, во-первых, основную массу посетителей составляли одиночки, которым экскурсии не проводились, во-вторых штат научных сотрудников музея был немногочисленен, всего 13 человек, а на их плечи был возложен значительный объем работ: проведение археологических экспедиций, учет и охрана памятников истории и культуры, пополнение фондов, просветительская деятельность и методическая работа, связанная с оказанием помощи районным музеям.

Очень интересно замечание, оставленное одним из посетителей: «Где же экспонаты, в которых находились деньги и все денежные знаки от древних веков до настоящего. В 192... [последнюю цифру прочесть не удалось. – А.Ч.] было все это» [1, л. 48 об.]. Стоит отметить, что краеведческий музей г. Курска обладал внушительной нумизматической коллекцией, в пополнении которой в разное время принимали участие нумизматы А. Н. Кобылин, председатель Курской губернской ученой архивной комиссии, А. А. Кондауров, член комиссии и Т. А. Горохов, торговец антиквариатом, один из членов-учредителей Московского нумизматического общества.

По инициативе Народного комиссариата просвещения была подготовлена «Инструкция музеям по реализации нумизматических фондов», утвержденная 27 июля 1930 г. В ней говорилось: «Ввиду перестройки большинства музеев на строго краеведческой основе отпадает необходимость сохранения нумизматических коллекций, имеющих лишь общее значение», их предлагалось «изъять без ущерба для музейного строительства» [5, л. 17]. Согласно данной инструкции, подавляющее большинство региональных музеев обязывались в месячный срок предоставить в Государственный исторический музей (ГИМ) списки выявленного к данному времени инструкции нумизматического материала (монет и наград) и направить их Москву. Всего в ГИМ из Курского краеведческого музея было отправлено 36 505 «серебряных и медных медалей, знаков и монет» [5, л. 53].

В книге отзывов есть замечания, относящиеся к исполнению техническим персоналом своих обязанностей: «Почему не сметается пыль с разных вещей?» [1, л. 54 об.], «Нам музей очень понравился, но только на экспонатах слишком много пыли. Нужно привести все в порядок» [1, л. 108]. Очень много замечаний связано с тем, что «нет крупного огнестрельного оружия» [1, л. 61 об.].

Тем не менее, несмотря на указанные замечания, большинство посетителей оставались довольны: «Нам нравится в музее. Школа глухонемых» [1, л. 62 об.]; «Музей дает большую теоретическую подготовку школьнику по истории» [1, л. 61 об.]; «Музей хороший, но долго не дают смотреть – очень сердитые» [1, л. 79 об.]; «Понравилось, получил большое удовольствие» [1, л. 83 об.]; «В музее очень много хорошего материала для нас учеников. Музей произвел очень хорошее впечатление. Ученики школы № 4» [1, л. 96]; «Очень понравилась собака дог [имеется ввиду картина Н. Е. Сверчкова “Дог”. – А. Ч.]» [1, л. 117]; «В общей музей понравился. Но плохо, что нет истории Курска (такой, чтобы она была показана от момента его основания до наших дней) [1, л. 117]; «Ваш музей мне очень понравился, но только маленький живой уголок» [1, л. 138 об.]; «В своей экскурсии в музей больше всего мне понравился медведь Тобик в живом уголке» [2, л. 7].

Забавно одно из замечаний, датированное 3 апреля 1938 г.: «Постарайтесь подточить карандаш» [2, л. 8 об.]. Большинство записей в книгах отзывов сделано простым карандашом.

Крайне интересна одна неоконченная запись: «Хотел стырить одну...» [1, л. 106 об.]. Возможно, что окончить запись в книге отзывов несостоявшемуся воришке кто-то помешал.

Таким образом, благодаря изучению сохранившихся книг отзывов мы имеем возможность узнать не только о недостатках, имевшихся в работе краеведческого музея, но и позволяет нам узнать, как изменялись экспозиционные залы, отношение персонала к посетителям и даже кличку медведя, жившего в живом уголке музея в довоенный период.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 60.
2. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 150.
3. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 166.
4. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 206.
5. ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 57.

ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

Проблема исследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях СССР лишь недавно вошла в актуальное поле отечественной исторической науки. Интерес к данной проблематике во многом возник как ответ на ревизионистскую политику ряда европейских стран в отношении интерпретации событий Второй мировой и Великой Отечественной войн. Помимо отождествления фашистского и коммунистического режимов как идентичных по своей членоконенавистнической природе [1, с. 77–86] в европейской историографии имеется еще одно весьма опасное идеологическое клише, которое в настоящее время приобрело весьма актуальные, если не популярный характер. В общих чертах его можно сформулировать следующим образом: политика нацистского геноцида распространялась только в отношении определенных народов (евреев, цыган, сербов) [2, с. 132–140].

Данное заблуждение во многом является основой для концепции «распространения цивилизации» [3, с. 24–47], в рамках которых действия немецкой армии и войск ее союзников на Восточном фронте рассматриваются некоторыми авторами как попытки европейской цивилизации «окультурить» варварский славянский восток.

К сожалению, данная теория находит своих приверженцев и среди отечественных историков [4, с. 13–16], которые, по нашему глубокому убеждению, либо весьма поверхностно знакомы, либо совершенно не работали с массивом исторических источников, посвященных деятельности «европейских просветителей» на оккупированных советских территориях. В настоящее время ознакомиться с ними можно не выходя из дома из любой точки мира. На официальном сайте Федерального архивного агентства Российской Федерации размещен федеральный архивный проект «Преступление нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в рамках которого федеральными, региональными и ведомственными архивами производилось копирование архивных документов, освещавших вопросы отношения немецких войск к местному населению. Даже поверхностное знакомство с этими документами заставляет переосмыслить многие вещи, не говоря уже о полном погружении в проблему.

В настоящей работе мы постараемся осветить лишь некоторые сюжеты нацистской карательной политики по отношению к местному населению северных районов Курской области в период их оккупации с

октября 1941 г. по август 1943 г. К этим районам относились Хомутовский, Дмитриевский, Михайловский, Верхнелюбазский, Поныровский, Дмитровский, Троснянский, Глазуновский и Малоархангельский. Четыре последних в настоящее время входят в состав Орловской области, а в целом их положение имеет определенную специфику по отношению к прочим районам региона.

Во-первых, в северо-восточных районах – Хомутовском, Дмитриевском, Михайловском и Дмитровском – наиболее активно действовало партизанское движение.

Во-вторых, на территории северных районов – Верхнелюбазского, Поныровского, Троснянского, Глазуновского и Малоархангельского – летом 1943 г. развернулись наиболее ожесточенные бои на северном фланге Курской дуги.

Два этих обстоятельства определили некоторую специфику отношения немецко-фашистских захватчиков и их пособников к мирному населению этих территорий.

Отметим, что нацистский террор на подконтрольных немцам и их союзникам территориях буквально с первых дней оккупации стал явлением повседневным. Фашисты и их прислужники стремились как можно сильнее запугать население, а также расправиться с оставшимися в тылу советскими активистами, партийцами и прочими идеологическими противниками. Во многом поэтому в Дмитриевском районе первыми были расстреляны секретарь парторганизации Поповкинского сельсовета А. М. Никонов, его брат Н. М. Никонов, председатель того же сельсовета А. П. Татаренков и секретарь комсомольской организации этого же сельсовета Е. С. Демченко [6, л. 17].

Однако, отметим, что единичные казни хоть и происходили с достаточной регулярностью, но не оказывали серьезного воздействия на широкие массы населения. Куда более устрашающими и показательными были карательные операции. Наибольшее распространение, исходя из изученных нами материалов, они получили в тех районах, где партизанское движение было наиболее активным: Дмитриевский, Дмитровский, Михайловский, Хомутовский.

Активное использование карательных операций со стороны оккупационного командования как механизма противодействия помощи местных жителей партизанскому движению в курском регионе началось уже зимой 1942 г. Одной из первых была операция, проведенная 19 февраля 1942 г. в селе Фатеевка Дмитриевского района, где фашисты расстреляли 19 мирных жителей, преимущественно юношей и стариков, а уже 3–4 марта тот же карательный отряд осуществил аналогичную акцию против населения Неварьского и Чемеркского сельсоветов того же района, где убили 65 и 27 человек соответственно [6, л. 17, 36]. В первых числах марта фашисты провели операцию против мирных жителей села Поды Хомутовского района, где за два дня были убиты и замучены до смерти

25 мирных жителей [7]. Естественно, информация об этих мероприятиях максимально быстро распространялась среди местных как по официальным, так и неофициальным каналам связи. И определенные результаты эти акции приносили, но они имели двоякий характер. С одной стороны, население было серьезно запугано. С другой – появлялись стимулы усиливать борьбу против врага, что, в итоге, чаще всего было ответом на действия оккупантов.

Тем не менее, карательные операции на территории северных районов Курской области весной – летом 1942 г. носили систематический характер. Так, в июне 1942 г. состоялась карательная экспедиция в Поныровском районе. В ходе операции фашисты повесили заведующую одной из школ района М. С. Новикову, затем убили и повесили тело бывшего председателя колхоза имени Ленина Ивана Федосеевича (фамилия неизвестна). При этом за казнями наблюдали местные жители, а их трупы в течение нескольких дней не давали хоронить [8, с. 145].

В середине июля 1942 г. состоялась первая масштабная карательная операция в Михайловском районе. Карателями был проведен налет на поселок Чистов, где по данным их разведки находились партизаны. Основная часть жителей успели уйти, в самом же поселке оставались только глубокие старики и больные люди, которые не имели возможности уйти. Фашисты поджигали дома и постройки вместе с людьми. В ходе операции ими были уничтожены 31 человек [9, л. 114а – 114а об.].

Однако масштаб карательных экспедиций зимы – лета 1942 г. ни в какой мере нельзя сравниваться с акциями устрашения осени того же года, когда партизанское движение активизировалось в связи с проведением немецкого наступления на Сталинград. Так, только за период с 13 по 25 октября на территории Михайловского района немецкое командование провело следующие карательные вылазки:

- уничтожение деревни Рясник и 39-и ее жителей;
- уничтожение поселка Погорелого вместе со всеми мирными жителями за исключением одной женщины;
- уничтожение поселка Медового;
- уничтожение села Макаровки, в ходе которого каратели заживо сожгли 8 человек и еще 18 были убиты.

Кроме того, в течение этих же дней фашисты сожгли село Веретенино и поселки Опека и Боец, однако местным жителям по большей части удалось спастись [8, с. 95–96].

Сохранилось подробное описание карательной операции в Веретенино. 15 октября 1942 г. в село приехали немцы. Вместе с ними прибыли бургомистр из слободы Михайловки Козлов, сотрудник полиции Щеголев, немецкий служащий Дитман и др. Было приказано окружить село со всех сторон, чтобы никто не имел возможности его покинуть, население же согнали в центральную его часть. Убивали людей группами по четыре человека, которых отбирали и отводили в окрестности

населенного пункта, где расстреливали. К вечеру того же дня в живых остались только женщины, которых согнали в один сарай и выпустили только через два дня. Всего в тот день фашистами были убиты 96 человек, и одна женщина сгорела заживо в своем доме, когда немцы подожгли село [9, л. 137–137 об.].

Примерно в те же дни, точные даты карательной операции неизвестны, фашисты уничтожили и поселок Холстинки того же района: из 149-и его жителей смогли выжить только двое – 16-летняя Нина Марычева и А. О. Боев [10].

Кроме того, в ходе карательных операций только за октябрь 1942 г. в Дмитровском районе были полностью уничтожены пять населенных пунктов вместе со всем их населением, точное количество которого так и не удалось восстановить [8, с. 94–95].

Проведением подобных карательных кампаний во многом объясняются огромные людские потери среди мирного населения этих районов по отношению к потерям в других районах региона. К примеру, за месяцы оккупации в Дмитриевском районе были убиты свыше двух тысяч человек [6, л. 18]. В дни работы Дмитриевской районной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников в районе (март – август 1943 г.) только около райцентра было обнаружено 16 ям с 1–3 трупами в каждой, в одной из них находились останки сразу 19-и человек. Кроме того, также обнаружили траншею длиной 9 метров, заваленную трупами [6, л. 35]. Аналогичная картина была и в соседнем Михайловском районе, где за время оккупации каратели уничтожили 624 мирных жителя, из которых 125 – дети [11, л. 3].

При этом необходимо отметить, что изучаемые нами в настоящей работе оккупированные районы по-разному столкнулись с немецкой карательной машиной. Так, в мае 1942 г. в селе Турьи Малослободского сельсовета Троснянского района состоялась массовая казнь, в ходе которой были повешены девять человек. Организовал ее комендант Лопухинской комендатуры немец Курт Клецер. Сама казнь осуществлялась мадьярскими войсками, базировавшимися в Турьях [12, л. 8]. Помимо них в районе также были повешены два человека в селе Тросны и еще 36 человек расстреляны за весь период оккупации. Все расстрелы организовали местные старосты и старшины. Особенно отличились староста Г. И. Анпилогов, старшина А. Юханов, начальник районной полиции С. В. Коронов [12, л. 8–9 об.].

В Верхнелюбавском районе Курской области в течение всего периода оккупации массовых казней мирных жителей не было, однако относительно нередкими были единичные показательные убийства, преследовавшие цель устрашения местных жителей. Так, в марте 1942 г. полицейскими И. Я. Чаплыгиным и Е. Ф. Лукьянчиковым был арестован, а затем повешен 20-летний А. И. Гнездилов. При этом коллаборационисты устроили из казни настоящее «представление»: специально была

подобрана непрочная веревка, которая несколько раз рвалась на шее несчастного, когда из-под его ног выбивали опору. На третий раз не выдержал сухой сук березы, на котором его пытались повесить. А. И. Гнездилов умер только с пятого раза, когда каратели сами подвесили его к дереву. После завершения экзекуции тело не разрешали хоронить еще 12 дней. 9 января 1943 г. полевыми жандармами был расстрелян 56-летний житель села Игино В. М. Гнездилов. Его казнили за то, что из-за проблем со здоровьем он не мог выполнять трудовую повинность [13, л. 67].

В общей сложности в Верхнелюбажском районе за время оккупации немцы и их пособники повесили и расстреляли 47 мирных жителей. Особую жестокость оккупанты проявили к семье местного еврея А. О. Мехлиса (он, жена и трехлетняя внучка), над которыми долгое время издевались (Абрама Осиповича заставили брить себе голову, при этом били по бритве, а после окончания «процедуры» вырезали крест на голове) и только потом расстреляли. За то, что помешал увести свою корову, неизвестный немецкий офицер расстрелял Д. В. Понарина, которого вначале ударил прикладом в висок и только потом застрелил. Однако основные убийства мирных жителей района были организованы фашистами в период отступления, то есть в январе – феврале 1943 г. Немцы и их союзники забрасывали гранатами погреба и подвалы, куда прятались в надежде спастись местные жители. В основном гибли женщины, дети и старики. Только в одном колхозе имени Кагановича Верхнелюбажского района от подобных действий погибли шесть детей в возрасте от четырех до одиннадцати лет [13, л. 7–8]. Всего за время немецкого отступления в районе погибли десять детей [13, л. 62].

Похожая картина наблюдалась и в Глазуновском районе. Как свидетельствовала Р. Горлина, жительница поселка Орлова Дача, в марте 1943 г. немцы начали массово угонять трудоспособных местных жителей в Германию. Ее брат, 16-летний А. Горлин, и двое его друзей, 18-летний В. Кривцов и 17-летний Д. Ковалев, спрятались в подвал дома. Обнаружив их, немецкие солдаты забросили несколько гранат в подвал, а после подожгли и сам дом. Все трое сгорели заживо. Отца А. Горлина, А. И. Горлина за поведение сына каратели также убили [14, л. 21 об. – 22; 15, с. 259].

Массовый угон людей в неволю продолжался вплоть до самого освобождения района в конце июля 1943 г. Житель поселка Глазуновка Ф. А. Петрикин вспоминал, что 24 и 25 июля 1943 г. по распоряжению немецкого коменданта солдаты угоняли все население, оставшееся в районе. Тех, кто не мог идти, они убивали на месте. Также поступали и с теми, кто уставал в дороге и просил отдыха. Уводили людей на север, в район города Кромы Орловской области, где фашисты организовали концлагерь. По сути это было открытое поле, обнесенное колючей проволокой, где собрали свыше тысячи человек. 5 августа 1943 г. над

лагерем стал летать самолет и сбрасывать на находившихся в нем людей бомбы. Немецкие охранники, среди которых было много коллаборационистов, пытались убедить выживших, что сбрасывал бомбы советский самолет, но свидетели отчетливо видели на крыльях немецкие кресты. Угоняя людей, каратели делали все, чтобы возможности вернуться назад у них не было, в частности, они массово сжигали целые населенные пункты, иногда даже с местными жителями. Так были уничтожены деревни Хитрово, Васильевка, Александровка, Похвальное, Глазуново, Красная Слободка, Сабурово [14, л. 22–22 об.]. Всего же были полностью или частично уничтожены 42 населенных пункта [15, с. 266].

При этом в соседнем Малоархангельском районе за время оккупации фашисты загубили 110 человек по двенадцати сельсоветам, из которых большая часть были расстреляны в Ворошиловском (34 человека), Подгородненском (15 человек) и Ивановском (11 человек) сельсоветах [16, л. 55]. При этом, к примеру, в Подгородненском сельсовете из 15-и расстрелянных семеро были членами одной семьи Поляковых, где помимо взрослых расстреляли четверых детей 12-и, 9-и, 3-х лет и 3-х месяцев [16, л. 15–15 об.]. Всего же в районе за период оккупации были расстреляны, повешены и сожжены заживо 266 человек. Основная масса убийств происходила в урочище Мурашиха [15, с. 179].

Как мы можем видеть, исходя из изученных документов, массовые карательные операции преобладали в районах, где активно действовали партизаны, в то время как единичные казни были в большей степени характерны для северных районов. Однако, стоит заключить, сами убийства значительного числа мирных граждан Советского Союза, оставшихся проживать на оккупированных противником территориях, носили не случайный, а системный характер, особенно в ходе проведения карательных операций. Данные действия трудно определить как «распространение цивилизации», скорее это сознательное уничтожение людей, что в полной мере подпадает под определение «геноцида».

Источники и литература

1. Шелюто В.М. Отождествление тоталитарных идеологий как способ фальсификации истории // Культура и цивилизация. 2017. № 1 (5). С.77–86.
2. Самуэльсон Л. О понятии «геноцид» в современной западной историографии // Российская история. 2019. № 3. С. 132–140.
3. Терин Д.Ф. «Цивилизация» против «варварства»: к историографии идеи европейской уникальности // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 24–47.
4. Мельтюхов М. Миф о «превентивной» войне // Родина. 2010. № 5. С. 13–16.
5. Федеральный архивный проект «Преступление нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [Электронный ресурс] // URL: <https://victims.rusarchives.ru/> (дата обращения: 17.08.2022).
6. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 251.
7. Курская правда. 1944. 29 февр.

8. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область: Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. В. В. Раков; отв. сост. О. Н. Аргунов; авт. науч. ст. С. А. Никифоров; авт. археогр. предисл. О. Н. Аргунов, Л. С. Ласочко. М., 2020.
9. ГАКО. Ф. Р-3934. Оп. 3. Д. 1.
10. Курская правда. 1943. 18 авг.
11. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 274.
12. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 296.
13. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 243.
14. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 246.
15. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: Сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; отв. ред. Ю. В. Апарина; сост. Л. М. Кондакова (отв. сост.), Ю. В. Апарина, А. А. Ветошко, С. Н. Воробьева, О. С. Пантелеева. М., 2020.
16. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 268.

Н. Г. Кононов

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ КУРСКОЙ КОММУНАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ – ЦЭС (1943–1945 гг.)

В связи с освобождением Курской области от немецких оккупантов (Курск был освобожден 8 февраля 1943 г.) в качестве первоочередной задачи партийных и советских органов области выдвинулась задача восстановления разрушенного до основания народного хозяйства. Ее успешное решение не могло осуществиться без восстановления электрических станций, призванных дать электроэнергию возрождающимся предприятиям, населению городов и рабочих поселков области.

В курских архивах мы найдем самые различные сведения о количестве электростанций в Курской области накануне Великой Отечественной войны. В соответствии с данными паспорта Курской области в 1940 г. в крае насчитывалось 138 самостоятельных электрических станций, в том числе 18 электростанций Наркомата Коммунального хозяйства РСФСР (НККХ). Их мощность на конец года составляла соответственно 10 209 кВт/час и 8 134 кВт/час (далее – кВт). Кроме указанных электростанций, крупные предприятия области имели 294 силовые установки мощностью 22 446 кВт и мелкие предприятия – 41 силовую установку общей мощностью 567 кВт [1, л. 6].

В период немецкой оккупации Курской области все электростанции были или полностью, или частично разрушены. Естественно, значительно уменьшилась и их мощность. Мощность всех коммунальных

электростанций после освобождения области составляла только 3 615 кВт [2, л. 234].

Как сказано выше, накануне войны в Курской области было 18 коммунальных электростанций. С отходом в июле 1944 г. 4-х районов, до этого входивших в состав Курской области, к Орловской области, общее количество электростанций составила 14 единиц с установленной мощностью 7 912 кВт. Коммунальные электростанции были во всех городах области, кроме города Шебекино.

Среди коммунальных электростанций области самой крупной была Курская центральная электростанция (ЦЭС), которая вступила в эксплуатацию в 1934 г. До войны ее мощность составляла 5 500 кВт. Она имела 2 турбогенератора: турбину № 3 мощностью 3 000 кВт и турбину № 1 мощностью 2 500 кВт, 3 двигателя динамо-машин в 500 кВт, а всего мощностью 6 000 кВт. Имелось также 4 котла поверхностного нагрева по 400 м² каждый.

В период немецкой оккупации полностью была разрушена дизельная станция мощностью 500 кВт, механическая мастерская, трансформаторная мастерская, депо мотовозов с подвижным составом, 2-этажное здание конторы, взорваны материальные склады с материальными ценностями и оборудованием, демонтирован и увезен немцами турбогенератор мощностью 2 500 кВт и т. п. Общий ущерб, нанесенный энергосистеме города, исчислялся в 5500 тыс. рублей, в том числе Курской ЦЭС – в 3 810 495 рублей [3, л. 1; 5, л. 1–2]. Мощность электростанции на 15 февраля 1943 г. составляла 3 000 кВт. Но ее надо было еще восстановить. Немцами была завезена турбина мощностью 2 500 кВт, по которой начат монтаж работы в 1943 г. и проведен, из-за отсутствия чертежей, только на 1 января 1944 г. на 50 %.

Протяженность высоковольтной сети составляла 17,825 км, низковольтной – 117 км, кабельной высоковольтной – 6,362 км. Все это также необходимо было восстанавливать [4, л. 21].

С освобождением 8 февраля 1943 г. города Курска от немецко-фашистских оккупантов трудовой коллектив электростанции сразу же приступил к ее восстановлению. Уже 12 февраля 1943 г., то есть на 4-й день после освобождения Курска, станция была запущена. Мощность ее пущенной турбины составляла 1 000 кВт при наличии мощности в 3 000 кВт [5, л. 60]. 13 февраля 1943 г. она уже дала ток [6, с. 589]. Электроэнергия поставлялась воинским частям. Топлива на электростанции не было. Работа ее началась на тех запасах угля, которые имелись у некоторых организаций города [4, л. 21].

Для восстановления Курской ЦЭС решением исполкома Курского городского Совета депутатов трудящихся на базе Курской электростанции и электрических сетей города Курска организовали Курский трест «Энергоснабжения». Управляющий трестом был назначен Георгий Степанович Карый.

1 марта 1943 г. Курский облисполком рассмотрел вопрос «О первоочередных мероприятиях по восстановлению коммунального хозяйства и социально-культурных учреждений». Для проведения неотложных мероприятий по восстановлению хозяйства облсовет потребовал обеспечить городскую электростанцию топливом за счет внутренних ресурсов [7, л. 21].

В соответствии с постановлением СНК СССР от 19 мая 1943 г. за № 554 «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства гор. Курска и Курской области» Наркомхоз РСФСР и Курский облисполком обязывались провести в 1943 г. работы по восстановлению Курской городской коммунальной электростанции и установке турбогенератора мощностью 2 500 кВт. XVII сессия Курского горсовета 11 июня 1943 г. предложила, наряду с восстановлением турбогенератора мощностью 2 500 кВт, восстановить в III-м квартале и дизель мощностью 200 лошадиных сил [6, с. 195–196, 199].

В 1943 г. на восстановление электростанций Курской области направлялось 1 209,4 тыс. рублей, в том числе Курской ЦЭС – 620 тыс. рублей. На эти средства планировалось восстановить мощность станции на 3 000 кВт [8, л. 85, 193].

Из-за отсутствия кадров, необходимых материалов и запасных частей восстановительные работы на Курской электростанции продвигались медленно: восстановлено 3 котла, в ноябре 1943 г. планировалось установить 4-й котел. На 1 ноября станция уже выработала 3 383,8 тыс. кВт электроэнергии. Максимальная нагрузка станции не превышала пока 1,3 тыс. кВт, то есть мощность турбины в 3 000 кВт, восстановленной в I-м квартале 1943 г., использовалась менее чем на 50 % [8, л. 193; 9, л. 32].

В ноябре 1943 г. Курский обком ВКП(б) обследовал процесс восстановления Курской ЦЭС. В справке обследования отмечалось, что Курский горисполком не рассматривал и не утверждал планы мероприятий по коммунально-жилищному хозяйству. Вследствие этого планы восстановительных работ не выполнялись. Например, на 1 ноября 1943 г. планировалось выполнить работ по электростанции на 620 тыс. рублей, а выполнено на 245 тыс. рублей (39,5 %). Горисполком, по существу, не руководил восстановлением ЦЭС. А от ее работы очень многое зависело в жизни города. Электростанция до 25 сентября 1943 г. работала с нагрузкой до 1 400 кВт. Средняя нагрузка составила 900 кВт. К концу сентября запасы угля антрацита были израсходованы. Станция начала работать с большими перебоями. Горисполком же в этом отношении не принял никаких мер вплоть до указаний обкома ВКП(б). Кадры также не были проверены. Главный инженер ЦЭС Скворцов в оккупацию принимал активное участие в ее восстановлении. Начальник смены Н. И. Плужников в период оккупации был полицаем и состоял в коммерческом обществе

«Мюллер». Начальник планового отдела Новопольский при немцах работал в городской управе [10, л. 115–117].

10 декабря 1943 г. вопрос о работе Курского горсовета по восстановлению коммунальных предприятий, социально-культурных учреждений был заслушан на бюро Курского обкома ВКП(б). В постановлении бюро обкома партии отмечалось, что несмотря серьезную работу, проведенную горисполкомом по восстановлению ряда коммунальных предприятий города, все же, в свете указаний Правительства и ЦК ВКП(б) от 19 мая и от 21 августа 1943 г., исполком горсовета еще плохо справлялся с поставленными перед ним политическими и хозяйственными задачами в условиях военного времени. Бюро обкома ВКП(б) потребовало от горсовета обеспечить бесперебойную работу электростанции, не допуская в дальнейшем срыва работы ЦЭС из-за отсутствия топлива [11, с. 385–393]. Несмотря на многие трудности, трудовой коллектив ЦЭС смог уже в I-м квартале 1943 г. ввести мощность в 3 000 кВт.

Мощность всех коммунальных электростанций после освобождения области составляла 3 615 кВт, планировалось восстановить до 3 863 кВт, восстановлено же было 3 615 кВт, или 47,3 % к довоенной мощности. Всеми электростанциями области планировалось выработать 8 283 тыс. кВт электроэнергии, фактически же было выработано 5 257,2 кВт, или 63,5 % к плановому заданию. Кроме того, Курской ЦЭС планировалось выработать 6 900 тыс. кВт, а выработано 4 951 тыс. кВт (71,8 %). Фактически средняя нагрузка электростанции выразилась в 692 кВт, а коэффициент ее мощности – в 0,22 %. Причины этого заключались в отсутствии топлива, в старом оборудовании, которое требовало капитального ремонта, и в изношенности электросетей.

Также об эффективности работы электростанций свидетельствуют и такие данные. По плану предусматривалось реализовать абонентам 7 711,9 тыс. кВт электроэнергии, а было реализовано только 1 073,0 тыс. кВт (13,9 %), в том числе Курской ЦЭС – 6 344,9 и 941,6 тыс. кВт (14,8 %) [12, л. 234–235].

Итак, в 1943 г. планировалось восстановить мощность ЦЭС до 3 000 кВт. Эта задача была успешно выполнена уже в I-м квартале. Выработка же электроэнергии достигла 4 951 кВт против плановой в 6 900 кВт (71,7 %). О причинах невыполнения плана по выработке электроэнергии станции говорилось выше. К концу 1943 г. электростанции работали во всех городах области, кроме Корочи и Фатежа [13, л. 56].

В 1944 г. продолжилась работа по дальнейшему восстановлению электростанций. В этом году планировалось восстановить электростанции области общей мощностью в 7 000 кВт, в том числе в Курске – 5 500 кВт [14, л. 247]. В этих целях на восстановление электростанций Курской области планировалось ассигновать 1 119,0 тыс. рублей, из них Курской ЦЭС – 430 тыс. рублей [15, л. 2–3]. На эти средства на ЦЭС необходимо

было провести надстройку крыши, установку оконных переплетов, достройку механической мастерской, восстановить здание дизельной станции и дизельного генератора, пристройку бытовых помещений, окончание монтажа турбины, ливневой канализации, проектные работы и т. п. Но отсутствие материалов и рабочей силы привели к тому, что в IV-м квартале 1944 г. работы на станции не производились. В результате объем работ оказался выполнен только на 222,3 тыс. рублей, или на 51,7 % к плановому заданию.

Тем не менее, на освоенные средства были закончены: монтаж турбины, которую ввели в эксплуатацию 1 августа 1944 г., мехмастерская, дизель. Не были завершены работа по достройке крыши, котельного цеха, здания дизельной станции [16, л. 154–155]. В восстановлении электростанции важную роль играли добровольческо-строительные бригады. Весной 1944 г. на Курской ЦЭС были организованы 29 таких бригад с охватом в 352 человека. Они занимались восстановлением механической мастерской, котлов, турбины мощностью 2,5 тыс. кВт, которую привезли немцы, но увезти не смогли, оставив без чертежей и запчастей. Коллектив ЦЭС смог восстановить эту турбину своими силами. С пуском этой турбины электростанция давала электроэнергию всем предприятиям Курска. Рабочие на 90 % смонтировали разрушенный дизель. На восстановлении ЦЭС люди работали по 8–9 суток, не уходя с предприятия, не щадя своих сил, пытались пустить станцию и дать свет и энергию городу. Отремонтировали 2 котла в котельной и дали городу энергию и этим обеспечили город водой [17, л. 17].

На 1944 г. максимальная установленная мощность Курской ЦЭС по агрегатам планировалась в 5 500 кВт, выполнена также на 5 500 кВт, то есть на 100 %. Рабочая мощность электростанции по плану должна была составлять 5 000 кВт, фактически же она составила 2 500 кВт, или 50 % к плановому заданию.

В 1944 г. станции планировалось выработать 23 678 300 кВт электроэнергии, позже этот показатель снижен до 21 923,3 тыс. кВт. Выработано было в итоге 11 744 463 кВт, или 49,6 % к первоначальному плану и 52,4 % к уменьшенному плану. Одна из причин невыполнения плана была связана с тем, что в течение 7 месяцев мощность станции составляла 2 500 кВт, а с вступлением в эксплуатацию с 1 августа 1944 г. нового турбогенератора мощностью в 25 000 кВт ее мощность к концу года была доведена до 5 500 кВт. Другой причиной невыполнения плана являлась несвоевременная поставка топлива. Планировалось поставить ЦЭС 36 320 т угля, а было поставлено 21 245 т, или 58,5 % к плану.

В силу этого станция работала нерегулярно с нагрузкой до 50 %. В результате недоработано электроэнергии в количестве 10 178,9 тыс. кВт. Из общего количества выработанной электроэнергии полезно отпущенная энергия составляла 10 688 798 кВт против плана 21 265 700 кВт (50,3 %). Промышленности было отпущено 3 730 977 кВт, на освещение –

1 979 150 кВт, в том числе на освещение жилых помещений – 1 268 840 кВт и т. д.

На 1944 г. ЦЭС предписывалось иметь 343 работника, фактически их было 324 (94,5 %), в том числе рабочих – соответственно 223 и 211 (94,6 %), учеников – 21 и 30, ИТР – 34 и 31, служащих – 32 и 31, МОП – 15 и 12. Производительность труда ЦЭС оказалась ниже плана на 43,4 % вследствие невыполнения плана выработки электроэнергии. Учитывая острую нужду в квалифицированных кадрах, руководство ЦЭС позаботилось об их подготовки. Они готовились в школе ученичества, на курсах техминимума и путем индивидуально-бригадного обучения. Всего окончили обучение 124 человека.

На станции не все было благополучно и с дисциплиной труда: имели место прогулы и опоздания на работу. На 19 прогульщиков дела были переданы в суд, а 18-и опоздавшим – объявлен в приказе выговор.

В 1944 г. ЦЭС планировалось выработать продукции на сумму 70 911,9 тыс. рублей, а выработано было на 3 975,7 тыс. рублей (56,1 %) [18, л. 26–27; 23, л. 55].

Итак, в 1944 г. Курская ЦЭС не выполнила план по выработке электроэнергии и наращиванию рабочих мощностей по агрегатам и электрогенераторам. План по наращиванию рабочей мощности составил только 50 % к плановому заданию. Около 50 % было выработано электроэнергии к установленной программе. Примерно наполовину был выполнен план по полезно отпущенной продукции. Правда, на промышленные нужды было отпущено почти в 3 раза больше электроэнергии, чем на освещение жилых помещений, ради чего и создавались коммунальные электростанции. Причинами невыполнения плана были: позднее утверждение планов восстановительных работ (апрель), несвоевременная поставка топлива, старое оборудование, низкая квалификация рабочих и др. Тем не менее, в 1944 г. Курская ЦЭС выработала электроэнергии в 2,4 раза больше по сравнению с ее выработкой в 1943 г. (в 1943 г. произведено 4 951 тыс. кВт, а в 1944 г. – 11 744 463 кВт), или 93,2 % к выработке электроэнергии всеми коммунальными электростанциями области. В целом же за 1944 г. в городах Курской области восстановили 10 электростанций из 14. Их установленная мощность составляла 6 171 кВт, в том числе в Курске – 5 500 кВт. Рабочая мощность всех электростанций равнялась 3 351 кВт [13, л. 64].

Важным событием в истории Курска и электростанции был тот факт, что к годовщине освобождения Курска, то есть 8 февраля 1944 г., была восстановлена осветительная сеть на ул. Ленина [19, с. 118].

Как уже отмечалось, после освобождения области от немецко-фашистских оккупантов было восстановлено 12 электростанций из имевшихся 14. Их восстановление носило временный характер, далеко не достигшее мощностей довоенного периода. Именно поэтому в 1945 г.

планировалось продолжение восстановительных работ, начатых в предыдущие годы. Объем капитальных работ на восстановление электростанций области был утверждён в сумме 1 506 тыс. рублей. Однако позднее утверждение технической документации, отсутствие транспорта, квалифицированной рабочей силы, не выделение фондируемых материалов НККХ РСФСР и т. п. отрицательно сказались на выполнении производственной программы электростанциями Курской области.

Именно в силу указанных причин из 1 506 тыс. рублей, ассигнованных на восстановление электростанций, освоенными оказались 505,9 тыс. рублей (33,6 %), в том числе Курской ЦЭС – соответственно 156 тыс. и 88,2 тыс. рублей, или 56,5 % к плану. На освоенные средства по Курской электростанции выполнены следующие работы: произведена достройка механической мастерской, восстановлено 1 985 м² мотовозного депо, изготовлено перекрытие над котельной. Не были выполнены работы по постройке углеподачи, полному восстановлению механической мастерской, устройству мотовозного депо.

На капитальный ремонт электростанциям Курской области было направлено 340,8 тыс. рублей, из которых освоено 237,4 тыс. рублей, или 69,7 % к плановому заданию, в том числе Курской ЦЭС – соответственно 211,9 тыс. и 168,9 тыс. рублей (70,5 %). Невыполнение плана капитального ремонта по городу Курску было связано с отсутствием запчастей и материалов (цемента, баббита, лесоматериалов). Некоторые работы, согласно графику ремонта, были выполнены: произведена ревизия турбин на 3 000 кВт и 2 500 кВт, капитальный ремонт 2-х котлов вместо 4-х по плану. Капитальный ремонт электростанций проходил в исключительно тяжелых условиях. При коммунальных предприятиях не было технических мастерских, способных производить заказы. Разрешение на обработку деталей в мастерских других ведомств добиться было очень трудно.

На 1945 г. планом предусматривалась выработка электроэнергии в 19 687,1 тыс. кВт, фактически было выработано 15 323,6 тыс. кВт (77,8 %), в том числе Курской ЦЭС – соответственно 18 000 тыс. и 14 366 тыс. кВт, или 79,8 % к плановому заданию [20, л. 2, 5, 8].

К качественным показателям работы электростанций относились такие показатели, как: использование электроэнергии на собственные нужды, потери и утечки электроэнергии, количество полезно отпущенной электроэнергии, в том числе населению, промышленным предприятиям и др. организациям и учреждениям, себестоимость вырабатываемой продукции и др. Естественно, говорить о всех этих показателях не позволяет объем работы. Отметим, что полезно отпущенной электроэнергии Курской ЦЭС планировалось в количестве 16 456,9 тыс. кВт, фактически отпущено 13 361,6 тыс. кВт, или 80,6 % к плану, в том числе населению – 1 941 800 и 2 038 819 кВт (104,8 %).

Несмотря на невыполнение производственной программы по выработке электроэнергии в 1945 г., все же станция произвела ее на 22,3 %

больше производства 1944 г. В денежном выражении ЦЭС планировалось выработать продукции на 6 377,0 тыс. рублей, выработано было на 4 926,4 тыс. рублей (77,2 %).

Средняя отпускная цена 1 кВт полезно отпущенной электроэнергии в 1945 г. планом была запроектирована в 42 коп., фактическая же цена 1 кВт выразилась в 39,7 коп., то есть на 2,3 коп., или на 5,5 %, ниже [21, л. 264, 274–275].

На 1945 г. планировалось электростанциям области получить прибыль в сумме 1 039,0 тыс., а получено – в сумме 686,7 тыс. рублей (66,1 %), в том числе Курской ЦЭС – соответственно в сумме 845,3 тыс. и 588,2 тыс. рублей (66,9 %) [20, л. 8].

Для выработки планового количества электроэнергии Курской ЦЭС предписывалось иметь рабочей силы на основном производстве в количестве 334 единиц, из них: рабочих – 226 человек, ИТР – 38, служащих – 33, МОП – 16, учеников – 21 человек. Среднегодовая же численность всего персонала составляла 328 единиц (98,2 %), в том числе: рабочих – 229 (101,3 %), ИТР – 34 (89,5 %), служащих – 33 (100 %), МОП – 9 (56,2 %), учеников – 23 (109,5 %). Из вышеприведенных сведений видно, что рабочих на электростанции было несколько больше, чем планировалось. Это было вызвано увеличением численности рабочих, главным образом, по цеху углеподачи, что объяснялось поступлением угля в большей части марки АРШ, который приходилось пропускать через дробилки. Квалифицированным же персоналом – слесарями, кочегарами, электромонтерами сети и ИТР – станция не была укомплектована. Это неблагоприятно отражалось на работе электростанции, особенно на ремонтных работах. Что касалось производительности труда рабочего, то она оказалась на 19,1 % ниже плановой. Это объяснялось недовыработкой количества электроэнергии против плана.

Не все было благополучно на Курской ЦЭС и с трудовой дисциплиной. В течение года было 32 прогула и 39 опозданий. К нарушителям трудовой дисциплины были приняты меры административного воздействия, а некоторые прогульщики привлечены к судебной ответственности. И в 1945 г. руководство электростанции проявляло заботу о подготовке квалифицированных кадров. В этом году обучено 54 человека, в том числе 20 женщин. Техминимум проходили кочегары, зольщики, шуровщики [21, л. 264, 265].

Оно также, в силу своих возможностей, проявляло заботу о бытовых условиях и охране труда рабочих, стремилось устранить недостатки, выявленные в ходе проверки ЦЭС комиссией ЦК профсоюзов рабочих коммунальных предприятий летом 1945 г. [22, л. 83]. Несмотря на то, что распоряжением НККХ РСФСР еще с 1941 г. рабочим, за исключением, электросварщиков и аккумуляторщиков, прекратили выдачу спецодежды, руководство станции сумело организовать, хотя и за наличный расчет, выдачу рабочим одежды. Было выдано 85 пар валенок, 67 курток, 57 пар

ботинок, 12 комбинезонов и т. п. На ЦЭС работал душ, в цехах были установлены бачки для питьевой воды, по цехам выдавалось мыло, имелась столовая и ларёк для снабжения работников хлебом и др. продуктами питания. Имелись также: медпункт, сапожная мастерская для ремонта обуви, оборудованное общежитие для мужчин и женщин. Рабочим вредных цехов выдавалось, хотя и не всегда из-за отсутствия фондов, спецпитание.

Важным условием повышения производительности труда являлось социалистическое соревнование. Им были охвачены все цеха. Наряду с цеховым развивалось и индивидуальное соревнование. В течение 1945 г. в борьбе за лучшие показатели в работе 1-е место занимали: турбинный цех, ремонтно-механические мастерские и с декабря – сменная вахта Вишневого, которая стала победителем соцсоревнования и завоевала переходящее Красное знамя станции. 8 человек награждены значком «Отличник социалистического соревнования коммунального хозяйства», 15 – почетными грамотами, 16 человек занесены на Доску почета станции, из них 4 – на Доску почета города. Присвоено звание лучшего рабочего профессии 10 работникам.

К лучшим людям ЦЭС относились: мастер турбинного цеха А. В. Шурупов, старший машинист В. Д. Сапунов, зольщика А. Д. Шеховцова, старший кочегар М. Г. Поневин, машинист З. Н. Хлусова и др.

В 1945 г. на капитальный ремонт Курской электростанции ассигновано 293,1 тыс. рублей, из них освоено по сметной стоимости 175,9 тыс. рублей (60,0 %). На освоенные средства произведена ревизия 2-х турбогенераторов, капитальный ремонт 3-х котлов, воздушной сети, трансформаторных киосков и зданий, транспорта. Произведена достройка заводской механической мастерской, мотовозного депо, приобретена одна лошадь.

Однако техническое состояние оборудования станции и ее сети, вошедшие в эксплуатацию в 1934 г. с незаконченными объектами, временными установками, включая и 1945 г., имела узкие места, лимитирующие ее работу. В период временной немецкой оккупации состояние электростанции еще более ухудшилось из-за варварской эксплуатации ее захватчиками, не проводивших необходимых ремонтов и ведших её работу на износ.

В 1945 г. наиболее больным участком являлся котельный цех, состояние которого не обеспечивало потребности в паре машинного зала, а также моторное хозяйство. Восстановить их, хотя бы, в состояние довоенного времени не представлялось возможным в силу отсутствия необходимого оборудования, нехватки материалов, запасных частей и квалифицированной рабочей силы. Техническое состояние турбинного цеха и электроцеха можно было считать удовлетворительным. Углеподача с шахтным подъемом абсолютно не удовлетворяла требованиям

котельного цеха в угле. В 1945 г. на работе электростанции сказывалось неудовлетворительное состояние подъездных путей. Ремонтная мастерская имела недостаточный станочный парк, к тому же сильно изношенный, что задерживало своевременное изготовление запчастей и метизов, которые приходилось изготавливать на месте вследствие недостаточного получения запчастей от заводов изготовителей. Отсутствие инструментов также неблагоприятно отражалось на работе электростанции.

И все же, несмотря на указанные недостатки, невыполнение производственной программы по выработке электроэнергии в 1945 г., станция произвела ее на 22,3 % больше производства 1944 г. [22, л. 262, 264–265].

Итак, после освобождения Курской области от немецко-фашистских оккупантов трудовые коллективы коммунальных электростанций области, включая и Курскую ЦЭС, провели значительную работу по их восстановлению. Несмотря на острую нужду в квалифицированной рабочей силе, в строительных материалах, транспорте, оборудовании, необходимых механизмов и запасных частей, опираясь на внутренние ресурсы, сумели значительно увеличить производственную и рабочую мощность электростанций. Что касалось Курской ЦЭС, то ее производственная мощность была почти восстановлена до довоенного уровня. Довоенная мощность электростанций Курской области составляла 7 912 кВт, на 1 января 1946 г. – 6 255 кВт, или 79,1 % к довоенной мощности, в том числе Курской ЦЭС – соответственно 6 000 кВт/час и 5 500 кВт/час, или 91,7 % к уровню 1940 г. [20, л. 22]. Выработка электроэнергии с 1943 г. по 1945 г. включительно возросла с 4 951 кВт до 14 366 кВт, или в 2,9 раза.

К 1946 г. восстановлено 12 электростанций из 14. В 1945 г. шел процесс восстановления электростанций в Короче и Фатеже.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3254.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 113.
3. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 68.
4. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 24.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3389.
6. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Сб. док и материалов. Курск, 1962. Т. 2.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 7.
8. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 7.
9. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2967.
10. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3559.
11. Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Сб. док-тов. Курск, 2007. Часть III.
12. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 11.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3692.

14. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 36.
15. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 32.
16. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 53.
17. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3386.
18. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 37.
19. Поклонимся великим тем годам... Курская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника военных лет. Курск, 2010.
20. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 68.
21. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 84.
22. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 57.
23. ГАКО. Ф. Р-311. Оп. 1. Д. 53а.

А. С. Давыдов

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ТРАМВАЯ ГОРОДА КУРСКА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1947 гг.)

Послевоенный период 1945–1947 гг. в Курской области характеризовался качественным возрождением и восстановлением народного хозяйства. Данный процесс в его строго очерченных рамках, согласно многочисленным исследованиям историка О. Н. Аргунова, обуславливался тем, что сельское хозяйство региона, на которое опиралась промышленность, оправляется от последствий послевоенного кризиса к 1947 г. [13, с. 9].

Исключением не стало и восстановление трамвайного хозяйства сильно пострадавшее от последствий немецко-фашистской оккупации Курска. К началу 1945 г. было восстановлено всего 20,5 км из 29,5 км [3, л. 67] трамвайных путей в одиночном исчислении, эксплуатировавшихся до начала войны. В 1944 г. были проведены работы по восстановлению еще 2,8 км по Кировской линии к вокзалу, 1 км пути к кожзаводу и 1,2 км к Песчаному карьеру (ул. Энгельса), было восстановлено 13 трамвайных вагонов, а общая сумма работ равнялась 841 685 руб., что составило 78 % от плановых ассигнований. Трамвай в 1944 г. работал не регулярно, из-за отсутствия электроэнергии он не осуществлял свое движение 116 дней, порой электроэнергия давалась в ограниченном количестве, что дало 1 941 вагоно-день простоя. Несмотря на испытываемые трудности, трамваем было перевезено 8 981,3 тыс. пассажиров, на линию выходили ежедневно 15,5 вагонов [2, л. 66]. Показатели по основной деятельности были далеки от плановых, но они и не могли им соответствовать в следствие того, что трамвайное предприятие еще находилось в стадии восстановительного периода, как в целом и народное хозяйство региона.

Общий объем восстановительных работ по Курскому трамвайному тресту на 1945 г. определен Постановлением Совнаркома № 381 от 28 февраля 1945 г., согласно которому следовало восстановить 9 км трамвайных путей, 5 вагонов из них 3 моторных и 2 грузовых [8, л. 3].

Приказом Народного комиссара коммунального хозяйства № 128 от 3 марта 1945 г. уточнялось, что восстановлены должны быть пути от ул. Литовской до Солянки [1, л. 18]. Планировалось также восстановить второй путь от Барнышевской площади до мясокомбината и от него до Солянки по ул. Энгельса. Восстановление обозначенных линий имело под собой социально-экономическое значение, так как район кожзавода, ремзавода, мясокомбината, мельницы № 7 не был связан пассажирским транспортом с основной частью города; это касалось и урочища Солянка.

Помимо основных работ планировалось также построить котельную в трамвайном парке, на прежних местах соорудить 3 диспетчерские будки и столько же моторных вагонов, а из списанных 8 вагонов заново создать 2 грузовых. Острой была проблема постоянной нехватки автотранспорта для перевоза грузов и материалов, в трамвайном парке его не было, в связи с чем было выделено 50 тыс. руб. на приобретение автомашины.

Общая сумма затрат на восстановительные мероприятия составила 1 545 тыс. руб. при этом выделенные средства составили 600 тыс. руб. [8, л. 3].

С начала 1945 г., на трамвае складывалось тяжелое положение: он не работал из-за отсутствия электроэнергии. Ощущалась нехватка различных деталей, к примеру, шестерен. И, несмотря на трудности в зимних условиях происходило строительство линии к вокзалу, а также производилось текущий ремонт пути. Об этом прямо говорилось в записке начальнику Главного управления трамваев и троллейбусов при НККХ РСФСР М. А. Михееву [1, л. 8]. Имелись и кадровые проблемы: недостаток в специалистах для восстановления и приведении в порядок трамвайных линий [1, л. 9].

В ходе работ по капитальному строительству в 1945 г. вместо 9 км, были восстановлены только 2,8 км: второй путь в Кировский район. Данные работы потребовали суммы в 193,5 тыс. руб. Была проведена сплошная сварка рельсовых стыков от площади Перекальского по ул. Ленина и Дзержинского до ул. Свободных граждан (в настоящее время ул. Ломоносова) [10, л. 27].

Восстановление сопровождалось следующими проблемами:

- необеспечение расценочными списками без должной на это реакции со стороны руководства треста;
- отсутствие основных материалов рельс и шпал, работы осуществлялись за счет использования старогодных рельс.

Это во многом позволило обеспечить экономию средств при строительстве на 27 %. Отметим, что сохранялась и нехватка рабочей силы в тресте, обеспеченность ею составляла 25 % [10, л. 8].

Удалось выполнить намеченные к восстановлению 5 вагонов, хотя из-за отсутствия необходимого материала, восстанавливались изношенные и утильные части, 20 вагонов были окрашены и частично остеклены, нехватка стекла помешала выполнить это полностью [10, л. 28].

Следует отметить, что в 1945 г. трамвай работал нерегулярно, по причине отсутствия электроэнергии: он не выходил на линию 200 дней, и, как следствие, у предприятия образовался убыток в 552 тыс. руб., его удалось снизить до 362,4 тыс. руб. благодаря доходу от грузового движения и прочих заказов [7, л. 104]. Складывавшееся на трамвае положение выглядело угрожающим: к декабрю он имел 2-месячную задолженность по зарплате работникам треста, полное отсутствие оборотных средств на текущем счете, что в свою очередь не позволяло приобретать необходимые материалы для проведения ремонтов. Общая кредиторская задолженность составляла 258,7 тыс. руб. Трест существовал за счет заемных средств [10, л. 8].

Находясь в исключительно тяжелых условиях, он на линию выпускал в среднем 13,1 вагон, работавший по 10,5 часов в день, со средней скоростью 12,5 км/ч. Перевезено было 5 414, 9 тыс. человек с общим пробегом в 286,5 вагоно-км на один вагон, что составило 26 % к плановому показателю. Трамвай несмотря на то, что работал с перерывами, пользовался спросом среди горожан, об этом свидетельствует очень высокая наполняемость вагонов: 18,8 человек на 1 вагоно-км [4, л. 28].

Вместе с продолжающимся восстановлением трамвайного хозяйства, в самом трамвайном тресте думали и о будущем: ориентация на дальнейшее поступательное развитие была характерна для советской системы, поэтому вместе с городским хозяйством должен развиваться и трамвай, основной на тот момент вид общественного транспорта.

По генеральному плану развития городского транспорта электрический трамвай должен будет иметь 96 км однопутных трамвайных путей и около 200 трамвайных вагонов, что уже требовало иной материально-технической базы. Об этом в январе 1946 г. пишет председателю исполкома Курского горсовета депутатов трудящихся Н. А. Масленниковой управляющий трамвайным трестом Лурье.

Он считал, что следует построить новое депо в районе ул. Энгельса, а для вагонов маршрутов Кировского района расширить трампарк по ул. К. Маркса до 70 вагонов, также там для большого и капитального ремонта должны быть построены вагоноремонтные мастерские, поэтому просил выделить для расширения существующего депо прилегающую территорию [7, л. 102.].

Это только первые планы, но они уже свидетельствуют о том, что трамвайное хозяйство послевоенного времени должно будет превзойти свое довоенное состояние.

Новые трамвайные пути в городе должны быть построены согласно постановлению СНК СССР № 2722 от 11 октября 1945 г., на проведение работ по восстановлению трамвайного хозяйства и постройки 5,5 км в Рышковский промышленный район.

Народная коллегия коммунального хозяйства на 1946 г. утвердила следующие мероприятия на 2 500 тыс. руб.:

- 1) проектно-изыскательные работы на 150 тыс. руб.;
- 2) восстановление 7 км трамвайного пути – 1 000 тыс. руб.;
- 3) постройка новых 5,5 км трамвайных путей и тяговой подстанции – 1000 тыс. руб.
- 4) постройка котельной и восстановление отопительной системы – 200 тыс. руб.;
- 5) приобретение транспорта и оборудования – 100 тыс. руб.;
- 6) восстановление вагона – 50 тыс. руб. [9, л. 11].

Помимо выделенных средств народной коллегией коммунального хозяйства, строительство трамвайной линии в поселок Рышково финансировали городские заводы: РТИ – 1 000 тыс. руб. и завод № 111 с выделением 2 000 тыс. руб. [9, л. 30].

Для нормальной организации трамвайного движения, исходя из протяженности планируемого маршрута Рышково – Покровский базар равный 13 км, необходимо было задействовать 16 поездов, состоящих из 16 моторных и прицепных вагонов с интервалом в 10 минут [9, л. 35]. Второй маршрут Рышково – Вокзал, длина которого 17 км должен был ходить с интервалом 30 минут и скоростью поезда 15 км/ч, что требовало на линии 15 поездов, третий маршрут Рышково – Хлебозавод [9, л. 36].

Для ввода в эксплуатацию этой линии планировалось построить трамвайный путь до моста через реку Сейм от Солянки с возведением дамбы протяженностью 1,3 км и затратами в 1 500 тыс. руб., после этого проложить трамвайные пути от моста до Рышковской промышленной площадки, протяженность которых составила бы 4,7 км с общими затратами в 2 400 тыс. руб. [9, л. 30].

С начала года для выполнения огромного объема работ по строительству новых трамвайных путей и восстановлению всего трамвайного хозяйства Курский трамвайный трест заключил договоры на проектирование объектов строительства. На проектирование котельной и отопительной системы по парку, горожу и зданию управления был заключен договор с областным проектным трестом на общую сумму 10 754 руб. На производство изыскательных работ под трассу новых трамвайных путей в Рышковский район и съемку трассы под восстановление трамвайных путей был заключен договор с Меливодторфстрой на сумму 47 668 руб.

На проектирование новых трамвайных путей в Рышковский район и перерасчет от системы энергоснабжения был заключен договор с Дортранспроектом на общую сумму 55 869 рублей. Для создания проекта по восстановлению трамвайных путей по направлению Барнышевская площадь – Солянка был заключен договор с городской проектной конторой на сумму 13 705,35 руб. [11, л. 64].

Для обеспечения восстановительных работ в 1 квартале 1946 г. начались мероприятия по заготовке материала: так были сформированы следующие запасы: рельсы 292 т, шпалы 3 285 штук, троллейный провод 7,4 т, накладки 47,4 т, железнодорожные костыли 5 т [11, л. 64].

Во II-м полугодии было пересмотрено количество выделяемых средств со стороны Министерства коммунального хозяйства, утверждена сумма в 1 000 тыс. руб. Из них: выделялось 150 тыс. руб. на проектно-сметные работы, а оставшуюся сумму в 850 тыс. руб. на восстановление трамвайных путей. Трамвайный трест выполнил земляные работы в объеме 7 879 м³, планировку земляного полотна 1 550 п/м, сделал прокладку трамвайного пути на 2,2 км и на такое же расстояние смонтировал контактную сеть, уложил 2 стрелочных перевода и 3 крестовины, сделана перестановка 21 мачты [11, л. 65].

Во время восстановления пути не были произведены необходимые работы по сварке стыков, установке междупутьевых соединителей, отделка пути и уложенные 2,9 км не были приняты в эксплуатацию и временно использовались в качестве ветки для подвоза песка [11, л. 65]. Параллельно прокладывалась трамвайная линия от Барнышевской площади до ул. Энгельса в песчаный карьер [11, л. 29].

В течение года существовали проблемы с рабочей силой на строительстве, но субподрядчик Горремтрест не смог подготовить рабочую силу для работ по прокладке трамвайных путей. Сам же генеральный подрядчик Курскстрой никакого участия в восстановительных работах не принимал. На проектные работы были израсходованы 140 тыс. руб. из выделенных 150 тысяч. На восстановительные же было потрачено 470 238 руб.

В трамвайном парке не были полностью проведены ремонтные работы ввиду отсутствия необходимых материалов: требовалось полное остекление депо вместе с восстановлением центрального отопления и постройкой котельной. Существенной трудностью, оказывающей влияние уже непосредственно на трамвайное движение, являлась скудная ремонтная база мастерских, которые не были в должной мере обеспечены оборудованием [11, л. 30].

Восстановление подвижного состава опять же по причине нехватки материалов происходило за счет восстановления изношенных и утильных материалов. Общее техническое состояние вагонов плохое, что не позволяло их использовать для движения в Кировский район города, где имелся затяжной уклон в 90 % на протяжении 800 м с кривой у моста в конце уклона, также в вагонах отсутствовало остекление. Из 25 вагонов только 19 находились в рабочем состоянии, остальные 6 требовали проведения капитального ремонта [11, л. 30].

В 1946 г. работа трамвая заметно улучшается: вагоны выходили на линию 285 дней за год, хотя в предыдущем работали только 165. В связи с тем, что электроэнергия ЦЭС давалась с перебоями, как следствие

накопилось огромное количество простоев: всего 80 дней, в основном в I-м квартале. Из-за этого образовался простой в 9 388 вагоно-часов, или 20,5 % от общего объема отработанного времени.

Нами уже отмечалось, что вагоны пребывали в большинстве своем в плохом техническом состоянии. Об этом свидетельствует то, что 1 296 раз они заходили в парк по неисправности, что составило 36 % к их общему выпуску. Сказывалось и низкое качество ремонта. По этим причине план по пробегу вагонов был выполнен на 44,8 % и составил 1 250 тыс. вагоно-км. На линию выпускалось ежедневно в среднем 12,6 вагонов, с работой на линии по 12,6 часов в сутки, вместо планируемых 15 часов. Средняя скорость одного трамвайного поезда составила 12,4 км/ч. Перевозка пассажиров была увеличена на 66,1 % и перевезено 8 990,3 тыс. пассажиров, что составило по отношению к плану 56,2 % [5, л. 64].

Большой проблемой для трамвайного треста были квалифицированные кадры, которыми он не был укомплектован. Общая численность рабочих составляла 184 человека, при штатном расписании, рассчитанном на 215 человек. Наблюдалась и высокая текучесть рабочей силы в 45 % [11, л. 8]. Это, в свою очередь, влияло в худшую сторону на качество работ самого треста. Трамвайный трест по результатам своей хозяйственной деятельности в 1946 г. получил убыток в 225,6 тыс. руб. Следовательно, финансовое состояние организации оставалось крайне плохим, недостаток собственных оборотных средств составлял 204,6 тыс. руб., а кредиторская задолженность выросла на 180 % [11, л. 9].

Как нами было показано, в 1946 г. Курский трамвайный трест улучшил свою работу по сравнению с 1945 г., и все же работал еще крайне неудовлетворительно. Многие перечисленные проблемы, переходящие из одного года в другой, нуждались в своем решении и исправлении.

В 1947 г. Курскому трамвайному тресту было выделено 2 000 тыс. руб. на проведение капитально-восстановительных работ. Приведем их титульный список:

- 1) восстановление трамвайных путей Барнышевская площадь – Солянка на сумму в 1 600 тыс. руб.;
- 2) восстановление трамвайных вагонов – 67,9 тыс. руб.;
- 3) постройка котельной – 132,1 тыс. руб.;
- 4) устройство ограждения территории трамвайного парка – 75 тыс. руб.;
- 5) приобретение стройматериалов – 100 тыс. руб.;
- 6) проектно-сметные работы – 25 тыс. руб. [12, л. 117].

Основным подрядчиком ОСМУ-6 были выполнены работы на сумму 676,6 тыс. руб. Работы по восстановлению трамвайного пути выполнялись на участке от кожзавода до ул. Энгельса протяженностью в 1,3 км. Из-за различных недоделок путь от Кожзавода до ул. Энгельса не был в итоге принят в эксплуатацию, и 0,45 км пути были отданы под грузовое движение к песчаному карьеру. Был проведен капитальный ремонт на

0,268 км трамвайных линий, освоена термитная сварка, сварено 300 стыков. Основные городские линии трамвая, проходившие по ул. К. Маркса, Ленина, Дзержинского продолжали нуждаться в ремонте [12, л. 18]. Полностью выполнить восстановительные работы трамвайных путей подрядчику помешало отсутствие шпал.

Производился капитальный ремонт и в трамвайном депо: заменен пол над эстакадами, сделаны 3 световых фонаря и кирпичная стена для ограждения малярного цеха, восстановлено центральное отопление, что значительно улучшило материальные условия для рабочих парка [12, л. 18].

В течение года была обновлена ходовая часть вагонов, заменены шестерни, полускаты, осевые компрессора. По подвижному составу произведено в общей сложности 5 капитальных, 4 больших, 6 средних и 14 малых ремонтов. Благодаря этому стали эксплуатироваться 5 дополнительных вагонов. Из списанного вагона № 32 был оборудован снегоочиститель по чертежам треста. К концу года из 24-х вагонов, имевшихся в депо, к эксплуатации оставались пригодными 16 моторных: остальные требовали ремонта различной степени [12, л. 19].

Трамвайный трест продолжает улучшать свою работу, в том числе и по сравнению с предыдущим годом. Пробег вагонов был увеличен вдвое и составил 1 108,2 вагоно-км, но этого было недостаточно для выполнения плана. Перевозка пассажиров увеличилась на 70,6 %, при этом воспользовались трамваем 15 337, 8 тыс. человек. Однако, несмотря на это производственная программа треста за год не была выполнена в связи с тем, что коэффициент использования подвижного состава был равен 61 %.

Во многом сложившаяся ситуация была результатом частых простоев, особенно много их фиксировалось в I-м квартале из-за неподачи электроэнергии ЦЭСом. Общее количество простоев за год составило 7 255 вагоно-часов. Другой причиной явилось необеспечение необходимого технически исправного количества трамвайных вагонов, что привело к еще 2 156 вагоно-часам простоя. Всего же за год накопилось 11,7 тыс. вагоно-часов простоя, что составило 11,7 % к общему количеству вагоно-часов в движении [12, л. 6].

Таким образом, на линию ежедневно выходили 16,4 вагона, хотя по плану должно было осуществляться движение 18-и единиц, которые работали в среднем 15,2 часа вместо 15,4 часов по плану. Вагоны ходили по линиям переполненные перевозив значительно больше пассажиров, чем того требовали соответствующие нормативы [6, л. 69].

В результате производственной деятельности Курский трамвайный трест смог получить общий доход в размере 3 450,2 тыс. руб., а его расходы составили 3 705 тыс. руб., что привело трест к общему убытку в 254,7 тыс. руб. Присутствует и недостаток оборотных средств в сумме 297 тыс. руб. По сравнению с 1946 г. увеличился убыток предприятия на 18 тыс. руб. и недостаток оборотных средств на 77,5 тыс. руб. Но при этом

на 66,5 тыс. руб. снизилась кредиторская задолженность, но все еще ее объем оставался довольно высоким – 184 тыс. руб. [12, л. 7]. При этом имела и внушительная дебиторская задолженность в размере 98 тыс. руб.

Вместе с тем, электрический трамвай города Курска за период 1945–1947 гг. добился многого. Организацией была проделана, несмотря на все недостатки, серьезная работа. Удалось восстановить 4,5 км пути и контактной сети. Ежегодно проводился капитальный и планово-предупредительный ремонт, поддерживающий расширявшееся трамвайное хозяйство в удовлетворительном состоянии. В трамвайном депо на балансе находились 24 вагона, проходящие периодически ремонт, помимо этого был создан 1 снегоочиститель и 4 грузовых платформы, поливомоечный вагон и вагон специального назначения. Следует отметить, что, в общем и целом, хозяйству удалось восстановиться после послевоенного кризиса. Об этом свидетельствует тот факт, что движение вагонов становится системным и регулярным, учитывая то, что в 1945 г. он не работал 200 дней, а в 1947 г. не было ни одного дня без перевозки пассажиров. Трамвайная сеть большей частью была восстановлена и намечалась работа по строительству новых трамвайных путей к Рышковской производственной площадке. Таким образом, мы можем говорить, что трамвайное хозяйство, как и городское хозяйство к 1948 г. было в большей степени восстановлено.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 44.
3. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 45.
4. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 47.
5. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 48.
6. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 55.
7. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 112.
8. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 114.
9. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 115.
10. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 176.
11. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 179.
12. ГАКО. Ф. Р-5372. Оп. 1. Д. 180.
13. Восстановление народного хозяйства Курской области в послевоенный период в 1945–1947 гг.: (по документам партийных органов Курской области) сборник документов и материалов / Архивное управление Курской области, ОКУ ГАОПИ Курской области. Курск, 2021. 579 с.

**«МЕЖЕВЫЕ СПОРЫ» В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД
ПО ДОКУМЕНТАМ ФОНДОВ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х – 1980-е гг.)**

Земельный вопрос в России (да и не только) всегда имел свою актуальность и значимость (политическую, общественную, правовую).

Проблемы, связанные с земельной собственностью, землепользованием, хозяйствованием на земле, ярко отраженные на картине К. Савицкого «Спор на меже», присутствовали как в дореволюционный, так и в советский периоды отечественной истории.

Большинство подобных споров скорее носили характер соседских конфликтов. Они, как правило, являлись результатом игнорирования элементарных интересов соседей, отсутствия какого-либо уважения к ним.

При этом стоит отметить, что в дореволюционной юридической литературе и в литературе начала 1920-х гг. активно использовалось понятие «соседское право», означавшее «определенную совокупность правовых норм, регулировавших отношения между соседями, прежде всего владельцами смежных земельных участков» [20, с. 197]. В советский период, в результате развития земельного права, понятие «соседское право» постепенно перестало использоваться, так же как и соответствующие правовые нормы.

Отличительной особенностью земельных споров в СССР являлось то, что все эти споры не могли быть спорами о праве собственности на землю, так как земля была исключительной собственностью государства. Споры касались таких правомочий как владение и пользование. Основными из них были споры между отдельными землевладельцами по поводу границ земельных участков, то есть классические межевые споры. Нередко они переплетались с гражданско-правовыми спорами. Например, с тем, что землепользователи осуществляли возведение на предоставленной им земле различных строений и сооружений, необходимых для хозяйственной деятельности, производили посевы, насаждения и т. д.

Разрешением земельных споров в советский период занимались различные органы.

Земельный кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал административно-квази-судебный порядок рассмотрение земельных споров. Для этого создавались специальные земельные комиссии: волостные, уездные и губернские. Дела в них рассматривались в порядке состязательного процесса. Ведению комиссий подлежали все спорные дела, возникающие при землеустройстве, а также все споры о правах на землепользование.

Позднее Общими началами землепользования и землеустройства СССР от 15 декабря 1928 г. устанавливалось, «что споры, возникающие

при землеустройстве, а также споры о правах на землепользование и просьбы о восстановлении нарушенного владения разрешаются по месту нахождения земель, в отношении которых возникли соответствующие споры, в порядке, устанавливаемом законодательством союзных республик» [22, с. 61–62].

В 1930 г. земельные комиссии были ликвидированы, и в дальнейшем разрешение земельных споров находилось в компетенции различных органов: сельсоветов, райисполкомов, общественных судов, народных судов [21, с. 45].

Принятие 13 декабря 1968 г. Основ земельного законодательства СССР и союзных республик стабилизировало подсудность земельных споров. Согласно ст. 49 Основ споры между совладельцами индивидуальных строений на землях городов, поселков городского типа и на отводимых исполнительными комитетами сельских Советов депутатов трудящихся земельных участках в сельских населенных пунктах о порядке пользования общим земельным участком рассматривались судами. Имущественные же споры, связанные с земельными отношениями, рассматриваются в порядке, установленном законодательством Союза ССР и союзных республик. Происходило это строго в административном порядке.

Например, исходя из ст. 133 Земельного Кодекса РСФСР земельные споры рассматривались по заявлению одной из сторон исполнительными комитетами местных Советов народных депутатов. Для подготовки материалов по разрешению споров исполкомы могли образовывать комиссии из депутатов местных Советов, представителей землеустроительных органов и специалистов сельского хозяйства. Предусматривалась возможность участия сторон спора в заседании исполкома, заявлять ходатайства и т. д. Орган, рассматривающий спор, принимал постановление (решение), в котором могли быть предусмотрены порядок исполнения постановления (решения) и мероприятия по восстановлению нарушенного права [22, с. 63].

Итак, одним из основных органов рассмотрения земельных, и в целом «соседских» споров в исследуемый период являлись исполкомы сельских Советов.

Данный тезис подтверждают документы архивных фондов сельских Советов, хранящиеся в Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО).

На настоящее время в ГАКО имеется 665 подобных фондов, в которых отложились 98 715 единиц хранения. Здесь в основном сосредоточены документы за период с 1943 по 1980 гг. Документы довоенного периода не сохранились. Более поздние находятся на хранении в архивах муниципальных образований области.

Стоит указать, что сельские и поселковые Советы являлись по своей сути первичными органами Советской власти и выступали в качестве нижнего звена всей системы Советов.

В целом же сельский Совет был выборным органом. В полном составе он собирался на специальные сессии. Повседневную работу осуществлял исполнительный комитет во главе с председателем.

Что касается рассматриваемой проблематики, то она в основном отражена в протоколах заседаний исполкомов. Как правило, в них содержится короткое изложение существа вопроса и такое же решение. Очень жаль, что в абсолютно большинстве случаев не сохранились сами заявления (жалобы) граждан. Также не сохранились протоколы заседаний товарищеских судов, куда, очень часто, передавалось рассмотрение подобных споров.

Фактически в протоколах любого сельского Совета можно найти вопросы, связанные с разрешением самых различных споров между соседями. Но есть и своеобразные «рекордсмены». Таким, например, можно считать исполком Ворошневого сельского Совета Курского района. Здесь ежегодно рассматривался не один десяток подобных вопросов.

Повсеместно преобладающее число заявлений относилось к категории классических «межевых споров». Нередко граждане просто обращались с просьбой «установить межу». Обычно для этого на место направлялась комиссия из представителей исполкома [5, л. 9, 25; 6, л. 10; 9, л. 21 об., 28 об.].

В большинстве же случаев обращение в исполком происходило уже после начала конфликта, когда кто-либо «залез на мой огород» [2, л. 4], «захватил межу и устраивает скандалы» [4, л. 12] или просто имеют место «скандалы за огороды» [18, л. 12].

Так, в мае 1965 г. в исполком Ворошневого сельского Совета обратилась гражданка Ф. с заявлением, что ее сосед Ч. незаконно занял часть ее огорода шириной в 1 метр. Комиссия сельского Совета установила, что гражданка Ф. пользуется земельным участком в размере 0,15 га и ширина огорода должна составлять 15 метров. При обмере же участка выяснилось, что ширина составляет 14 метров. Комиссия потребовала передвинуть изгородь на 1 метр, что Ч. не сделал. В итоге исполком принял решение: «... гр-ну Ч. подвинуть изгородь на свою усадьбу на 50 см от межи Ф. по согласованию ее» [3, л. 9 об.]. Как было выполнено данное решение неизвестно.

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что нередко решения исполкомов не выполнялись гражданами и конфликты затягивались на годы.

Так, в июле 1965 г. исполком того же Ворошневого сельского Совета рассмотрел заявление гражданки С. к гражданину С., который по ее словам «нахально лезет в мой двор, наносит всякие оскорбления в адрес

меня». По итогам рассмотрения заявления было принято решение «между где стоят сараи оставить в старых пределах» [3, л. 11 об.].

Интересно, что в ходе этого же заседания были рассмотрены два встречных заявления гражданина С. о неправильном обмере приусадебного участка и о закрытии гражданкой С. прохода между сараями, в результате чего гражданин С. не может «мазать и белить стену сарая». Обе жалобы были признаны исполкомом необоснованными [3, л. 11 об., 13].

Как свидетельствуют выявленные документы, на этом проблема не была решена. Гражданин С., не согласившись с решением исполкома сельсовета, обращался и в товарищеский суд, и в милицию, и в прокуратуру, и в райисполком.

Комиссия из представителей райисполкома и исполкома сельского Совета в августе 1968 г. осуществила выезд на место и выявила захват земли гражданином С. Было установлено, что он на приусадебном участке умышленно укрыл часть земли не показав к обмеру, поставив на меже вторую изгородь.

Райисполком признал, что жалоба гражданина С. «порождена корыстными целями захватить за счет территории соседки 2 метра ее двора». Райисполком предложил сельсовету обязать гражданина С. переделать самовольно построенную им времянку на хозяйственный сарай, отнести его от межи двора гражданки С. на свою территорию и запретить отвод 2 метров земли от двора гражданки С.

Данные предложения были полностью одобрены на заседании исполкома сельского Совета [6, л. 19 об. – 21].

Среди вопросов, рассматриваемых сельсоветах, значительное место занимали жалобы на соседей, осуществлявших строительство пусть и на своей территории, но с нарушением интересов соседей или установленных правил.

Так, в Ворошневском сельском Совете гражданин С. жаловался на гражданина К. в связи с тем, что вода с крыши его сарая попадает на границу участка и размывает межу [4, л. 7].

В Рудавском сельском Совете гражданин Р. требовал прекратить строительство летней кухни гражданином К. в непосредственной близости от его дома [13, л. 18 об. – 19].

В Верхне-Любазском сельском Совете в 1963 г. было рассмотрено заявление гражданки П. о запрете строительства дома гражданину П. в виду того, что на месте строительства у нее растет яблоня. В итоге, исполком принял решение разрешить строительство нового дома П. на старом месте, но с условием, что «...Фруктовое дерево П., которое притесняется постройкой П. старое, неплодоносящее и вместо него П. обязан посадить на приусадебном участке П. два других дерева. Все приусадебные участки остаются в пределах старых границ, кроме постройки жилого помещения» [14, л. 13].

Достаточно распространенным было требование прекращения строительства и сноса сооружений вследствие нарушения противопожарных норм [1, л. 28–28 об.; 10, л. 27; 16, л. 24 об.], либо осуществления строительства без соответствующего разрешения [2, л. 8; 11, л. 21 об.; 17, л. 19]. Как правило, исполкомы в подобных случаях принимали сторону заявителей.

Имели место и исключения. Примером могут быть события в одном из сельсоветов Обоянского района.

В марте 1974 г. в местный исполком с заявлением обратилась гражданка Д. о строительстве дома гражданином С. с нарушением противопожарного разрыва. Исполком, по итогам рассмотрения заявления, принял решение запретить строительство до предоставления плана, утвержденного районным архитектором [12, л. 22–22 об.].

12 мая 1974 г. исполком сельского Совета повторно рассмотрел данный вопрос, но уже в связи с тем, что органы милиции подготовили материалы о нарушении застройки.

По итогам обсуждения, подробно описанного в протоколе заседания, было принято решения полностью противоречащее предыдущему. Приведем его полностью: «Заслушав председателя исполкома сельского Совета тов. П. ... исполком сельского Совета отмечает, что гражданин С. грубо нарушил план застройки, начав строительство дома без разрешения районного архитектора, который подлежит сносу в судебном порядке. Но учитывая обстоятельства, что тов. С. проживает вдвоем с женой, имеет преклонный возраст, является пенсионером колхоза, был активистом в организации колхоза в период коллективизации, участник Великой Отечественной войны, после войны работал на руководящих работах в колхозе до перехода на пенсию, при том произведены большие затраты на строительство, а жить негде. Сын И., проживающий рядом, не представляет жилой площади им в своем доме из-за ссоры со своей женой

Исполком сельского Совета депутатов трудящихся решил: ограничиться предупреждением тов. С., дом не сносить, материал в народный суд не направлять» [12, л. 28–29].

Общий же перечень вопросов, разбираемых исполкомами сельских Советов по жалобам соседей друг на друга, огромен. Здесь и ограничение прохода и проезда к земельным участкам и сооружениям [4, л. 9 об.; 6, 12 об. – 13, 15; 7, л. 15 об.; 19, л. 21 об. – 22], преграждение доступа к смежным сооружениям с целью их ремонта [4, л. 7–7 об., 9, 12; 9, л. 21], нанесение вреда строениям и насаждениям [4, л. 16 об.; 5, л. 23 об. – 24; 6, л. 6 об. – 7, 32 об.; 15, л. 14], загрязнении соседской территории [1, л. 35; 4, л. 9; 8, л. 9 об.] и т. д.

В целом же следует констатировать, что советские граждане активно обращались в местные органы с целью решения возникавших конфликтов. В то же время, как свидетельствуют архивные документы, очень часто их

решения не выполнялись, а по существу – просто игнорировались гражданами. В итоге их дальнейшее рассмотрение перемещалось либо в вышестоящие Советы, либо в товарищеские и народные суды.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 57.
2. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 65.
3. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 73.
4. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 78.
5. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 87.
6. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 92.
7. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 122.
8. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 132.
9. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 142.
10. ГАКО. Ф. Р-3124. Оп. 1. Д. 199.
11. ГАКО. Ф. Р-3365. Оп. 1. Д. 187.
12. ГАКО. Ф. Р-3365. Оп. 1. Д. 252.
13. ГАКО. Ф. Р-3394. Оп. 1. Д. 88.
14. ГАКО. Ф. Р-3725. Оп. 1. Д. 48.
15. ГАКО. Ф. Р-3850. Оп. 1. Д. 69.
16. ГАКО. Ф. Р-3850. Оп. 1. Д. 94.
17. ГАКО. Ф. Р-3850. Оп. 1. Д. 98.
18. ГАКО. Ф. Р-3862. Оп. 1. Д. 200.
19. ГАКО. Ф. Р-4568. Оп. 1. Д. 174.
20. Крассов О.И. Право собственности на землю в странах Европы. М., 2014.
21. Монгуш Д.Э. История развития разрешения земельных споров в России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5.
22. Савенко Г.В., Ялбулганов А.А. Земельные участки: образование, межевание и земельные иски (вторая половина XVIII – начало XXI в. М., 2017.

И. В. Шпаков

Курский государственный университет

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ВЕДОМСТВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КУРСКЕ В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

В ходе событий Великой Отечественной войны в Курске были разрушены или сильно повреждены практически все административные и жилые здания, которые находились в пользовании ведомства государственной безопасности. В данной публикации будет рассмотрено восстановительное и новое жилищное строительство для работников органов государственной безопасности: НКВД (оперчекистских подразделений), НКГБ, МГБ, КГБ в послевоенное десятилетие (до перехода к строительству типовых домов с малометражными квартирами). Основными источниками сведений для публикации стали материалы

фондов Р-5346 «Управление по делам строительства и архитектуры Курского горисполкома» и Р-5293 «Главное управление архитектуры и градостроительства Курского облисполкома» Государственного архива Курской области. Согласно директиве НКВД от 2 марта 1946 г. № 53 «О государственном архитектурно-строительном контроле на объектах строительства НКВД СССР» органам государственного архитектурно-строительного контроля было разрешено осуществление надзора за восстановлением и строительством жилых и гражданских зданий НКВД СССР, а также контроля за работами по архитектурному оформлению промышленных зданий и сооружений, выходящих на городские магистрали [1, л. 47]. Благодаря этому в документах вышеназванных фондах сохранились материалы о жилищном строительстве органов государственной безопасности.

После освобождения Курска в феврале 1943 г. подразделения НКВД, занимавшиеся вопросами государственной безопасности, последовательно занимают здания в двух кварталах Дзержинского района: наиболее сохранившимся, ограниченном улицами Красной Армии, Пастуховской (с 1965 г. Белинского), Пионеров, Дружининской, и кварталом восстановительного и нового строительства, ограниченном улицами Дзержинского, Добролюбова, Красной Армии и Золотаревской (с 1965 г. Гайдара).

Решением № 5 горисполкома от 17.02.1943 подразделениям НКВД в Курске были переданы следующие здания [2, л. 2]:

- Управление НКВД по Курской области – Пастуховская ул., 21;
- Управление милиции – ул. Дзержинского, 81;
- Отдел исправительно-трудовых колоний – Воротня, 4;
- Тюремный отдел и отдел пожарной охраны – Робеспьера, 9.

Начальник управления НКВД по Курской области полковник госбезопасности Аксенов и начальник ХОЗО УНКВД по Курской области капитан госбезопасности Тихов в марте 1943 г. в письме к председателю горисполкома Масленниковой указывали, что квадратная площадь здания № 21 по Пастуховской улице далеко не обеспечивает нужд Управления, для размещения его основных оперативно-чекистских аппаратов и поэтому они вынуждены некоторые из них разместить в соседних домовладениях № 19 по Пастуховской улице. Такое разрозненное размещение аппаратов УНКВД, отмечали авторы письма, может быть терпимо как временное явление. Руководством курского НКВД также указывалось, что ограниченная площадь хоздвора домовладения 21, отсутствие надворных построек, которые возможно было бы приспособить под специальные службы Управления НКВД, как внутренняя тюрьма и др., лишают Управление НКВД соответствующих правил внутреннего распорядка в повседневной работе. В связи с этим Управление НКВД одной из своих задач ближайшего времени ставило вопрос строительства административного корпуса и специальных служб [2, л. 2].

Дом 21 по ул. Пастуховской изначально был двухэтажной городской усадьбой купца Алехина Аркадия Васильевича – «заступающего место городского головы» Курска в 1897–1904 гг., городского головы в 1905–1908 гг., также он возглавлял управление Курском с 13 марта по 28 июля 1917 г., стал жертвой «красного террора» [3, с. 20]. После муниципализации здание занял Горкомхоз [4, л. 27]. В 1930-е г. бывший жилой дом был реконструирован под общественное здание: расширен, доведен до трех этажей, фасад стилизован под постконструктивизм. Главный фасад получил симметричную композицию с четким горизонтальным членением этажей тягами. Первый этаж – рустованный стилобат, под окнами второго парадного этажа, опирающимися на полочку – профилированные по периметру филенки, третий этаж облегченный – гладкое поле стены с проемами окон. Центральная трехоконная ось ранее заканчивалась высоким аттиком с лепным горельефом с фрагментом части земного шара. В ходе военных действий здание по Пастуховской, 21 не пострадало.

В апреле 1943 г. из НКВД СССР выделяются оперчекистские управления и отделы в отдельное ведомство – НКГБ СССР.

Согласно постановления СНК СССР от 1 ноября 1945 г. № 2722 «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР: Смоленска, Вязьмы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Пскова, Севастополя, Воронежа, Новгорода, Великих Лук, Калинина, Брянска, Орла, Курска, Краснодара и Мурманска» НКГБ СССР должно было построить в Курске жилой дом на 0,6 тыс. кв. м [5, л. 11].

В справке о выполнении постановления № 2722, составленной в первом квартале 1946 г. конкретизировалась строительная работа ведомства: НКГБ СССР восстанавливал дома по ул. Пастуховской, 1 на 34 кв., по ул. Дружининской, 26 на 24 кв. Первый дом должен был быть сдан к 1 июля 1946 г., второй – в декабре 1946 г. [5, л. 38].

В стенограмме совещания о ходе строительства и заключении договоров при председателе горисполкома от 13 февраля 1946 г. управляющий госбанком констатировал: «УНКГБ – восстановление дома – восстановление объектов в 1945 [шло] плохо, мы были вынуждены закрыть финансирование за бесхозяйственность. Только разбор завалов, установка ограждений. Объект на Дружининской они отказались строить. Строят они очень плохо, ассигнования 900 тыс. руб. с вводом в эксплуатацию в 1946 г. 100 кв. м., но вряд ли это будет сделано, этому грозит опасность» [5, л. 225–226].

Представитель НКГБ на это ответил: «Капиталовложения на 1946 г. предусмотрены 1 млн. 330 тыс. руб., административный корпус 1 млн. 115 тыс. руб., на Дружининской, 1 жилдом на 24 квартиры и жилой дом на Пастуховской 125 тыс. руб. Проект утвержден. Годовой титул утвержден, квартальный титул утвержден, работа идет хозяйственным способом. Тормозит отсутствие общежитий у рабочих, и нет достаточно

квалифицированной рабочей силы. Благодаря отсутствию общежитий мы не можем взять военнопленных и приходится брать небольшое количество. Мы просили отвести нам какое-нибудь здание в районе поблизости, но такого не имеется. Сейчас стоит вопрос о постройке лагеря в городе – участок подыскан, против Мясокомбината по Литовской улице, решили там построить стройдвор и небольшой гараж – площадь 1,9 га. Мы просили дать нам возможность вести вербовку в районах, своей рабочей силы мы имеем сейчас около 30 чел. и 50 военнопленных, а должно быть 450 чел.» [5, л. 229].

В марте 1946 г. Народный комиссариат государственной безопасности СССР был переименован в Министерство государственной безопасности СССР.

Угловой жилой дом на Пастуховской, 1 / Дзержинского, 66 являлся не новым, а восстановительным строительством.

Изначально проект многоэтажного жилого дома-комбината с магазинами, зрительным залом, ванными комнатами и калориферным отоплением был составлен по заказу Горсовета Курска в 1934 г. [6, с. 3].

Автором проекта был архитектор проектной конторы «Курскоблпроект» Павел Федосеевич Платонов [7, с. 36; 8, с. 164]. Данный 3/4-этажный жилой дом на 28 квартир (состоящий только из 2- и 3-комнатных квартир) рассчитывался на возведение в строительный сезон 1935 г. [9, с. 6], но в 1935 г. земельный участок с проектом жилого дома были переданы дирекции строящегося завода синтетического каучука № 6 (СК-6).

По желанию нового заказчика проект жилого дома был изменен: увеличено количество квартир до 36 (вероятно, за счет исключения зрительного зала и коммунально-бытовых служб). Дом предназначался для ИТР и рабочих нового завода. Строительство здания было окончено к ноябрю 1936 г. [10, с. 4; 11, с. 3].

В 1943–1944 гг. жилой дом на углу улиц Дзержинского и Пастуховской был передан Управлению НКВД по Курской области.

В списке объектов, разрушенных во время военных событий 1941–1944 гг., составленном инспекцией государственного архитектурно-строительного контроля в 1947 г. указывалось: «Дом 4-х этажный № 66 на ул. Дзержинского. Площадь 2223 кв. м. Разрушен на 65 %. Восстановлен в 44–46 гг.» [12, л. 1 об.].

Окончание восстановительных работ в 1946 г. подтверждается сводной ведомостью принятых в 1946 г. объектов подконтрольного строительства, где указано: «Жилой дом на углу Дзержинского и Пастуховской № 66-1. 1223 кв. м. 4 этажа. Кирпичный. Застройщик Управление МГБ. Подрядчик ХОЗО. Капитально-восстановительные работы. Стоимость по смете 587,1 тыс. руб., фактическая 582,1 тыс. руб. Оценка качества удовлетворительная. Предложено в 1947 г. произвести ремонт и покраску» [13, л. 17 об.].

В 1950-е г. в доме по ул. Дзержинского, 66 проживал будущий краевед, автор публикаций о довоенном Курске и эпизодах Великой Отечественной войны Владимир Тихонович Ковалев (21 мая 1925–23 февраля 2010 гг.), служивший в 1950-е г. в МГБ, КГБ [14].

Контингент рабочих и ИТР стройотдела МГБ на 1 февраля 1947 г. насчитывал 52 рабочих и 4 ИТР, плановое значение потребности не указывалось. Для закрытия потребности планировалось привлечь 80 чел. военнопленных и 250 чел. заключенных исправительно-трудовых колоний [15, л. 2].

В 1946–1947 гг. стройотделом МГБ был оперативно восстановлен сгоревший во время войны жилой дом на 24 кв. по ул. Дружининской, 26 [16, л. 2]. Проект восстановления был разработан в Курскоблпроекте главным архитектором проектов Александром Ивановичем Лезиным по заказу Управления МГБ по Курской области [13, л. 15 об.].

Данный 3-этажный 4-секционный жилой дом был построен в ноябре 1936 г. и предназначался для сотрудников НКВД. В каждой секции было 6 квартир (по 2 на этаж). Все квартиры имели по 3 комнаты с ванной, уборной и кухней [17, с. 4]. Облик и конструктив здания являются примером экспериментального решения творческой и теоретической проблемы советского малоэтажного многоквартирного дома 1930-х гг.

В здании большое внимание было уделено экономичному решению плана, бытовым удобствам квартиры, соблюдению санитарно-технического минимума в отношении инсоляции, вентиляции, благоустройства и инженерного оборудования квартир. В проекте было сведено к минимуму количество типоразмеров деталей и конструктивных элементов, что отвечало государственному курсу по достижению наиболее простых строительных схем и конструкций, позволяющих ускорить темпы строительства.

Фасад здания иллюстрирует отход от конструктивизма и обращение к архитектурному наследию и монументализму. Первый этаж выполнен в виде стилобата, на котором покоятся два парадных этажа. Каждая секция имеет четкую вертикальную ось – ризалит парадной, подчеркнутый пилястрами большого ордера. На втором и третьем этажах по обеим сторонам от ризалитов расположены лоджии с массивными кирпичными ограждениями. Визуально лоджии поддерживаются рустованными пилястрами первого этажа, переходящими в парные пилястры на последующих этажах. Ризалиты и ниши лоджий в сочетании с выступом к красной линии торцевых секций придают фасаду пластичность и центростремительность.

Решением исполкома Курского горсовета от 13 октября 1944 г. № 344 УМКГБ по Курской области и ХОЗО НКВД получили большой земельный участок по ул. Добролюбова, 1 [18, л. 43], где началось восстановление здания управления МКВЖД для размещения

административных и оперчекистских подразделений ведомства госбезопасности и строительство складов и гаража стройотдела НКВД.

Первыми жилыми зданиями в квартале Управления МГБ стали 2 новых угловых 3-этажных дома по ул. Гайдара, 2 и 14. Строительство обоих началось в августе 1951 г. Застройщиком выступало Управление МГБ СССР по Курской области, подрядчиком – стройотдел ХОЗО Управления МВД СССР по Курской области.

В основе этих домов типовые 2-этажные проекты, которые привязывались к местности с переработкой фасадов и наращиваем одного этажа. Это производилось главным архитектором проектов «Курскоблпроекта» А. Ю. Ехауекимом.

По дому Гайдара, 14 очень обрывочные и противоречивые сведения.

В основе здания изначально было две 2-этажные секции (рядовая и угловая): проект 1-223-128 архитектора Д. Г. Олтаржевского из Государственных архитектурных мастерских. Архитектор А. Ю. Ехауеким добавил дому частичный «подвал»: под рядовой секцией объект МПВО и под крайними окнами угловой секции помещения домовой котельной. В связи с тем, что участок имеет угол менее 90 градусов, был изменен план угловой секции. Также здание механически увеличено на 1 этаж. Архитектор привязки стилизовал фасад под более строгий неоклассицизм: рустованный этаж-стилобат с двумя парадными этажами, подоконные филенки в стиле фасадов домов периода Екатерины II. Чтобы избежать острого угла здания Ехауеким его срезал и обрамил получившуюся плоскость стены цепями рустов, добавив консольные балконы, придавшие постройке более пластичный и торжественный вид.

Здание стало долгостроем и было сдано только в 1957 г. [19, л. 134–136]. В документах сдачи МГБ-КГБ уже не упоминаются. В связи с этим, возможно, стройка затянулась из-за передачи объекта из КГБ в МВД.

В 1958 г. к зданию была пристроена вторая рядовая секция по проекту инженера В. А. Лысова из ХОЗО МВД [20, л. 243–245]. В ее основе план типовой секции проекта 1-447 («хрущевки»), механически подогнанный под габариты существующего здания.

Угловой 3-этажный 24-квартирный дом с магазином и убежищем по ул. Гайдара, 2 / Дзержинского, 54 строился с апреля 1951 г. по сентябрь 1953 г., начальник строительства Федулов (снос коробки гостиницы НКВД, разрушенной во время оккупации, начался еще в 1949 г. и проводился без технической документации [16, л. 2]) [21, л. 108 об.].

В основе здания проект 2-этажного углового типового дома 1-204-133 архитекторов П. Н. Арановича, Е. С. Савченко из Государственных архитектурных мастерских. Архитектором привязки выступал архитектор А. Ю. Ехауеким [22, л. 7; 23, л. 187–189], который добавил зданию подвал, для размещения склада магазина, объекта МПВО и домовой котельной. Также дом механически был увеличен на один этаж.

Главные фасады по ул. Дзержинского и Гайдара Ехауекимом были переработаны. Балконы второго этажа заменены эркерами, опирающимися на небольшие простые кронштейны. В угловой части эркеры выполнены как 2-этажные ризалиты. Широкие окна эркеров обрамлены наличниками с лепным растительным орнаментом. Под окнами размещены прямоугольные филенки. В уровне третьего этажа эркеры переходят в балконы с ажурными решетками. По флангам фасадов в уровне второго этажа выполнены широкие угловые балконы, опирающиеся на кронштейны, предложенные Арановичем и Савченко в виде S-образных волнот с листьями аканта. Ехауекимом они были выполнены в двойном более массивном размере. Венчающий карниз небольшого выноса прост и выполнен в виде ступенчатого, мелкопрофилированного узкого пояса. В угловой секции фасад продолжается выше карниза в барочный щипец. В щипце со стороны ул. Гайдара размещена круглая филенка, со стороны ул. Дзержинского – картуш в виде обвитого гирляндой гербового щита с нанесенной на него датой окончания строительства (1953 г.). Редкий для Курска архитектурный элемент. Дворовые фасады выполнены по типовому проекту.

В восточной части рядовой секции по ул. Дзержинского в план первого этажа добавлен продуктовый магазин. Фасадная стена в размерах магазина рустована, что подчеркивает общественное назначение помещения. Здесь после сдачи дома открылся 4-й филиал Курского гастронома.

Дом был сдан в сентябре 1953 г., когда уже произошло объединение МГБ и МВД [23, л. 168; 24, л. 21].

В 1952 г. для МГБ был закончен строительством (согласно техпаспорту) и самовольно заселен (в списках принятых объектов в эксплуатацию не значится) угловой 2-этажный жилой дом на 12 квартир по проекту 1-228-6 по ул. Золоторевской, 13/4. Причем фасады здания были лишены даже весьма аскетичного декора авторов-архитекторов С. П. Селивановского и С. П. Тургенева из Горстройпроекта.

В 1956 г. в глубине участков по ул. Золоторевской, 4 и 6 для КГБ были выстроены 2 одноэтажных 2-квартирных щитовых домов по проекту Щ-3-50 [26, л. 19 об.]. О дальнейшей судьбе этих зданий сведений найти не удалось.

Последним домом для работников КГБ в стиле советского монументального классицизма (в уже безордерной вариации) стал 5-этажный жилой дом по ул. Золоторевской, 4.

В январе 1956 г. начальник Управления КГБ по Курской области Ф. И. Копылов обратился в «Курскоблпроект» с заказом привязать на 4 участке улицы 30-квартирный дом (первую очередь 60-квартирного дома) типового проекта серии 1-405-2 [27, л. 5]. Разделение протяженного 4-х секционного дома на 2 очереди строительства (по 2 секции в каждой)

произошло из-за нахождения в 6 и 8 домах по ул. Золоторевской ведомственных детского сада и яслей, которые некуда было перевести.

Проект дома был утвержден ВСО КГБ 23 марта 1956 г. Строительство дома велось с ноября 1956 по октябрь 1958 г. силами ХОЗО УКГБ по Курской области, начальник строительства М. Х. Халиф [20, л. 118–120].

Проект 1-405-2 был разработан в проектно-институте «Ленпроект» в 1954 г. и предназначался для строительства в Ленинграде. Это был 5-этажный 4-секционный прямоугольный в плане 60-квартирный дом (с 2- и 3-комнатными квартирами) с неоклассическим решением фасадов свойственных Ленинградской архитектурной школе (хорошие пропорции, симметрия, строгость и сдержанность в использовании декоративных элементов). Привязкой здания занимался архитектор А. Ю. Ехауеким. В связи с выходом в конце 1955 г. постановления о борьбе с архитектурными излишествами архитектору пришлось лишить фасады здания обрамления балконов колоннами, сандриков, наличников, упростить кронштейны, тяги и карнизы. В связи с возможностью дальнейшей достройки здания его торцы были выполнены глухими, что привело к переносу на главный фасад отсутствующих в нем по проекту окон по флангам.

Переход в 1957–1958 гг. к строительству домов с малометражными квартирами не позволил достроить вторую очередь дома на 6 и 8 участках улицы, а также достроить дом по ул. Гайдара, 2 четвертым этажом, связав оба здания вставкой с аркой.

На основании вышесказанного можно констатировать, что несмотря на ограниченность в трудовых ресурсах и ИТР ведомству государственной безопасности в послевоенное десятилетие удалось не только оперативно восстановить поврежденный жилой фонд, но и осуществить новое ансамблевое строительство по фронту улиц своих административно-жилых кварталов. При этом, не смотря на использование для строительства типовых проектов, ведомство заказывало переработку фасадов для формирования уникального неоклассического облика, а также повышало этажность для соответствия требованиям генерального плана города.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 86.
2. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 11. Д. 6.
3. Озеров Ю.В. Алехин Аркадий Васильевич // Большая Курская Энциклопедия: Персоналии. Т. I. Кн. 1 / главный редактор Ю. А. Бугров ; Курское обл. краеведческое общество [и др.]. Курск, 2004.
4. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 3. Д. 505.
5. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 61.
6. Рин Б. Курск в 1935 году // Курская правда. 1935. 1 янв. (№ 1).
7. Габель В.Ф., Гулин И.Н. Курск. М., 1951.
8. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков : ил. биограф. словарь / Елена Васильевна Холодова ; Кур. гос. ун-т. Курск, 2003.

9. Шестьдесят шесть квартир // Курская правда. 1934. 4 нояб. (№ 111).
10. [Новый жилой дом на углу улиц Дзержинского и Пастуховской] // Курская правда. 1935. 23 окт. (№ 245).
11. [Новый дом завода СК-6] // Курская правда. 1936. 11 нояб. (№ 257).
12. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 92.
13. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 90.
14. Ковалев В.Т. Воспоминания. Курск довоенный. Часть первая. Старый город. — Текст : электронный // Курск дореволюционный и Курская губерния до 1917 года [Электронный ресурс] // URL: http://old-kursk.ru/foto/ozero/page_307.html (дата обращения: 15.12.2020).
15. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 148.
16. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 6.
17. [Закончено строительство 24-квартирного жилого дома для сотрудников НКВД] // Курская правда. 1936. 4 нояб. (№ 253).
18. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 2.
19. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 153.
20. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 156.
21. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 49.
22. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 12.
23. ГАКО. Ф. Р-5346. Оп. 1. Д. 52.
24. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 114.
25. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 110.
26. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 152.
27. ГАКО. Ф. Р-623. Оп. 4. Д. 348.

Е. Л. Моисеев

КУРСКИЙ РАДИОЗАВОД СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ «МАЯК»: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Запуск Обнинской АЭС в июне 1954 г. символизировал начало эпохи «мирного атома», предполагавшей использование нового типа энергии исключительно в мирных целях. Однако для правильной и безопасной эксплуатации атомных электростанций требовалось специальное оборудование, закупка которого обходилась недешево по причине отсутствия во многих местах предприятий, выпускающих радиоизмерительную и дозиметрическую аппаратуру.

В то же время, подобная аппаратура была востребована в оборонной сфере, в частности для испытаний ядерного оружия, игравшего важную роль в противостоянии времен «Холодной войны». Видя потенциал атомной энергетики, советское руководство приняло решение о создании на территории СССР нескольких промышленных гигантов, занимающихся выпуском данной продукции. В ряде городов страны было запланировано строительство новых предприятий, в их число был включен и Курск.

Директором «Курского завода дозиметрической и радиометрической аппаратуры» был назначен Б. З. Альтшуллер, проект курировали

Министерство радиотехнической промышленности (с 1957 г. – Курский совнархоз) и областной комитет партии [1, л. 9–12]. Необходимую документацию было поручено разработать Харьковскому филиалу Государственного союзного проектного института, 14 октября 1957 г. она была окончательно утверждена, но с рядом замечаний. В частности, указывалось на недостаточное количество жилой площади для работников, проблемы с вентиляцией в производственных цехах и отводом дождевых вод с территории предприятия [2, л. 13–14]. В качестве площадки для возведения завода была выбрана обширная территория старого ипподрома, располагавшегося по ул. Выгонной. На момент середины 1950-х гг. это по-прежнему была окраинная часть города, где только создавалась привычная нам сейчас инфраструктура [3, л. 106]. Зачастую именно в таких местах и старались размещать новые промышленные предприятия.

Подготовительные работы велись с 1956 г., в промежутке между автобусной остановкой «ул. Большевиков» с одной стороны и 2-м Суворовским переулком с другой должны были располагаться производственные, хозяйственные и административные здания [4, л. 45, 62]. Началась прокладка системы коммуникаций и дорожного полотна, призванных обеспечить надлежащее снабжение радиозавода. Тогда же были заложены и первые в данном районе 5-этажные дома, квартиры в которых впоследствии были переданы семьям работников предприятия, детский сад и клуб [1, л. 11–12]. Фактически все вышеописанное способствовало дальнейшему расширению города в северо-западном направлении.

В 1956 г. на работы по нулевому циклу было потрачено 2,5 млн руб., заложены основной (заготовительный) корпус № 1, котельная, насосная, трансформаторная подстанция, склад химикатов и кислот, хранилище упаковочных материалов, в результате чего план был перевыполнен на 20 %. Одновременно велись расчеты количества необходимого оборудования и стоимости его закупки, объема потребляемой электроэнергии [1, л. 3; 5, л. 16]. К середине 1957 г. процесс затормозился ввиду недостатка отпущенных денежных средств. Первому секретарю Курского обкома КПСС Л. Н. Ефремову пришлось ходатайствовать о выделении в 1958 г. дополнительно 3 млн руб. на строительство производственных зданий и жилых домов, чтобы радиозавод мог как можно скорее наладить выпуск продукции [1, л. 9–10].

Основное внимание было сосредоточено на изготовлении приборов, позволяющих измерять уровень α (альфа), β (бета) и γ (гамма) излучения («Сенеж», «Тисс», «СП», «РАП» и др.), спрос на которые рос с каждым годом. В корпусе № 2 были размещены станки и конвейерные ленты, здесь проходила сборка данных устройств, после чего их отправляли на испытательную станцию для проверки точности работы и выявления дефектов [1, л. 13, 15–16]. Во 2-й половине 1958 г. была выпущена первая сертифицированная партия, а спустя год радиозаводу удалось полностью

выполнить плановое задание по поставке продукции, в том числе новых корабельных дозиметров типа РБК-1 и стационарных зарядных установок ЗУК-1 [6, л. 32–34].

В рамках семилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1959–1965 гг.) продолжалось строительство корпуса № 9, отделялись дополнительные и специальные помещения (к последним относились убежища № 1-5, располагавшиеся в подвалах) [7, л. 2–3, 33]. Также предусматривался рост количества выпускаемых изделий в среднем на 70–80 %. Это, в свою очередь, требовало значительного расширения штата сотрудников всех уровней: рабочих (со 165 до 388 чел.), инженеров (с 46 до 105 чел.), служащих (с 13 до 26 чел.), обслуживающего персонала (с 3 до 6 чел.). К 1965 г. общая численность работников завода должна была составить 3 643 чел. – в 13 раз больше по сравнению с изначальными показателями. Соразмерно этому постепенно росла и сумма, отчисляемая региональным бюджетом в фонд заработной платы [8, л. 1, 5].

Вплоть до 1963 г. шло строительство основных зданий завода, их перепланировка в соответствии с коррективами, вносимыми дирекцией предприятия и профсоюзом [9, л. 58–60]. С начала 1960-х гг. рабочий коллектив активно включается в соцсоревнование с другими предприятиями Курского совнархоза. В 1964 г. было создано бюро рационализации, изобретательства и технической информации (БРИЗТИ). Все это позволило довольно быстро наладить экспорт качественных изделий не только в другие регионы СССР, но и в страны народной демократии: ГДР, Польшу, Чехословакию, Венгрию и др.

Осенью 1965 г. были ликвидированы совнархозы [10, с. 694], в связи с чем завод был передан Главному управлению воссозданного Министерства Радиопромышленности СССР [11, л. 30, 38]. 1 октября 1966 г. он получил новое наименование, которое сохраняется и по сей день – радиозавод «Маяк» [12, л. 49]. Среди других изменений 1960-х гг. можно выделить расширившийся ассортимент выпускаемой продукции группы «А» (генераторы импульсов, вакуумметры, сигнальные установки, измерители частотных характеристик) [11, л. 11; 13, л. 4], постепенное снижение себестоимости товаров за счет экономии ресурсов и рационализации труда, однако главные новшества были связаны с начавшейся в СССР экономической реформой «Косыгина-Либермана».

В Курскую область она пришла не сразу, но уже в 1968 г. в статистических отчетах завода фиксируются ранее не характерные для плановой системы элементы: показатели полученной прибыли от реализации продукции, рентабельность, специальные фонды [14, л. 52–63]. Суть реформы заключалась в том, чтобы усилить рост производительности труда с помощью дополнительного стимулирования работников и улучшения технического оснащения промышленности. Одновременно было снижено число плановых показателей, введены элементы самоуправления и хозрасчета, а предприятиям предоставили право

оставлять у себя часть прибыли и распределять ее по трем фондам: 1) материального поощрения; 2) социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; 3) развития производства [15, с. 324]. Однако подобное введение рыночных механизмов в дальнейшем привело к тому, что распространилась практика корректировки планов в сторону их уменьшения [16, с. 279], а полученные от продажи товаров деньги направлялись в основном в первые два фонда, «Маяк» здесь не стал исключением [14, л. 60–63]. И если на первом этапе это дало определенный эффект, то со временем процент отчислений на развитие производства и амортизацию стал снижаться, тогда как заработные платы и премии довольно быстро увеличивались (в 1966 г. на заводе средняя зарплата составляла около 60 руб., а в 1976 г. уже превышала 120 руб. [14, л. 29; 17, л. 23]), усиливая, тем самым, существовавшие диспропорции между количеством произведенных товаров и денежной массой, находившейся в обращении.

К началу 1970-х гг. на предприятии сложилась такая обстановка, что дальнейшее увеличение производственных мощностей стало невозможным по причине отсутствия площадей для расширения вспомогательных цехов, технических служб и бытовых помещений [14, л. 263–264]. Последними введенными в строй объектами стали корпус № 9, здание детского сада и жилой дом со встроенной библиотекой по ул. 50 лет Октября (до 1967 г. – ул. Выгонная), домик охраны хозяйственного двора и овощехранилище для столовой [17, л. 35; 18, л. 49–52]. Поскольку завод итак работал при двухсменном режиме, возможности для наращивания производительности труда также сокращались. Возникали и проблемы иного характера, связанные с качеством выпускаемой продукции, например, в 1972 г. на адрес завода поступил ряд рекламаций от войсковых частей Брянской, Московской, Ленинградской областей и Министерства заготовок УССР с указаниями на дефекты изделий или их полную неработоспособность, однако предприятию удавалось быстро их решать [19, л. 1–2, 18–19, 22–23, 32–33].

Косыгинская реформа была в последующем скорректирована специальным постановлением Совета Министров СССР от 21 июня 1971 г., теперь если предприятие не выполняло плановые задания в установленные сроки, то фонд экономического стимулирования мог пополняться лишь на 40 % от полученной прибыли. Также в нем имелось указание на то, что рост заработной платы работников предприятий должен быть поставлен в строгую зависимость от показателей производительности труда [20]. В то же время в плане перспективного развития завода «Маяк» на 1976–1980 гг., подписанном А. И. Кормилицыным (директор предприятия с 1973 г.), видна существенная прибавка в 30 % к фонду материального поощрения при не столь высоком росте производительности. Помимо этого, наблюдается тенденция к сокращению выпуска некоторых товаров народного

потребления (группа «Б»), а также относительно недорогих дозиметрических приборов [17, л. 61–62, 128].

В совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. говорилось о необходимости расширения ассортимента производимых товаров народного потребления и улучшении их качества [21]. В этом «Маяк» уже давно преуспел, начав выпуск медицинских приборов (рентгенометр МРМ-3, электростимулятор ЭСУ-2, «Амплипульс-4»), электропечей, гирлянд, настенных светильников, вешалок, карманных фонариков, музыкальных шкатулок, спутников радиолюбителя, набора туриста-рыболова, игры «Спортлото» и др. [17, л. 2–3; 22, л. 2, 9, 12]. К 1982 г. в перечень продукции были дополнительно включены 3-программные переносные радиоприемники, громкоговорители, микшеры и усилители звука, планомерно наращивалось их количество [23, л. 2, 5, 13].

В годы XI-й пятилетки (1980–1985 гг.) в каждом цехе появилась комиссия по культуре производства, следившая за состоянием помещений, соблюдением работниками техники безопасности и т. д. [24, л. 78, 124–125]. Нестандартным, но весьма полезным на тот момент решением была организация в 1983 г. при радиозаводе участка для разборки и утилизации принятой от населения бытовой техники, отдельные детали которой можно было в дальнейшем использовать при производстве различной аппаратуры [24, л. 62–64]. В целом предприятие оставалось рентабельным: росли объем реализованной продукции и производительность труда, однако наблюдались и серьезные недостатки: увеличение травматизма на 40 %, недостаточная автоматизация, износ старого оборудования и медленное освоение нового (станки с ЧПУ), большой процент бракованных изделий, текучесть кадров, рост средней заработной платы на 3,3 % выше обозначенных в плане показателей [24, л. 142–145, 219–222].

В начале Перестройки радиозавод помимо своей основной деятельности занимался постройкой жилья (кооперативный 9-этажный дом по ул. Чернышевского) и благоустройством закрепленной за ним территории (пионерский лагерь им. Фрунзе, детский сад, зона отдыха в районе с. Шуклинка и др.) [25, л. 37–38, 42]. Но работать по-старому уже было невозможно в условиях непростой экономической ситуации в СССР и объявленного М. С. Горбачевым курса на «ускорение». В 1985 г. в рамках проводимого в стране экономического эксперимента промышленные предприятия частично переводились на хозрасчет, для курского «Маяка» степень охвата была определена в 35 % [25, л. 2]. Однако темпы ввода в строй новых мощностей и технологий были признаны в 1987 г. неудовлетворительными, отмечался также крайне низкий уровень изобретательской и рационализаторской работы [26, л. 1–2].

На 1989–1991 гг. предусматривалось строительство большого механосборочного корпуса, но этим планам уже не суждено было сбыться.

Перейдя на полное самоуправление и самофинансирование по закону 1987 г. «О госпредприятии», «Маяк» был вынужден самостоятельно реализовывать продукцию и искать различные источники дохода [27]. В 1988 г. при радиозаводе был создан кооператив, занимавшийся перепродажей производимых товаров по рыночным ценам. Углубление конверсии производства, снижение числа поставок сырья привели к тому, что сначала резко упала производительность труда при одновременном росте зарплат, сократились объемы производства и реализации (товары либо уходили в кооператив, либо оставались на складах), а затем и вовсе пришлось высвободить часть рабочей силы и продать неиспользуемое оборудование [28, л. 84–85, 93, 212]. Ситуация становилась все более катастрофической: в 1990 г. спад производства составил примерно 10 %, в 1991 г. – уже 35 % [29, л. 69; 30, л. 30, 70].

Переход на рыночные отношения начал осуществляться еще в 1991 г., на радиозаводе была проведена инвентаризация хранившихся запасов товарно-материальных ценностей, пересмотрены тарифные ставки, преysкуранты и должностные оклады [30, л. 222, 230; 31, л. 5, 36, 59]. В январе 1992 г. прокатилась новая волна массовых сокращений, без значительных государственных дотаций завод не мог позволить себе содержать около 3 000 рабочих. Чтобы поддержать оставшихся во время переходного периода, на уровне Администрации г. Курска даже было издано специальное постановление № 206 от 3 апреля 1992 г., согласно которому коллективу завода «Маяк» было выделено 15 га пашни из земельного фонда колхоза «Новая жизнь» в районе д. Жердево во временное бесплатное пользование под огороды [32, л. 21].

Радиозавод по-прежнему играл важную роль для ВПК, поэтому он не попал в программу ваучерной приватизации и уже в мае 1994 г. был преобразован в государственное унитарное предприятие (ГУП «Курский завод «Маяк»»), в то же время в частную собственность начали переходить квартиры принадлежащего ему жилого фонда, в которых проживали рабочие [33, л. 252]. С целью преодоления сильного спада производства была сделана ставка на скорейшую реализацию накопившейся продукции и закупку на вырученные средства высокотехнологичного импортного оборудования [31, л. 139, 145]. Но это не помогало, и в том же году новому директору завода А. С. Зубареву пришлось несколько раз принимать решение о сокращении штата и временной приостановке деятельности вначале отдельных цехов, а затем и всего предприятия в целом [34, л. 25, 31, 33, 46, 53, 58, 117].

Несмотря на все это, завод продолжал существовать и постепенно смог адаптироваться к новым реалиям. В середине 1990-х гг. обсуждалось множество насущных вопросов, в частности речь идет об организации локальной информационной сети на базе ЭВМ, разработке планов мероприятий по благоустройству прилегающей территории и ремонту охранной зоны, реорганизации ряда отделов и заключении договоров с

российскими предприятиями на поставку товаров и сырья [35, л. 41, 44, 55]. Завод продолжал сотрудничать с образовательными организациями, в июне 1994 г. часть старых радиоизмерительных и дозиметрических приборов 1970–1980 гг. выпуска была безвозмездно передана кафедре Курского политехнического университета для использования в процессе обучения студентов [34, л. 140]. В 1995 г. было образовано дочернее предприятие «Маяк-Орбита-Сервис», занимавшееся сбытом товаров народного потребления [36, л. 127, 175]. Для его обеспечения издавались специальные распоряжения, согласно которым необходимо было наращивать производство товаров повышенного спроса (многоканальные радиоприемники, изделия радиационного и газового контроля, медицинские приборы, светильники и др.) [36, л. 149; 37, л. 1, 71, 138].

Но уже в 1997 г. по причине невозможности дальнейшего сохранения статьи расходов на закрепленные за «Маяком» социальные объекты (детский сад, жилой фонд, клуб) все они, за исключением санатория и двух общежитий, были переданы другим организациям. Грянувший в августе 1998 г. дефолт оказал серьезное воздействие на и без того сложное финансовое положение завода, в результате чего тот был вынужден вновь объявить о временном простое, продолжавшемся три месяца, а в декабре и вовсе законсервировать часть цехов и производственного оборудования [38, л. 72, 74, 85, 163]. В 1999 г. снова был урезан штат, установлена 4-дневная рабочая неделя, периодически завод приостанавливал деятельность [39, л. 9, 42–43, 93, 111, 140]. Вместе с тем, на фоне обострения ситуации в Чечне стал постепенно увеличиваться спрос со стороны государства на поставку военной техники, что позволило в июне 1999 г. увеличить зарплаты сотрудников в среднем на 20 % [38, л. 119; 39, л. 147]. В 2000 г. был ликвидирован научно-исследовательский центр при заводе в связи с отсутствием средств на проведение новых испытательных работ. Получаемая прибыль направлялась в основном на погашение задолженности, плановый ремонт зданий и помещений [40, л. 34, 91, 108]. Однако вскоре положительная динамика сбыта гражданской продукции и аппаратуры для нужд армии позволила в начале нулевых постепенно увеличить прибыль, поднять уровень жизни рабочих, автоматизировать процесс сборки готовых изделий, частично вернуть 5-дневную рабочую неделю, восстановить отдел разработки спецтехники и научно-технический совет [41, л. 4, 59, 74, 98, 117, 150, 200].

Основными заказчиками продукции в начале 2000-х гг. стали Курская, Ленинградская, Калининская, Смоленская и Волгодонская АЭС, НИИ атомных реакторов им. А. П. Александрова и Минобороны РФ. Список производимых изделий дополнили вновь разработанные генераторы импульсов Г-5, измерители коэффициентов стоячей волны по напряжению, передач и отражения, модифицированные дозиметрические приборы и т. д. Следуя духу времени, «Маяк» создает собственный

официальный сайт в Интернете и адрес электронной почты, упрощающие коммуникацию с поставщиками и покупателями [42]. Но в то же время статистические показатели радиозавода так и не смогли достичь уровня 1980-х гг., а наступивший в 2008 г. мировой экономический кризис вновь серьезно ударил по стабильной работе предприятия.

В рамках государственного плана «точечной» приватизации и в соответствии с положениями Федерального Закона 2001 г. ФГУП «Курский завод «Маяк» было преобразовано 14 июля 2011 г. в открытое акционерное общество по причине своей нерентабельности [43]. Период перехода на новую организационно-правовую форму характеризуется ухудшением финансового состояния предприятия (потеря государственных субсидий), высокой текучестью кадров и частой сменой руководства. Для покрытия убытков даже было решено сдавать в аренду часть цеховых помещений, ранее законсервированных в конце 1990-х гг. [42].

ПАО «Курский завод «Маяк» (в 2014 г. открытые акционерные общества были преобразованы в публичные) в условиях очередного кризиса и падения спроса со стороны атомных электростанций более не могло существовать за счет оборонных заказов, в 2017 г. оно было присоединено к ПАО «Нижегородское научно-производственное объединение имени М. В. Фрунзе» в качестве филиала, в статусе которого оно находится по сей день [44]. До 2020 г. планировалось выделить на техническое перевооружение объединения около 9,2 млрд руб. Часть этой суммы должно было выплатить государство, так как за ним закреплён значительный процент акций объединения [45].

В последние годы курскому радиозаводу пришлось столкнуться со многими трудностями. Разразившаяся весной 2020 г. пандемия коронавируса вызвала новый спад производства. Для противодействия распространению инфекции Президентом РФ была объявлена нерабочая неделя [46], продленная впоследствии до конца мая, также на предприятии, как и во всех организациях города, был введен масочный режим. В январе 2021 г. болезнь унесла жизнь Вадима Усачева, возглавлявшего завод с 2017 года [47]. Весной следующего года в связи с резко возросшим уровнем санкционного давления на нашу страну обострилась проблема с закупкой нового оборудования и поддержкой действующих мощностей. При этом появился дополнительный стимул к развитию собственного производства в рамках политики импортозамещения. И «Маяк» активно работает в данном направлении: в апреле 2022 г. специалисты радиозавода разработали систему мониторинга загрязненности атмосферы «Чистая среда» для контроля за выбросами вредных веществ в окружающую среду, в настоящее время продолжается разработка новых измерительных и дозиметрических приборов [48].

Как мы видим, история курского радиозавода тесно связана как с экономическим развитием страны в целом, так и с отдельными

политическими событиями. Начав свою деятельность как относительно небольшое предприятие регионального масштаба, «Маяк» смог быстро наладить производство жизненно необходимых для советской промышленности товаров, зарекомендовать себя в глазах заказчиков продукции и даже создать целый городской микрорайон. Пережив процесс деиндустриализации 1990-х гг. и последующие кризисы, сменив ряд организационно-правовых форм, завод по-прежнему продолжает работу, пусть и в несколько «урезанном» виде. А учитывая тот факт, что большинство выпускаемых им изделий на данный момент производится из отечественного сырья, решение проблемы с оборудованием позволит в перспективе не только улучшить финансовое положение завода, но и вернуть ему ту значимую роль, которую он играл в советский период.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 3.
2. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 5.
3. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 2. Д. 117.
4. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 3.
5. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 14.
8. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 10.
9. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 29.
10. История России XX – начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. М., 2006.
11. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 80.
12. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 97.
13. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 98.
14. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 134.
15. Щагин Э.М. Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века. М., 2008. Кн. 2.
16. Королев Б.Н. История и современность Курского края. Курск, 2012.
17. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 284.
18. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 198.
19. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 1. Д. 217.
20. Постановление Совета Министров СССР от 21 июня 1971 г. № 413 «О некоторых мерах по улучшению планирования и экономического стимулирования промышленного производства» [Электронный ресурс] // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=105337> (дата обращения: 14.03.2022).
21. Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г. № 695 «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» [Электронный ресурс] // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_10003.htm (дата обращения: 20.03.2022).

22. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 673.
23. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 724.
24. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 737.
25. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 805.
26. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 898.
27. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» от 30 июня 1987 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=35638> (дата обращения: 06.04.2022).
28. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 930.
29. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 951.
30. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 952.
31. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 962.
32. ГАКО. Ф. Р-769. Оп. 1. Д. 12.
33. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 973.
34. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 981.
35. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 982.
36. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 988.
37. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 1001.
38. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 1008.
39. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 1012.
40. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 1017.
41. ГАКО. Ф. Р-812. Оп. 2. Д. 1018.
42. Официальный сайт Курского радиозавода «Маяк» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kursk-mayak.ru> (дата обращения: 24.05.2022).
43. Федеральный закон «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35155 (дата обращения: 26.05.2022).
44. Официальный сайт ПАО «Нижегородское научно-производственное объединение имени М. В. Фрунзе» [Электронный ресурс] // URL: <http://nzif.ru> (дата обращения: 26.05.2022).
45. Рыскаль Р. Курский завод «Маяк» присоединяют к нижегородскому НПО имени М. В. Фрунзе [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3371284> (дата обращения: 10.06.2022).
46. Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» [Электронный ресурс] // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003250021> (дата обращения: 14.06.2022).
47. В Курске на 43-м году жизни скончался директор завода «Маяк» [Электронный ресурс] // URL: <https://riakursk.ru/umer-direktor-kurskogo-zavoda-mayak> (дата обращения: 14.06.2022).
48. Мишкина З. На курском заводе разработали систему мониторинга загрязненности окружающей среды [Электронный ресурс] // URL: <https://kursk-izvestia.ru/news/183659> (дата обращения: 14.06.2022).

Е. Л. Моисеев

**КУРСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ
В СВЕТЕ ПОЛИТИКИ «ГЛАСНОСТИ»
(1987–1991 гг.)**

Последние годы существования Советского Союза характеризуются множеством изменений во всех сферах общественной жизни, и практически каждое из них оценивается крайне неоднозначно. Пожалуй, главным из них является процесс демократизации советского общества, инициатором которого изначально выступило высшее руководство страны. На XXVII Съезде КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.) прозвучало обращение к гражданам, в котором говорилось о необходимости дальнейшего развития социалистической демократии в соответствии с идеями В. И. Ленина. И уже тогда был использован термин «гласность» [1, с. 54–60], смысл которого был раскрыт несколько позже в рамках проводившегося в начале 1987 г. январского Пленума Центрального Комитета КПСС.

Под «гласностью» понималось, прежде всего, расширение внутрипартийной демократии, критики и самокритики, повышение роли местных Советов и первичных партийных организаций в политической жизни, широкое освещение проблем общественного развития и их всенародное обсуждение [2, с. 9–10, 14]. Все это должно было способствовать преодолению идеологического догматизма, существенному ускорению перестроечных процессов, формированию у широких народных масс мнения о необходимости проведения тех или иных реформ [3, с. 394–395].

Как отмечают многие исследователи, «гласность» серьезнейшим образом радикализовала советское общество [4, с. 772]. Всего за несколько лет был осуществлен переход от цензурной политики времен «развитого социализма» к практически полной свободе слова, сопряженной поначалу с трансформацией видения социализма и марксистско-ленинской идеологии, а затем – с фактическим отказом от этих базисов, на которых когда-то строилось союзное государство. Велика была в этом процессе роль изобразительного искусства, телевидения, театра, кино, художественной литературы, бесчисленных дискуссионных клубов [5, с. 387–390]. В результате сформировавшиеся у перестроечного поколения идеалы и убеждения уже далеко не всегда совпадали с тем, что декларировалось официальной пропагандой. «Гласность» постепенно пронизывала собой все, начиная от партийных собраний и заканчивая повседневными разговорами. Тем для обсуждения было достаточно, ведь с 1987 г. в стране начинаются радикальные экономические преобразования, а с 1988 г. – реформа политической системы.

Обо всех текущих событиях люди узнавали в первую очередь благодаря периодической печати, тиражи которой начали расти в то время невиданными темпами. Общество в буквальном смысле захлестнул поток информации, связанной с темой «Перестройки», что резко отличает период 1987–1991 гг. в истории российских СМИ от остальных. Подобных масштабов российская периодика никогда ранее не видела, и вплоть до сегодняшнего дня данный «рекорд» так и не удалось побить. Уже к 1992 г. интерес читателей значительно ослаб на фоне общей усталости от горбачевских реформ, объективного анализа их результатов и осознания того, что большая часть информации в газетных статьях того времени была политически ангажированной или попросту лживой [6, с. 168]. Переход на рыночные отношения вынудил многие издания, ранее получавшие государственное финансирование, искать новые источники дохода. Те, что были связаны с КПСС, либо перестали существовать, либо прошли через процесс реорганизации, а ряд мелких независимых СМИ перешел под контроль крупных информационных агентств.

В центральной и областной периодической печати основное внимание уделялось статьям общественно-политической направленности. На страницах «Курской правды», печатного органа Курского областного комитета КПСС, уже к середине 1987 г. появляются заметки «Учимся демократии» [7, с. 2], «Наступление на “самого худшего внутреннего врага”» [8, с. 3], в которых содержалась критика недостатков советской системы: бюрократизма, административного стиля руководства, «избирательной» демократии, боязни новшеств и др. В них и не только подчеркивается преемственность нового политического курса по отношению к 1920-м гг., его революционный характер, периодически встречаются попытки «нового прочтения» В. И. Ленина. В самой газете все чаще публикуются письма читателей, аналитические тексты и сообщения о текущих событиях «Перестройки» [9, с. 3]. Постоянно указывается на необходимость преодоления каждым человеком своей пассивности и нерешительности в различных вопросах, изменения стиля мышления и повышения уровня ответственности руководителей за принимаемые решения [10, с. 1]. Встречаются и заметки о партии, в которых говорится о возрождении принципа «демократического централизма», который позволил бы сформировать общую платформу и новую программу, учитывающую интересы каждого трудящегося [11, с. 1]. По мере нарастания кризиса в 1990 г. меняется содержание статей: появляются рассуждения о жизнеспособности социализма и марксистской идеологии [12, с. 2], о политической и избирательной системе будущей России [13, с. 3], альтернативных партиях и движениях [14, с. 3] – тем самым поддерживая наметившуюся тенденцию по лишению КПСС властных полномочий и формированию демократического государства парламентского типа.

Второй по значимости темой несомненно были экономические реформы, о ходе которых писали практически в каждом номере «Курской правды». И если поначалу такие статьи носили скорее пропагандистский характер («Утверждать арендные отношения» [15, с. 2], «Возродить хозяина на земле» [16, с. 2], «Переход к рынку и дисциплина» [17, с. 3]), способствуя продвижению идей «ускорения» научно-технического прогресса, дальнейшему внедрению хозрасчета на промышленных предприятиях, арендного подряда в сельском хозяйстве и т. д., то в 1989–1990 гг. они превратились в развернутые споры об эффективности плановой системы [18, с. 3], о неизбежности дефицита при сохранении существующих механизмов производства и распределения [19, с. 3]. Единственно возможным путем выхода из данной ситуации признавался переход к рыночной экономике, работающей, как заверяли авторы публикаций, в интересах всего общества в целом [20, с. 3].

Третью группу статей в «Курской правде» составляют заметки о советском прошлом и его переосмыслении, их было гораздо меньше по сравнению с остальными, но и они вносили свою лепту. В январе 1989 г. выходит материал о формировании комиссии при Политбюро ЦК КПСС, занимавшейся изучением документов, связанных с репрессиями 1930-х – 1950-х гг. [21, с. 1]. В следующем месяце читатели могли увидеть публикацию о лидере Монгольской народно-революционной партии Чойбалсане, где период его правления был представлен в самых черных тонах [22, с. 3]. Активной критике в той или иной степени подверглась вся история СССР, но в особенности – период руководства страной И. В. Сталиным. В статье «Зигзаги “Краткого курса”» говорится об отходе вождя от идей марксизма, сознательной фальсификации им брошюры Ф. Энгельса с целью легитимации проводимой в то время политики коллективизации [23, с. 3]. Чуть более снисходительно авторы относились к Н. С. Хрущеву и Л. И. Брежневу, но если период 1965–1982 гг. сразу был заклеен «Застоем», то «Оттепель» 1950-х – 1960-х гг. виделась многим людям как глоток свежего воздуха, а начатая «сверху» либерализация – как интересный и жизненно важный пример для нынешнего поколения советских граждан [24, с. 2].

К последней категории публикаций ведущей областной газеты можно отнести тексты, посвященные религиозному вопросу. Официальное празднование в 1988 г. 1000-летия Крещения Руси, по мнению В. Л. Юрковецкого, стало переломным моментом по отношению к верующим. Антирелигиозная пропаганда ушла в прошлое, теперь каждый человек мог сам выбрать, исповедовать ему ту или иную религию или нет [25, с. 4]. Русской православной церкви начали возвращать принадлежавшие ей ранее здания и территории, этому процессу посвящена статья Л. Штукиной, где рассказывается о Коренной пустыни [26, с. 3]. Разрушенные же постройки начали активно восстанавливать, что по мнению корреспондента В. Савенкова, должно было способствовать

духовному возрождению советского общества и его единению вокруг чего-то нового [27, с. 2]. Подобные статьи во многом носили единичный характер, но получали при этом весьма существенный отклик со стороны читателей.

В Курской области существовали и молодежные издания, в авангарде которых стояла «Молодая гвардия», выпускавшаяся региональным отделением ВЛКСМ. По степени своей радикальности ее публикации о «белых пятнах» отечественной истории значительно превосходили остальные издания. Это и изобличение культа личности И. В. Сталина [28, с. 3], и обширные статьи об ужасах ГУЛАГа и репрессиях 1930-х – 1950-х гг. [29, с. 3; 30, с. 2], новый взгляд на политику П. А. Столыпина в аграрной сфере [31, с. 1] и др. В газете также размещались сообщения о текущих событиях в стране, не упускались из виду дефицит товаров народного потребления [32, с. 1], всевозможные митинги, акции протеста, забастовки [33, с. 1; 34, с. 1], межнациональные конфликты в союзных республиках [35, с. 2–3]. Как и в «Курской правде», периодически можно было встретить философские заметки о дальнейшем пути СССР, различных путях преобразования государства [36, с. 2]. Отличало же «Молодую гвардию», прежде всего, наличие большого числа материалов, посвященных молодежной политике, школьной реформе, а также развлекательных рубрик, среди которых даже начали появляться предсказания Ванги и размышления об НЛО [37, с. 6; 38, с. 5].

В каждом уголке Курской области, помимо центральных и областных газет, существовали и иные, связанные с комитетами КПСС издания. Их функция заключалась в информировании местного населения о событиях районного масштаба. Так как они ориентировались на читателя, живущего в сельской местности, основной упор делался на статьи об аграрных реформах, уборочных кампаниях, анализ статистических сведений о состоянии народного хозяйства и т. д. Но и здесь «гласность» внесла свои коррективы. Так, например, в газете «Маяк коммунизма» (Горшеченский район) можно увидеть заголовки «Ох, дефицит!..» [39, с. 3], «Когда же наступят перемены?» [40, с. 2], авторы которых говорят об экономических проблемах в стране. На страницах «Знамени труда» (Большесолдатский район) встречаются публикации «В обстановке нетребовательности» [41, с. 1], «Я хочу рассказать вам о Западе» [42, с. 2], где нападкам подвергается сложившаяся в СССР политическая система. Похожие тенденции видны и в газете «Путь Ильича» (Фатежский район), но на фоне остальных она кажется более консервативной. В частности, здесь авторы более критично относятся к перестроечным инициативам [43, с. 2], а в августе 1991 г. на первой полосе даже выходит статья, одобряющая действия ГКЧП [44, с. 1].

Еще 9 декабря 1989 г., на очередном Пленуме ЦК, М. С. Горбачев заявил о вреде всяческой монополии, в частности по отношению к средствам массовой информации. Только при ее отсутствии, по его

мнению, они смогут объективно и непредвзято освещать текущие события переходного периода [45, с. 17]. Довольно быстро наметились шаги и в этом направлении: цензура пропускает все больше ранее запрещенных материалов, возникает множество новых разделов в газетах, а сами они постепенно превращаются в дискуссионные площадки. 12 июня 1990 г. выходит закон «О печати...», провозгласивший в СССР полную свободу слова и полностью запретивший цензуру. Важной его составляющей были положения, регулировавшие процесс регистрации независимых СМИ, которые начинают создаваться практически повсеместно [46]. В Курской области таковым стало издание «Городские известия», ставшее идейным выразителем Демократической платформы КПСС и сторонников оппозиции. Уже в первой половине 1991 г. здесь выходит статья о кризисе коммунистической идеологии [47, с. 2], перед президентскими выборами в РСФСР публикуются агитматериалы в поддержку Б. Н. Ельцина [48, с. 1]. Во время Августовского путча редакция сразу заняла позицию противников ГКЧП, проигнорировав все выпущенные им постановления [49, с. 1]. В дальнейшем издание превратилось в одну из основных областных газет, которая и по сей день информирует курян о внутриполитических и мировых событиях, но уже без прежнего оппозиционного настроя.

Проанализировав вышесказанное, можно сделать вывод о том, что тексты газетных статей содержали преимущественно информацию, порочащую советскую власть, но это далеко не так. «Гласность» пробудила многие общественные силы, к которым относились не только противники советского строя. На страницах всех упомянутых изданий периодически можно видеть мнение людей, критично настроенных по отношению к «Перестройке» [50, с. 2], рыночной экономике и ее преимуществе над плановым хозяйством [51, с. 2], демократам и сторонникам Б. Н. Ельцина [52, с. 2], стихийной декоммунизации [53, с. 4] и др. В редакцию приходило множество писем читателей, которые нередко публиковались в рамках той или иной рубрики. Кроме того, значительная часть колонок по-прежнему была занята привычными людям вещами: рассказами о местных событиях, об истории родного края, полезными советами, кулинарными рецептами, рекламой и т. д.

Такой была курская периодическая печать в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века. Она писала об успехах коммунистического строительства и крахе марксистской идеологии, о руководящей роли партии и парламентаризме, об улучшении экономических показателей и дефиците товаров в магазинах, о проблемах капитализма и пользе рыночных структур, о советском народе и национальных интересах, об атеизме и духовном возрождении, – сочетала несочетаемое. Именно в этом и состоит главная ее ценность, позволяющая современному человеку, взявшему в руки газеты тех лет, перенестись в тот момент, когда общество на время перестало быть инертным, и ощутить на себе всю пестроту

перестроечного дискурса, поистине уникального явления в отечественной истории.

Источники и литература

1. Материалы XXVII Съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
2. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М., 1987.
3. Шагин Э.М. Новейшая отечественная история. XX – начало XXI века. М., 2008. Кн. 2.
4. История России XX – начала XXI века / А. С. Барсенков, А. И. Вдовин, С. В. Воронкова; под ред. Л. В. Милова. М., 2006.
5. Спицын Е.Ю. Россия – Советский Союз. 1946–1991 гг. М., 2015. Кн. 4.
6. Гавриш Г.Б. Либерализация сферы культуры как фактор политического процесса в 1985–1989 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2011. № 1(62).
7. Шмуклер В. Учимся демократии // Курская правда. 1987. 7 авг.
8. Комаров Е. Наступление на «самого худшего внутреннего врага» // Курская правда. 1987. 12 авг.
9. Подписка-88 // Курская правда. 1987. 29 авг.
10. Золотарев С. Мы решаем // Курская правда. 1987. 12 нояб.
11. Короткин В. Демократическим путем // Курская правда. 1990. 1 июля.
12. Степанов Д. Социализм мы должны еще построить... // Курская правда. 1990. 21 авг.
13. Игнатов А. Проект новой России? // Курская правда. 1990. 16 окт.
14. Чемодуров В. Рождается альтернатива // Курская правда. 1990. 6 нояб.
15. Селезнев А. Утверждать арендные отношения // Курская правда. 1989. 3 янв.
16. Возродить хозяина на земле // Курская правда. 1989. 29 июня.
17. Макарьев В. Переход к рынку и дисциплина // Курская правда. 1990. 18 авг.
18. Березников Г. Деньги и товар: как достичь гармонии // Курская правда. 1989. 25 апр.
19. Дефицит – по талонам // Курская правда. 1989. 7 янв.
20. Безруков Н., Ферапонтов Н. «Жгучие» вопросы еще впереди // Курская правда. 1990. 30 дек.
21. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов // Курская правда. 1989. 27 янв.
22. Болдохонов К. Тень маршала Чойбалсана // Курская правда. 1989. 15 февр.
23. Шорохов М. «Зигзаги «Краткого курса» // Курская правда. 1989. 26 апр.
24. Кержаков Н. Уроки истории // Курская правда. 1990. 16 окт.
25. Юрковецкий В.Л. Свобода выбора // Курская правда. 1989. 1 янв.
26. Штукина Л. Возродится Коренная пустынь // Курская правда. 1990. 21 авг.
27. Савенков В. Время поднимать колокола // Курская правда. 1990. 31 дек.
28. Цыганов А. Правда не может быть роскошью // Молодая гвардия. 1988. 26 апр.
29. Алин И. О ГУЛАГе и «врагах народа» // Молодая гвардия. 1988. 1 нояб.
30. Мемориал // Молодая гвардия. 1988. 29 нояб.
31. Чистяков П. Чья земля? Столыпин и марксизм // Молодая гвардия. 1990. 17 марта.
32. Мартынов А. В поле – густо, в магазине – пусто // Молодая гвардия. 1990. 4 авг.
33. Зарубин Д. Госархив предупреждает... // Молодая гвардия. 1990. 27 янв.
34. Акция солидарности // Молодая гвардия. 1990. 8 сент.
35. Гонголевич Г. Тбилиси – год спустя // Молодая гвардия. 1990. 24 апр.
36. Советский Союз: три сценария // Молодая гвардия. 1990. 3 июля.

37. Бондаренко А. Коллега Ванги // Молодая гвардия. 1990. 1 мая.
38. Стом Ю. В гостях у польских уфологов // Молодая гвардия. 1990. 30 июня.
39. Зиновьев В. Ох, дефицит!.. // Маяк коммунизма. 1989. 27 июля.
40. Труфанов Л. Когда же наступят перемены? // Маяк коммунизма. 1989. 29 авг.
41. Калинина Е. В обстановке нетребовательности // Знамя труда. 1990. 12 мая.
42. Кучкина О. Я хочу рассказать вам о Западе // Знамя труда. 1990. 4 окт.
43. Дмитриев Б. Почему нам нужен новый союз // Путь Ильича. 1991. 12 февр.
44. Перинов Н. Законность и порядок – альтернатива политиканству // Путь Ильича. 20 авг.
45. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 9 декабря 1989 года. М., 1989.
46. Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010995&backlink=1&&nd=6022309> 79 (дата обращения: 21.08.2022).
47. Исаев В. Верю в здоровые силы оппозиции // Городские известия. 1991. 28 февр.
48. Бучнев Е. Ельцин – наш шанс // Городские известия. 1991. 8 июня.
49. «Известия» о «Городских известиях» // Городские известия. 1991. 24 авг.
50. Астахов Ю. И это плюрализм? // Курская правда. 1990. 12 авг.
51. Саенко Г. «Райские кущи рыночного процветания», или что знают граждане РСФСР об экономической политике Правительства республики // Путь Ильича. 1991. 8 июня.
52. Виноградов В. Я не один так думаю // Городские известия. 1991. 13 апр.
53. Чемонюк Ю. Что мы разрушаем? // Молодая гвардия. 1990. 24 нояб.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ

С. А. Пахомов

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ ... ЗА ПРИНЯТИЕМ НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ». КУРЯНЕ-СЛУЖАЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВЕДОМСТВ, ПРИЗВАННЫЕ НА ВОЕННУЮ СЛУЖБУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КУРСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Комплектование вооруженных сил в военное время, личный состав действующей армии и флота – темы, не теряющие актуальности в среде специалистов, изучающих Первую мировую войну. Исследования в данной области также имеют и практическое значение. Персональные данные о потерях и награждениях военнослужащих широко используются в работе по увековечению памяти павших и отличившихся в годы Великой войны. Сведения о мобилизованных «запасных чинах», ратниках ополчения и призванных на срочную военную службу играют важную роль в деле выявления малоизвестных и, к настоящему времени, давно забытых участников войны. Одну из таких групп составляют служащие государственных ведомств, «принятые» («принятые по призыву») на «действительную военную службу», а также «откомандированные» на фронт в 1914–1917 гг.

Из Курской губернии за годы войны по данным, опубликованным в газете «Курские губернские ведомости» (далее – КГВ), на военную службу было направлено 153 служащих: в 1914 г. – 37 чел.; в 1915 г. – 77 чел.; в 1916 г. – 36 чел.; в 1917 г. – 3 чел.

По ведомству Министерства внутренних дел (губернское правление, курская городская полиция, уездные полицейские управления, почтово-телеграфные конторы и отделения) «исключены» в связи с «принятием» на военную службу 19 чиновников и 40 «нижних чинов», канцелярских «служителей», почтальонов, «надсмотрщиков низшего оклада». Еще 17 чиновников и 10 почтальонов, «надсмотрщиков» были «откомандированы» в почтово-телеграфный отдел при Управлении начальника военных сообщений Юго-Западного фронта; 4 почтальона и «надсмотрщика» – в почтово-телеграфный отдел при Управлении начальника военных сообщений Северо-Западного фронта.

По ведомству министерства юстиции (отделы губернского правления, окружной и мировые суды, уездные учреждения дворянской опеки, тюрьмы) – 5 чиновников, 2 нотариуса и 30 помощников секретарей мировых судей, канцелярских «служителей», судебных рассыльных.

Из учреждений, подведомственных министерству финансов (Курская казенная палата, уездные казначейства) – 4 чиновника, 22 «нижних чина» и канцелярских «служителя».

Источником, содержащим данные сведения, являются ведомственные приказы об «исключении» из службы в связи с призывом или «откомандированием» на фронт, опубликованные в «Официальной части» газеты. Содержание текстов приказов воссоздает реальные эпизоды практики комплектования вооруженных сил России в период Первой мировой войны; уточняет профессиональную принадлежность и должностное положение данного контингента; дает представление о мобилизации и участии в войне населения конкретных территорий, что особенно важно в контексте краеведческих исследований. Поскольку КГВ являлись печатным органом губернской администрации, в котором сообщалось о всех служебных назначениях, перемещениях, награждениях и увольнениях лиц, состоящих на государственной службе, можно с большой долей уверенности утверждать о полноте представленных сведений по численности и составу данной категории военнослужащих-курян.

Ниже, в хронологическом порядке публикаций в газете, представлены тексты приказов и выписок из них, содержащих краткие сведения о мобилизованных, призванных, «откомандированных» и добровольцах, а также именной указатель данной категории военнослужащих, сгруппированных в соответствии с административно-территориальным делением губернии, и нумерацией текстов, в которых упоминаются эти лица.

Даты объявления приказов и их публикаций в газете указаны без изменений, в соответствии со старым календарным стилем. Тексты документов воспроизведены по источнику, с сохранением норм старого правописания.

1. Приказы управляющего Курской казенной палатой от 3 ноября 1914 г.

«ИСКЛЮЧЕН с 3 сего ноября из числа служащих по ведомству палаты канцелярский чиновник Фатежского казначейства коллежский регистратор Иван **Соколов**, вследствие приема его по призыву на военную службу. ИСКЛЮЧЕН с 3 сего ноября из числа служащих по ведомству палаты канцелярский служитель палаты Николай **Крузин**, вследствие приема его по призыву на военную службу».

КГВ. 1914. 8 нояб. № 128. С. 2.

2. Приказ Курского губернатора от 7 ноября 1914 г. № 107

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии столонич Корочанского уездного полицейского управления н. ч. Макар **Костылев** за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1914. 15 нояб. № 131. С. 1.

3. Из приказа Курского губернатора от 10 ноября 1914 г. № 109

«В виду командирования околоточных надзирателей Курской городской полиции: 1-й части н. ч. Константина **Жукова**, н. ч. Афанасия **Аверина**, 2-й части н. ч. Александра **Скуридина**, коллежского регистратора Тимофея **Мигая** и пригородней гор. Курска слободы Ямской н. ч. Владимира **Емельянова** на службу в Галицию, к врем. исп. означенных должностей назначаются...»

КГВ. 1914. 15 нояб. № 131. С. 1.

4. Приказ управляющего Курской казенной палатой от 18 ноября 1914 г.

«ИСКЛЮЧЕНЫ с 18 сего ноября из числа служащих по ведомству Палаты канцелярские служители Белгородского Казначейства Николай **Навроцкий** и Владимир **Волощенко** вследствие приема их по призыву на военную службу».

КГВ. 1914. 25 нояб. № 134. С. 2.

5. Приказ Курского губернского тюремного инспектора от 15 ноября 1914 г. № 61

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по тюремному ведомству в Курской губернии канцелярский служитель тюремного отделения Курского Губернского Правления Андрей **Николаевский** за призывом его на действительную военную службу с 1 ноября сего года».

КГВ. 1914. 9 дек. № 140. С. 1.

**6. Приказ Курского губернского правления
от 8 декабря 1914 г. № 92**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служитель Старооскольского уездного полицейского управления Семен **Парфенов** за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1914. 13 дек. № 142. С. 2.

**7. Приказ Курского губернского правления
от 15 декабря 1914 г. № 94**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Юстиции в Курской губернии канцелярский служитель Ново-Оскольской дворянской опеки Андрей **Базилев** за принятием на военную службу».

КГВ. 1914. 20 дек. № 145. С. 2.

**8. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа № 29**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков: за принятием на военную службу: п. т. чиновник 6 раз. Старо-Оскольской п. т. конторы Николай **Пономарев** с 9 октября, почтальон Нижне-Озеренского почтового отделения Антон **Филенко** с 6 октября и за откомандированием в п. т. отдел при управлении начальника военных сообщений Юго-Западного фронта надсмотрщик низшего оклада Прохоровской п. т. конторы Петр **Воскобойников** с 1 сентября».

КГВ. 1915. 1 янв. № 1. С. 1–2.

**9. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа № 31**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ: за принятием на военную службу: п. т. чиновники 5 разряда Грайворонской п. т. конторы коллежский регистратор Яков **Париченко**, Курской п. т. конторы коллежский регистратор Аркадий **Моисеенков**, контор: Лебединской Григорий **Молчанов** с 24 октября, Прохоровской Иван **Подпрятков**, Рыльской Даниил **Кендюхов**, Фатежской Василий **Свиридов** с 18 октября, надсмотрщик низшего оклада Путивльской п. т. конторы Антон **Павлусенко**, вр. исп. об. надсмотрщика низшего оклада Марьинского п. т.

отделения Стефан **Любчик**, почтальоны: Дмитриевской п. т. конторы Сергей **Барков**, Курской п. т. конторы Лавр **Булатников**, Коренно-Пустынского п. т. отд. Стефан **Бойко** с 18 октября».

КГВ. 1915. 13 янв. № 6. С. 1.

**10. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа
от 5 января 1915 г. № 736**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков за откомандированием ... в почтово-телеграфный отдел при Управлении Начальника почтовых сообщений Юго-Западного фронта чиновники 5 разряда: Дмитриевской п. т. конторы Наум **Скоморохов**, Курской п. т. конторы губернский секретарь Федор **Пиндоренко**, Льговской п. т. конторы Александр **Крамской**, Рыльской п. т. конторы Даниил **Котляревский**, Шебекинской п. т. конторы Матвей **Девкин**, Щигровской п. т. конторы Николай **Завалищев**, в почтово-телеграфный отдел при Уравлении Начальника военных сообщений Северо-Западного фронта надсмотрщики низшего оклада: Грайворонской п. т. конторы Дмитрий **Токмаков**; ...»

КГВ. 1915. 17 янв. № 8. С. 2.

**11. Приказ Курского губернского тюремного инспектора
от 15 ноября 1914 г. № 62**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списка служащих по тюремному ведомству в Курской губернии за поступлением в действующую армию добровольцем канцелярский служитель тюремного отделения Курского Губернского Правления Сергей **Лашинков** с 1 ноября 1914 года».

КГВ. 1915. 20 янв. № 9. С. 2.

**12. Приказ Курского губернского правления
от 19 января 1915 г. № 2**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский чиновник Курского Губернского Правления коллежский регистратор Валентин **Кречетов**, за принятием его на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 24 янв. № 11. С. 3.

**13. Приказ Курского губернского правления
от 27 января 1915 г. № 4**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Юстиции в Курской губернии канцелярские служители Суджанской дворянской опеки ... Федор **Давыдов** ... за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 5 февр. № 14. С. 2.

**14. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа № 35**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков за откомандированием в п. т. отдел при управлении начальника военных сообщений Юго-Западного фронта п. т. чиновники: 5 разряда Белгородской п. т. конторы губернский секретарь Иван **Машкин**, 6-го разряда п. т. контор: Грайворонской Андрей **Синица**, Новооскольской коллежский регистратор Иван **Котляров**, Путивльской Александр **Рыжков**. В п. т. отдел при управлении начальника военных сообщений Северо-Западного фронта почтальон Тимской п. т. конторы Макар **Стародубцев** с 14 октября, надсмотрщики низшего оклада Белгородской п. т. конторы Семен **Лунев** и Курской п. т. конторы Павел **Чернышев** – оба с 1 декабря 1914 г.».

КГВ. 1915. 19 февр. № 20. С. 1.

**15. Приказ и. д. губернатора вице-губернатора
от 17 февраля 1915 г. № 14**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии регистратор Львовского уездного полицейского управления н. ч. Григорий **Пожидаев**, за принятием его на военную службу».

КГВ. 1915. 21 февр. № 21. С. 2.

**16. Приказ Курского губернского правления
от 28 февраля 1915 г. № 11**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский

служитель Корочанского уездного полицейского управления Сергей **Лукьянчиков**, за принятием его на военную службу».

КГВ. 1915. 7 марта. № 27. С. 1.

**17. Приказ Курского губернского правления
от 31 марта 1915 г. № 17**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списка служащих по ведомству Министерства Юстиции в Курской губернии канцелярский служитель Тимской дворянской опеки Евгений **Холин** за принятием его на военную службу с 3 февраля 1915 года».

КГВ. 1915. 7 апр. № 37. С. 1.

**18. Приказ и. д. Курского губернатора
от 7 апреля 1915 г. № 31**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ от службы околоточный надзиратель 1 части г. Курска кол. рег. Константин **Жуков**, считая увольнение это с 7 февраля с. г. дня увольнения от должности по службе его в Галиции, куда он был командирован из Курской губернии».

КГВ. 1915. 11 апр. № 39. С. 1.

**19. Приказ председателя съезда мировых судей
Щигровского судебного-мирового округа
от 1 сентября 1914 г. № 4**

«ОСВОБОЖДАЕТСЯ от обязанностей исправляющий должность судебного рассыльного при Щигровском съезде мировых судей Павел Алексеевич **Бредихин** за призывом его на действительную военную службу как ратника ополчения 1-го разряда, с сего числа».

КГВ. 1915. 11 апр. № 39. С. 1.

**20. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков за принятием на военную службу п.-т. чиновник 5 разряда Дмитриевской п.-т. конторы Михаил **Галай** — с 20 октября 1914 г.»

КГВ. 1915. 12 мая. № 52. С. 1.

**21. Из приказа председателя съезда мировых судей
Ново-Оскольского судебного-мирового округа
от 2 января 1915 г. № 7**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ согласно прошения с 1 ноября 1914 г., канцелярский служитель Ново-Оскольского съезда мировых судей Тихон Стефанов **Прошин**, за принятием его на действительную военную службу по жребию».

КГВ. 1915. 18 июня. № 68. С. 1.

**22. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа № 8**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков: за откомандированием в п.-т. отдел при управлении начальника военных сообщений Юго-Западного фронта п.-т. чиновники 4 разряда: Курской п.-т. конторы коллежский секретарь Павел **Ильин** – с 18 февраля сего года и 5 разряда Белгородской п.-т. конторы Алексей **Поздняков**; ... за принятием на военную службу: п.-т. чиновник 5 разряда Корневской п.-т. конторы Михаил **Ковшов** – с 20 февраля с. г.; 6 разряда: Дмитриевской п.-т. конторы Константин **Андриевский** – с 11 февраля с. г., Льговской п.-т. конторы Александр **Артеменков** – с 14 февраля с. г., Суджанской п.-т. конторы Владимир **Исаенко** – с 10 февраля с. г.».

КГВ. 1915. 23 июня. № 70. С. 1.

**23. Из приказа № 9 начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков за принятием на военную службу п.-т. чиновник 6 разряда Курской п.-т. конторы Василий **Малыгин** с 5-го февраля с. г. и надсмотрщик н. о. Курской телефонной сети Александр **Певень** с 25 февраля с. г.».

КГВ. 1915. 25 июня. № 71. С. 2.

**24. Приказ управляющего Курской казенной палатой
от 30 июня 1915 г.**

«Канцелярский служащий Дмитриевского казначейства Иван **Игин**, в виду приема его при досрочном призыве новобранцев 1916 г. на военную службу, исключен с 16 мая с. г. из числа служащих по ведомству палаты».

КГВ. 1915. 7 июля. № 76. С. 1.

**25. Приказ Курского губернского правления
от 30 июня 1915 г. № 37**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Белгородского уездного полицейского управления Иван **Афанасьев**, за принятием его на военную службу с 12-го июня сего года».

КГВ. 1915. 11 июля. № 78. С. 1.

**26. Приказ Курского губернского правления
от 6 июля 1915 г. № 39**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Новооскольского уездного съезда Федор **Яшин**, за принятием его на военную службу».

КГВ. 1915. 14 июля. № 79. С. 1.

**27. Приказ Курского губернского правления
от 3 июля 1915 г. № 38**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Тимского уездного полицейского управления Виктор **Ишков**, за принятием его на действительную военную службу.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Курского уездного полицейского управления Павел **Зиборовский**, за выбытием в действующую армию».

КГВ. 1915. 16 июля. № 80. С. 1.

**28. Приказ и. д. председателя Курского окружного суда
от 3 августа 1915 г. № 72**

«Канцелярский служащий Иван **Волобуев**, согласно прошению, в виду призыва на действительную военную службу, уволен в отставку, с 1-го августа 1915 г.»

КГВ. 1915. 15 авг. № 93. С. 1.

**29. Приказ и. д. председателя Курского окружного суда
от 3 августа 1915 г. № 75**

«Исключены из списков служащих в суде канцелярские служащие: Илья **Клейман** и Петр **Немцев**, с 7-го августа с. г., по случаю принятия их по набору на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 15 авг. № 93. С. 1.

**30. Из приказа управляющего Курской казенной палатой
от 10 августа 1915 г.**

«Канцелярские служащие палаты: Владимир **Подгорецкий**, Матвей **Чучков** и Адам **Воскобойников** исключены с 10 сего августа из числа служащих палаты: Подгорецкий за смертью, последовавшей 13 июля с. г. от ран, полученных в сражении с германцами, а Чучков и Воскобойников за приемом их 1 августа с. г. на военную службу при досрочном призыве новобранцев 1917 года. ...»

КГВ. 1915. 18 авг. № 94. С. 1.

**31. Приказ Курского губернского правления
от 17 августа 1915 г. № 49**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Путивльского уездного полицейского управления Василий **Коровяковский** с 7 сего августа за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 25 авг. № 97. С. 2.

**32. Приказ управляющего Курской казенной палатой
от 20 августа 1915 г.**

«Канцелярские служители казначейств: Обоянского – Федор **Федоров** и Фатежского – Владимир **Цепров** исключены из числа служащих по ведомству палаты в виду приема их 7 августа с. г. на военную службу при досрочном призыве новобранцев 1917 года».

КГВ. 1915. 25 авг. № 97. С. 2.

**33. Приказ и. д. председателя Курского окружного суда
от 21 августа 1915 г. № 78**

«Канцелярский служитель Николай **Миленин** исключен из списков служащих в Курском окружном суде 13-го июня с. г., за принятием его по набору на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 25 авг. № 97. С. 2.

**34. Из приказа председателя
Путивльского съезда мировых судей
от 16 июня 1915 г. № 20**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из штата канцелярских служителей Путивльского съезда мировых судей Василий Иванович **Кржечковский** – с 16 июня 1915 года за принятием его на действительную военную службу по досрочному призыву 1916 года».

КГВ. 1915. 27 авг. № 98. С. 2.

**35. Из приказа председателя
Путивльского съезда мировых судей
от 1 августа 1915 г. № 22**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из штата канцелярских служителей Путивльского съезда мировых судей Иван Иванович **Борисов** – с 1 августа 1915 года за принятием его на действительную военную службу по досрочному призыву 1917 года».

КГВ. 1915. 27 авг. № 98. С. 2.

**36. Из приказа мирового судьи
3-го участка Рыльского судебного-мирового округа
от 8 августа 1915 г.**

«И. д. секретаря означенного участка Феодосий **Шлейников** в виду принятия по досрочному набору на действительную военную службу уволен 8 августа с. г. от занимаемой должности ...»

КГВ. 1915. 27 авг. № 98. С. 2.

**37. Приказ Курского губернского правления
от 24 августа 1915 г. № 51**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Новооскольской дворянской опеки Михаил **Парамонов** – с 7 сего августа, за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 29 авг. № 99. С. 1.

**38. Приказ Курского губернского правления
от 28 августа 1915 г. № 53**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Курского Губернского Правления Илларион **Греков** – с 7 августа с. г., за принятием его на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 3 сент. № 101. С. 1.

**39. Приказ Курского губернского правления
от 31 августа 1915 г. № 54**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служащий Белгородского уездного съезда Григорий **Степанов** – за принятием его на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 5 сент. № 102. С. 1.

**40. Приказ председателя
Обоянского съезда мировых судей
от 10 августа 1915 г. № 20**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ из штата канцелярских служителей Обоянского съезда мировых судей неимеющий чина Николай **Ершов** за принятием его на военную службу по набору».

КГВ. 1915. 5 сент. № 102. С. 1.

**41. Из книги приказов председателя
Путивльского съезда мировых судей
от 21 августа 1915 г. № 24**

«На основании циркуляра Министерства Юстиции от 6 октября 1914 года за № 69374 постановил: за призванным по мобилизации на действительную военную службу помощником секретаря Путивльского съезда мировых судей Иваном Ивановичем **Харламовым**, как ратником Государственного ополчения 1 разряда, сохранить должность помощника секретаря с выдачей полного содержания, причитающегося по должности, на все время пребывания его на военной службе, ...»

КГВ. 1915. 5 сент. № 102. С. 1.

**42. Приказ Курского губернского правления
от 31 августа 1915 г. № 54**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служитель Старооскольского уездного полицейского управления Василий **Зиновьев** – за принятием его на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 8 сент. № 103. С. 1.

**43. Приказ Курского губернского правления
от 1 сентября 1915 г. № 55**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярские служители: Суджанского уездного полицейского управления Павел **Горяинов**, Николай **Горлачев** и Стефан **Столбцов** и Курского

Губернского Правления Петр **Реутов** – с 20 февраля с. г., за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 8 сент. № 103. С. 1.

**44. Приказ Курского губернского правления
от 9 сентября 1915 г. № 57**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярские служители: Льговского уездного по воинской повинности присутствия Василий **Киселев** и Суджанского уездного съезда Яков **Бердников** – с 7 августа с. г., за принятием на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 17 сент. № 107. С. 1.

**45. Из приказа управляющего
Курской казенной палатой
от 10 сентября 1915 г.**

«Канцелярский служитель Новооскольского казначейства Григорий **Степовиков** исключен из числа служащих по ведомству палаты в виду приема его при досрочном призыве новобранцев 1917 г. на военную службу».

КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 2.

**46. Приказ председателя
Белгородского съезда мировых судей
от 8 сентября 1915 г. № 23**

«Неимеющий чина Михаил Сергеевич **Норец** временно освобождается от обязанности судебного рассыльного, в виду призыва на действительную военную службу».

КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 1.

**47. Из приказа председателя
Дмитриевского съезда мировых судей
от 1 марта 1915 г.**

«Канцелярский служитель Дмитриевского съезда мировых судей исправляющий должность судебного рассыльного 2 уч. Захарий Дмитриев **Корсаков**, уволен от должности канцелярского служителя и от

исправления обязанностей судебного рассыльного с 1 марта 1915 года, за принятием его на военную службу по набору».

КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 2.

**48. Приказ председателя
Дмитриевского съезда мировых судей
от 21 июня 1915 г.**

«Канцелярский служащий Дмитриевского съезда мировых судей Григорий Никитин **Церковников** увольняется со службы за принятием его на военную службу по набору».

КГВ. 1915. 19 сент. № 108. С. 2.

**49. Приказ Курского губернского тюремного инспектора
от 10 сентября 1915 г. № 71**

«Канцелярский чиновник тюремного отделения Курского Губернского Правления Петр **Брежнев** исключается из списков служащих по тюремному ведомству в Курской губернии за поступлением его на военную службу охотником на правах вольноопределяющихся 2-го разряда, с 1 сентября 1915 года».

КГВ. 1915. 22 сент. № 109. С. 1.

**50. Из приказа председателя
Обоянского съезда мировых судей
от 9 сентября 1915 г. № 21**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ от должности, судебного рассыльного при съезде мировых судей Григорий **Воронцов**, за призывом его по мобилизации на военную службу, как ратника государственного ополчения 2-го разряда, с сентября 1915 года».

КГВ. 1915. 22 сент. № 109. С. 1.

**51. Из приказа Курского губернского правления
от 23 сентября 1915 г. № 61**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский

служитель Курского губернского правления **Дмитрий Детченко**, за поступлением на военную службу добровольцем».

КГВ. 1915. 29 сент. № 112. С. 1.

**52. Приказ Курского губернского правления
от 28 сентября 1915 г. № 62**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служитель Курского губернского правления Леонид **Иванов** за поступлением добровольцем на военную службу, с 25-го сего сентября».

КГВ. 1915. 3 окт. № 114. С. 1.

**53. Приказ Курского губернского тюремного инспектора
от 22 сентября 1915 г. № 72**

«Канцелярский служитель тюремного отделения Курского Губернского Правления, откомандированный в распоряжение начальника Обоянской тюрьмы Сергей **Апухтин** исключается из списков служащих по тюремному ведомству в Курской губернии за призывом его на действительную военную службу, как ратника ополчения второго разряда, с сентября 1915 года».

КГВ. 1915. 3 окт. № 114. С. 1.

**54. Приказ и. д. Курского губернатора вице-губернатора
от 3 октября 1915 г. № 144**

«В виду призыва начальника Путивльской уездной тюрьмы, губернского секретаря **Горелова** на действительную военную службу, временное исполнение обязанностей начальника названной тюрьмы возлагается на ...»

КГВ. 1915. 15 окт. № 119. С. 1.

**55. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа № 20**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков: за откомандированием в п.-т. отдел при управлении начальника военных сообщений Юго-Западного фронта п.-т. чиновники: 5 разряда Курской п.-т. конторы губернский секретарь Михаил **Федоренко** – с 14 апреля с. г.; почтальоны: Старооскольской п.-т.

конторы Пантелеймон **Романченков**, Рыльской п.-т. конторы Никита **Шинкаренко** – с 16 апреля с. г., Курской п.-т. конторы Александр **Правдивцев** и Григорий **Олейник** – с 17 апреля с. г. и Белгородской п.-т. конторы Георгий **Лазарев** – с 18 апреля с. г.».

КГВ. 1915. 15 окт. № 119. С. 2.

**56. Приказ председателя
Грайворонского съезда мировых судей
от 20 октября 1915 г. № 13**

«За призывом на действительную военную службу судебного рассыльного **Марчевского**, временное исполнение обязанностей судебного рассыльного возложено на ...»

КГВ. 1915. 21 нояб. № 134. С. 1.

**57. Приказ управляющего
Курской казенной палатой
от 9 января 1916 г.**

«Канцелярский служитель Дмитриевского казначейства Иван **Марков** в виду приема его 3 января с. г. по набору на военную службу исключен из числа служащих по ведомству палаты».

КГВ. 1916. 16 янв. № 7. С. 1.

**58. Приказ председателя
съезда мировых судей Щигровского округа
от 31 декабря 1915 г. № 18**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Юстиции в Курской губернии канцелярский служитель съезда мировых судей Щигровского судебно-мирового округа Петр Михайлович **Хаустов** за призывом его на действительную военную службу по набору».

КГВ. 1916. 21 янв. № 9. С. 2.

**59. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа № 25**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков за откомандированием в п.-т. отдел при управлении начальника военных сообщений Юго-Западного фронта

п.-т. чиновник 4 разряда Курской п.-т. конторы коллежский секретарь Семен **Борисов** и Алексей **Исаев** – оба с 20 мая 1915 года; 5 разряда: Курской п.-т. конторы коллежский регистратор Василий **Шевченко** – с 20 мая 1915 года; за принятием на военную службу почтальон Путивльской п.-т. конторы Тихон **Павлусенко** с 1 июня 1915 г. Ракитянской п.-т. конторы Трифон **Пшикало** с 18 мая 1915 года и Звенячского почтового отделения Михаил **Киктенко** с 1 июня 1915 года».

КГВ. 1916. 23 янв. № 10. С. 1.

**60. Из приказа начальника
Харьковского почтово-телеграфного округа (далее утрачено)**

«ИСКЛЮЧАЮТСЯ из списков за принятием на военную службу п.-т. чиновники 6 разряда: Курской п.-т. конторы Тимофей **Бабенко** – с 28 мая 1915 г., Авенир **Чертков** – с 1 июня 1915 года, и Головчинского п.-т. отделения Василий **Кульгута** – с 5 июня 1915 г.».

КГВ. 1916. 26 янв. № 11. С. 2.

**61. Приказ управляющего
Курской казенной палатой
от 20 января 1916 г.**

«Делопроизводитель канцелярии податного инспектора Суджанского уезда н. чина Михаил **Алексеев**, канцелярский чиновник палаты коллежский регистратор Петр **Козин** и канцелярские служители палаты: Иван **Соколов**, Дионисий **Найденев**, Григорий **Сушков** исключены из числа служащих по ведомству палаты, за приемом их по набору на военную службу».

КГВ. 1916. 28 янв. № 12. С. 1.

**62. Приказ мирового судьи
3-го участка Корочанского судебного-мирового округа
от 21 января 1916 г. № 14**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ от должности секретаря мирового судьи 3 участка Корочанского округа Николай Николаевич Чеботарев с сего числа, в виду принятия его на действительную военную службу».

КГВ. 1916. 28 янв. № 12. С. 1.

**63. Приказ Курского губернского правления
от 22 января 1916 г. № 8**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ от службы, согласно прошению, в виду призыва на военную службу, канцелярский служитель Курского Губернского Правления, откомандированный для занятий в Курский губернский статистический комитет Андрей **Вашков**».

КГВ. 1916. 30 янв. № 13. С. 1.

**64. Приказ управляющего
Курской казенной палатой
от 23 января 1916 г.**

«Канцелярский служитель палаты Григорий **Климов** с 20 сего января исключен из числа служащих палаты, за приемом его по набору на военную службу».

КГВ. 1916. 2 февр. № 14. С. 2.

**65. Приказ Курского губернского правления
от 26 января 1916 г. № 4**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии канцелярский служитель Курского губернского правления Василий **Ларин** за принятием на военную службу».

КГВ. 1916. 4 февр. № 15. С. 1.

**66. Приказ Курского губернского правления
от 13 февраля 1916 г. № 7**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губ. канцелярский чиновник Курского губернского по земским и городским делам присутствия колл. рег. Андрей **Бобовников** за принятием на военную службу по набору».

КГВ. 1916. 18 февр. № 21. С. 1.

**67. Приказ Курского губернского правления
от 24 февраля 1916 г. № 8**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Юстиции в Курской губернии канцелярский чиновник Щигровской дворянской опеки колл. рег. Сергей **Титов**, за принятием на военную службу по набору».

КГВ. 1916. 1 марта. № 25. С. 1.

**68. Приказ председателя съезда мировых судей
Щигровского судебного-мирового округа
от 23 февраля 1916 г. № 1**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Юстиции, в Курской губернии канцелярский служитель, съезда мировых судей Щигровского судебного-мирового округа Алексей Федорович **Кулабухов** с 25 января 1916 года, за призывом его на военную службу по набору».

КГВ. 1916. 5 марта. № 27. С. 2.

**69. Приказ и. д. Курского губернатора вице-губернатора
от 4 марта 1916 г. № 14**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии столоначальник 1 стола Фатежского уездного полицейского управления н. ч. Александр **Андросов** за принятием на военную службу по набору».

КГВ. 1916. 10 марта. № 29. С. 1.

**70. Приказ и. д. Курского губернатора вице-губернатора
от 15 марта 1916 г. № 16**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ от службы, согласно прошению, регистратор Корочанского уездного полицейского управления н. ч. Константин **Васильев**, в виду поступления его на военную службу добровольцем, с 1 марта с. г.»

КГВ. 1916. 22 марта. № 34. С. 2.

**71. Приказ Курского губернатора
от 23 марта 1916 г. № 151**

«ОТКОМАНДИРОВАННЫЙ в Курскую тюрьму для исполнения обязанностей сверхштатного помощника начальника тюрьмы, канцелярский чиновник тюремного отделения Курского губернского правления, коллежский регистратор **Лавров**, исключается из списка служащих по тюремному ведомству в Курской губернии, за поступлением охотником в действующую армию, с 14 марта 1916 года...»

КГВ. 1916. 29 марта. № 37. С. 1.

**72. Приказ управляющего
Курской казенной палатой (без номера и даты)**

«Канцелярский служитель Казенной палаты Авенир **Алехин** исключен из числа служащих палаты за смертью его, последовавшей 26 апреля с. г. от ран, полученных в сражении с германцами».

КГВ. 1916. 7 мая. № 51. С. 2.

**73. Приказ Курского губернского правления
от 27 мая 1916 г. № 20**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел в Курской губернии столоначальник Новооскольского уездного полицейского управления н. ч. **Георгий Чередниченко**, за принятием на военную службу в досрочный призыв».

КГВ. 1916. 2 июня. № 62. С. 1.

**74. Приказ управляющего
Курской казенной палатой
от 31 мая 1916 г.**

«Канцелярский служитель Суджанского казначейства **Головин**, за призывом его 15 сего мая на военную службу, вследствие досрочного набора военнообязанных родившихся в 1897 г., исключен из числа служащих по ведомству палаты».

КГВ. 1916. 7 июня. № 64. С. 1.

**75. Приказ управляющего
Курской казенной палатой
от 3 июня 1916 г.**

«И. д. делопроизводителя канцелярии податного инспектора Суджанского уезда н. чина Виктор **Самофалов**, за призывом его на военную службу, исключен из числа служащих по ведомству палаты».

КГВ. 1916. 7 июня. № 64. С. 1.

**76. Приказ мирового судьи
4 участка Корочанского судебного-мирового округа
от 24 мая 1916 г. № 13**

«Согласно словесному заявлению и. об. секретаря Федора Михайловича **Дмитренко**, об увольнении его от занимаемой должности в отставку, в виду принятия его на военную службу, ОПРЕДЕЛИЛ: и. об. секретаря мирового судьи 4 участка Корочанского округа Федора Михайловича **Дмитренко** уволить от занимаемой должности с 24 мая 1916 г. согласно прошению».

КГВ. 1916. 7 июня. № 64. С. 1.

**77. Из приказа управляющего
Курской казенной палатой
от 16 июня 1916 г.**

«Канцелярский служитель Тимского казначейства, Иван Филиппович **Жилин**, за призывом его 7 сего июня на военную службу, вследствие досрочного набора военнообязанных, родившихся в 1897 году, исключен из числа служащих по ведомству палаты с 7 сего июня».

КГВ. 1916. 21 июня. № 70. С. 1.

**78. Приказ председателя
съезда мировых судей Тимского округа
от 24 мая 1916 г. № 10**

«Временно исполняющий должность судебного рассыльного при съезде мировых судей Георгий Иосифов **Паньшин**, кр-н села Выгорного 1 части, уволен от занимаемой им должности с 24 мая сего года в виду на военную службу по набору».

КГВ. 1916. 5 июля. № 76. С. 2.

**79. Приказ Курского губернского правления
от 22 августа 1916 г. № 29**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству министерства внутренних дел в Курской губернии канцелярский служитель Тимского уездного по воинской повинности присутствия, Михаил **Калмыков**, за принятием на военную службу в досрочный призыв».

КГВ. 1916. 25 авг. № 98. С. 1.

**80. Приказ управляющего
Курской Казенной Палатой
от 3 сентября 1916 г.**

«Канцелярский служитель Белгородского казначейства, Иван Степанович **Ежаченко**, приказом г. управляющего Курской Казенной палатой, исключен из числа служащих по ведомству палаты, за призывом его 25 августа с. г. на действительную военную службу».

КГВ. 1916. 8 сент. № 103. С. 1.

**81. Приказ Курского Губернского Правления
от 6 сентября 1916 г. № 32**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству министерства внутренних дел в Курской губернии канцелярский служитель Суджанского уездного съезда, Дмитрий **Воскобойников**, за принятием на военную службу в досрочный призыв».

КГВ. 1916. 10 сент. № 104. С. 1.

82. Из «Распоряжений губернского начальства»

«Приказом председателя съезда мировых судей Тимского округа от 1 сентября 1916 года за № 14, увольняется временно, впредь до возвращения с военной службы в виду призыва по мобилизации, помощник секретаря, Василий **Богатырев**».

КГВ. 1916. 13 сент. № 105. С. 1.

**83. Из приказа председателя
Курского окружного суда
от 30 сентября 1916 г. № 83**

«... за призывом Велико-Михайловского нотариуса **Гербут** по мобилизации 24 сентября с. г. на действительную военную службу, нотариальная контора его, находящаяся в слободе Велико-Михайловке, Ново-Оскольского уезда, закрыта на все время нахождения **Гербута** на военной службе».

КГВ. 1916. 6 окт. № 115. С. 1.

**84. Из приказа председателя съезда мировых судей
Ново-Оскольского судебного-мирового округа
от 1 июня 1916 г. № 2**

«Вр. и. д. Судебного Рассыльного Ново-Оскольского Съезда Мировых Судей, канцелярский служитель, не имеющий чина Василий Николаевич **Уколов**, увольняется с сего числа от службы за принятием его на действительную военную службу по набору».

КГВ. 1916. 13 окт. № 118. С. 1.

**85. Из приказа председателя съезда мировых судей
Ново-Оскольского судебного-мирового округа
от 1 июня 1916 г. № 3**

«Канцелярский служитель Съезда Мировых Судей, не имеющий чина Андрей Тимофеевич **Кравченко**, увольняется с сего числа от службы за принятием его на действительную военную службу по набору».

КГВ. 1916. 13 окт. № 118. С. 1.

**86. Приказ мирового судьи
2 участка Ново-Оскольского судебного-мирового округа
от 1 сентября 1916 г. № 10**

«В виду призыва по мобилизации на военную службу секретаря мирового судьи 2 участка Ново-Оскольского округа, Стефана Григорьевича **Ананьевского**, к временному исполнению обязанностей секретаря мирового судьи 2 участка допускается ...»

КГВ. 1916. 18 окт. № 120. С. 1.

**87. Приказ Курского губернского правления
от 15 октября 1916 г. № 39**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списков служащих по ведомству министерства внутренних дел в Курской губернии канцелярский служитель Дмитриевского уездного полицейского управления, Петр **Беляев**, за принятием на военную службу по набору, с 20 сентября сего года».

КГВ. 1916. 25 окт. № 122. С. 1.

**88. Из приказа управляющего Курской казенной палатой
от 24 октября 1916 г.**

«Назначенный на время настоящей войны бухгалтером полевого казначейства 6-го Кавказского армейского корпуса, коллежский секретарь Владимир Алексеевич **Давыдов**, состоявший бухгалтером Курской казенной палаты приказом управляющего палатой от 24 сего октября исключен из числа служащих палаты, за смертью, последовавшей 7 сентября с. г., согласно сообщению об этом управления военно-окружного казначея Кавказского военного округа от 18 сего октября за № 2173».

КГВ. 1916. 25 окт. № 122. С. 1.

**89. Из приказа председателя
Курского окружного суда
от 11 ноября 1916 г. № 99**

«... за призывом исправляющего должность Тимского нотариуса **Вашенко-Пажитиева**, по мобилизации на действительную военную службу, нотариальная контора нотариуса Вашенко, находящаяся в городе Тиму, закрыта на все время нахождения его на военной службе или до представления нового заместителя».

КГВ. 1916. 17 нояб. № 132. С. 2.

**90. Приказ председателя
Дмитриевского съезда мировых судей
от 7 марта 1916 г.**

«УВОЛЬНЯЕТСЯ, за поступлением на военную службу, канцелярский служитель Дмитриевского съезда мировых судей, Иван Самуилов **Седых**».

КГВ. 1916. 17 нояб. № 132. С. 2.

**91. Приказ председателя съезда мировых судей
Щигровского судебного-мирового округа
от 1 ноября 1916 г. № 10**

«ОСВОБОЖДАЕТСЯ от обязанностей канцелярский служитель съезда мировых судей Щигровского судебного-мирового округа, Петр Филиппович **Стрельников**, за призывом его на действительную военную службу, как ратника ополчения 2-го разряда, с 29 декабря 1916 года».

КГВ. 1917. 4 февр. № 15. С. 1.

**92. Приказ Курского губернатора
от 18 февраля 1917 г. № 27**

«ИСКЛЮЧАЕТСЯ из списка служащих по ведомству Министерства Внутренних Дел, допущенный к вр. испр. должности Регистратора Дмитриевского уездного управления, н. ч. Николай **Фаддеев**, за принятием на военную службу в досрочный призыв».

КГВ. 1917. 25 февр. № 23. С. 1–2.

**93. Отношение Курской казенной палаты
от 13 мая 1917 г. № 23764**

«... приказом Управляющего Курской Казенной Палатой канцелярский служитель Новооскольского казначейства Борис **Стребков** с 8 сего мая исключен из числа служащих Новооскольского казначейства, в виду смерти его, последовавшей в ночь на 2 марта с. г. в бою с неприятелем».

КГВ. 1917. 20 мая. № 56. С. 1.

**94. Отношение Курской казенной палаты
от 13 мая 1917 г. № 23764**

«... приказом Управляющего Курской Казенной Палатой бухгалтер 1 разряда Путивльского казначейства, ныне состоящий кассиром полевого казначейства 3-го сибирского армейского корпуса, согласно прошению его, представленному при отношении казначея 3-го сибирского армейского корпуса, от 25 апреля 1917 г. за № 1066, уволен с 1 сего мая со службы, по

ведомству Казенной Палаты в виду перехода **Макова** на службу по военному ведомству».

КГВ. 25 (далее утрачено). С. 1–2.

Именной указатель

Белгород и уезд

1. Афанасьев Иван. 25.
2. Волощенко Владимир. 4.
3. Девкин Матвей. 10.
4. Ежаченко Иван Степанович. 80.
5. Лазарев Георгий. 55.
6. Лунев Семен. 14.
7. Машкин Иван. 14.
8. Навроцкий Николай. 4.
9. Норец Михаил Сергеевич. 46.
10. Поздняков Алексей. 22.
11. Степанов Григорий. 39.

Дмитриев и уезд

1. Андриевский Константин. 22.
2. Барков Сергей. 9.
3. Беляев Петр. 87.
4. Галай Михаил. 20.
5. Игин Иван. 24.
6. Корсаков Захарий Дмитриевич. 47.
7. Киктенко Михаил. 59.
8. Марков Иван. 57.
9. Седых Иван Самуилович. 90.
10. Скоморохов Наум. 10.
11. Фаддеев Николай. 92.
12. Церковников Григорий Никитич. 48.

Курск и уезд

1. Аверин Афанасий. 3.
2. Алехин Авенир. 72.
3. Апухтин Сергей. 53.
4. Бабенко Тимофей. 60.

Грайворон и уезд

1. Кульгута Василий. 60.
2. Марчевский. 56.
3. Париченко Яков. 9.
4. Пшикало Трифон. 59.
5. Синица Андрей. 14.
6. Токмаков Дмитрий. 10.

Короча и уезд

1. Васильев Константин. 70.
2. Воскобойников Петр. 8.
3. Дмитренко Федор Михайлович. 76.
4. Костылев Макар. 2.
5. Лукьянчиков Сергей. 16.
6. Подпрятков Иван. 9.
7. Чеботарев Николай Николаевич. 62.

Льгов и уезд

1. Артеменков Александр. 22.
2. Киселев Василий. 44.
3. Крамской Александр. 10.
4. Пожидаев Григорий. 15.

5. Бобовников Андрей. 66.
6. Бойко Стефан. 9.
7. Борисов Семен. 59.
8. Брежнев Петр. 49.
9. Булатников Лавр. 9.
10. Вашков Андрей. 63.
11. Волобуев Иван. 28.
12. Воскобойников Адам. 30.
13. Греков Илларион. 38.
14. Давыдов Владимир Алексеевич. 88.
15. Детченко Дмитрий. 51.
16. Емельянов Владимир. 3.
17. Жуков Константин. 3, 18.
18. Зиборовский Павел. 27.
19. Иванов Леонид. 52.
20. Ильин Павел. 22.
21. Исаев Алексей. 59.
22. Клейман Илья. 29.
23. Климов Григорий. 64.
24. Козин Петр. 61.
25. Кречетов Валентин. 12.
26. Крузин Николай. 1.
27. Лавров. 71.
28. Ларин Василий. 65.
29. Лашинков Сергей. 11.
30. Малыгин Василий. 23.
31. Мигай Тимофей. 3.
32. Миленин Николай. 33.
33. Моисеенков Аркадий. 9.
34. Найденов Дионисий. 61.
35. Немцев Петр. 29.
36. Николаевский Андрей. 5.
37. Олейник Григорий. 55.
38. Певень Александр. 23.
39. Пиндоренко Федор. 10.
40. Подгорецкий Владимир. 30.

Новый Оскол и уезд

1. Ананьевский Стефан Григорьевич. 86.
2. Базилев Андрей. 7.
3. Гербут. 83.
4. Котляров Иван. 14.
5. Кравченко Андрей Тимофеевич. 85.
6. Парамонов Михаил. 37.
7. Прошин Тихон Стефанович. 21.
8. Степовиков Григорий. 45.
9. Стребков Борис. 93.
10. Уколов Василий Николаевич. 84.
11. Чередниченко Георгий. 73.
12. Яшин Федор. 26.

Обоянь и уезд

1. Воронцов Григорий. 50.
2. Ершов Николай. 40.
3. Любич Стефан. 9.
4. Федоров Федор. 32.

Путивль и уезд

1. Борисов Иван Иванович. 35.
2. Горелов. 54.
3. Коровяковский Василий. 31.
4. Кржечковский Василий Иванович. 34.
5. Маков. 94.
6. Павлусенко Антон. 9.
7. Павлусенко Тихон. 59.
8. Рыжков Александр. 14.
9. Харламов Иван Иванович. 41.

Рыльск и уезд

1. Кендюхов Даниил. 9.
2. Ковшов Михаил. 22.
3. Котляревский Даниил. 10.
4. Шинкаренко Никита. 55.
5. Шлейников Феодосий. 36.

41. Правдивцев Александр. 55.
42. Реутов Петр. 43.
43. Скуридин Александр. 3.
44. Соколов Иван. 61.
45. Сушков Григорий. 61.
46. Федоренко Михаил. 55.
47. Чернышев Павел. 14.
48. Чертков Авенир. 60.
49. Чучков Матвей. 30.
50. Шевченко Василий. 59.

Суджа и уезд

1. Алексеев Михаил. 61.
2. Бердников Яков. 44.
3. Воскобойников Дмитрий. 81.
4. Головин. 74.
5. Горлачев Николай. 43.
6. Горяинов Павел. 43.
7. Давыдов Федор. 13.
8. Исаенко Владимир. 22.
9. Самофалов Виктор. 75.
10. Столбцов Стефан. 43.

Фатеж и уезд

1. Андросов Александр. 69.
2. Свиридов Василий. 9.
3. Соколов Иван. 1.
4. Цепров Владимир. 32.

Старый Оскол и уезд

1. Зиновьев Василий. 42.
2. Молчанов Григорий. 9.
3. Парфенов Семен. 6.
4. Пономарев Николай. 8.
5. Романченков Пантелеймон. 55.

Тим и уезд

1. Богатырев Василий. 82.
2. Ващенко-Пажитиев. 89.
3. Жилин Иван Филиппович. 77.
4. Ишков Виктор. 27.
5. Калмыков Михаил. 79.
6. Панышин Георгий Иосифович. 78.
7. Стародубцев Макар. 14.
8. Холин Евгений. 17.

Щигры и уезд

1. Бредихин Павел Алексеевич. 19.
2. Завалищев Николай. 10.
3. Калабухов Алексей Федорович. 68.
4. Стрельников Петр Филиппович. 91.
5. Титов Сергей. 67.
6. Филенко Антон. 8.
7. Хаустов Петр Михайлович. 58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич – начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук;

Волкова Анна Ивановна – преподаватель колледжа коммерции, технологий и сервиса ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»;

Давыдов Алексей Сергеевич – аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;

Ефремова Ирина Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Государственный архив Курской области»;

Золоторева Наталья Вячеславовна – ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Госархив Курской области»;

Кауров Александр Александрович – преподаватель истории и обществознания МБОУ «Совхозская средняя общеобразовательная школа» Малоархангельского района Орловской области;

Кононов Николай Григорьевич – заслуженный работник культуры РСФСР, кандидат исторических наук;

Ласочко Людмила Сергеевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Государственный архив Курской области», Почетный архивист Российской Федерации;

Манжосов Александр Николаевич – заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Курска, кандидат исторических наук;

Моисеев Евгений Леонидович – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Государственный архив Курской области»;

Немкова Дарья Сергеевна – аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;

Пахомов Сергей Александрович – старший научный сотрудник отдела истории ОБУК «Курский областной краеведческий музей»;

Петров Николай Вячеславович – аспирант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»;

Потаскаева Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Государственный архив Курской области»;

Раков Виктор Владимирович – заместитель директора по научно-исследовательской работе ОКУ «Государственный архив Курской области», кандидат исторических наук;

Рожковская Инесса Олеговна – главный архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения ОКУ «Государственный архив Курской области»;

Холодова Елена Васильевна – ведущий научный сотрудник отдела истории архитектуры и градостроительства Нового времени Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, кандидат архитектуры;

Черников Олег Алексеевич – заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», кандидат исторических наук;

Чубаров Алексей Игоревич – заведующий историко-проектным отделом ОБУК «Курский областной краеведческий музей», кандидат исторических наук;

Шпаков Илья Владимирович – заведующий отделом формирования и сопровождения электронных ресурсов научной библиотеки ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат исторических наук.

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Выпуск XXI

Подписано в печать 18.10.2022 г.
Формат 60х84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 60 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78